

Баранов Николай Александрович
Демиург местного значения

Николай Баранов

Демиург местного
значения

Аннотация:

Предупреждали, нельзя на озеро Туманное (или по местному Гиблое), люди там пропадают. Но мне, считающем себя довольно умным, прошедшем через войну, плен да и другие трудности, разочарованном в своей жизни вояке, захотелось самому всё проверить. И вот, облачившись в гидрокостюм и прихватив остальное для этих целей снаряжение, я нырнул в воды озера...

Очередная история о попаданцах.

Баранов Николай Александрович

Демиург местного значения

Пролог

Из подводного тоннеля я выскочил, хоть и ободрал плечи на последнем метре, естественно, разодрав вначале гидрокостюм. Ликованию моему не было границ, несмотря на то, что нужно было преодолеть еще неизвестное количество метров водной толщи до поверхности. Плохо, что не успел сделать полноценного вдоха - воздух обрезало сразу и теперь этого самого воздуха стало катастрофически не хватать. До вожаемой поверхности добрался на выдохе, в облаке воздушных пузырей.

Следующие минуты полторы я, не видя ничего вокруг, дышал. Чистый воздух после двух часов дыхания в акваланге, да еще после того, как несколько раз за эти два часа простился с жизнью - это нечто. Когда отдышался, начал воспринимать окружающее, а когда включились мозги, по этому окружению начали появляться вопросы. Самый основной вопрос - а куда меня, собственно, занесло? Ну, это ладно, выберемся из воды - разберемся. Второй напрягающий момент - время суток. Я, помнится, ушел под трясины где-то в начале одиннадцатого. Там, со всеми приключениями, могло пройти часа два с половиной - на большее просто не хватило бы воздуха. То есть, сейчас должно было быть не больше двух часов дня. Здесь же, по всем признакам, царил раннее утро. Серый рассветный воздух, сдобренный хорошей порцией утреннего же тумана, сужавшего видимость метров до десяти, не более. Ну и как объяснить сей феномен? Получается, я пробыл под землей часов пятнадцать. Но такого же, не может быть в принципе. Ладно, запишем это в непонятки, а пока вернемся к вопросу номер раз. А именно: куда я попал и как отсюда выбраться? Еще и не видно ничерта! Ладно, поплыли.

Плыть без акваланга было легко. Однако вскоре прямо по курсу из тумана выросла отвесная стена. Подобрался к ней вплотную, ухватился рукой за осклизлый от тины выступ, глянул вверх. Верхний край терялся в тумане. А это не меньше десяти метров. Стена была все из того же известняка с зелеными пятнами, то ли мха, то ли водорослей. Ни крупных уступов, ни приличных трещин, в общем, не забраться. Куда теперь? Вправо? Влево? Какая, в общем-то, разница. И я поплыл вправо. Плыл минут десять. Стена практически не менялась. Все так же ее верхний край скрывался в тумане, все такой же неприступной она оставалась. Уцепившись за выступ, остановился передохнуть. Вымотался смертельно. Плюс переохлаждение: гидрокостюм у меня был мокрого типа, а температура воды в подземном тоннеле вряд ли превышала пятнадцать градусов. Да и в водоеме, в котором теперь бултыхался, было довольно прохладно. Начинало конкретно поколачивать. Двигаться надо! Двигаться! Собравшись с силами, я замолотил ластами и двинулся дальше вдоль, кажущейся уже бесконечной, стены. Скорость развил приличную и через несколько минут движения меня начали терзать смутные сомнения. А именно: что я двигаюсь по кругу: чтобы плыть вдоль стены приходилось сильнее загребать левой ногой и вроде бы рельеф стенки начал повторяться. Чтобы проверить эту догадку вытащил из-за пояса найденный Андрюхин нож и поскоблил стену на уровне глаз. Так, чтобы соскоблить слой зеленой тины до чистого белого камня. Поплыл дальше. Уже не так быстро, поглядывая на стену более внимательно. Добрался до соскоба минут через пять. Что называется - приплыли.

Получалось, что я вынырнул в каком-то гигантском колодце, типа сенота, в который сбрасывали своих жертв индейцы майя. Надо же - вспомнилась книжка, прочитанная, по-моему, еще в детстве. Если так, стоит мне поплыть прочь от этой стенки, и я неминуемо должен уткнуться в противоположную сторону колодца. Что ж, проверим, чтобы уж совсем не сомневаться. Поплыл. Уткнулся. Диаметр водоема оценил метров в пятьдесят. Действительно - приплыли. Что называется, из огня, да в полымя. Что теперь? Лезть на стенку? В буквальном смысле? Вот только рельеф этой самой стенки к скалолазанию не располагал. Да и самочувствие мое стремительно ухудшалось, куда там лезть, на поверхности

бы удержаться.

Грустные размышления прервал голос, раздавшийся сверху. Женский голос. Молодой. И даже, вроде бы, смутно знакомый. Голос кого-то звал. Негромко. Я замер и прислушался.

- Посланник! - звал голос. - Посланник!

Звали, судя по всему, кого-то другого, но решил отозваться.

- Эй, наверху! - позвал я. И сам удивился слабости своего голоса. Потом испугался, что меня не услышат, и попытался добавить громкости. Получилось плохо. Грудь разодрало кашлем.

- Посланник, - опять раздалось сверху, - лови.

Через секунду в воду шлепнулась веревка с привязанной на конце деревяшкой. Дрожащими руками ухватился за нее и, то ли крикнул, то ли просипел:

- Тащите!

Сверху потянули. Я попытался упереться ластами в стенку и соскользнул. Сорвал ласты. Попробовал еще раз - так было лучше. Ну же, теперь надо напрячься. Упираясь дрожащими ногами в стенку и цепляясь цепенеющими руками за веревку, начал карабкаться вверх. Сверху активно помогали, подтягивая мою тушку вместе с веревкой. Если бы не эта помощь, вряд ли бы мне самому удалось вскарабкаться на такую высоту. А высота была метров пятнадцать, не меньше. Наконец, из тумана показался край выступа, над которым смутно белели два лица. Еще усилие и я, перевалившись через этот край, растянулся на ровной каменистой площадке лицом вниз. Вымотался на столько, что даже радоваться спасению сил не оставалось. Тело продолжала колотить крупная дрожь. Надо бы срочно согреться. В идеале в горячей ванне. Только где ее здесь взять?

Кто-то из спасителей ухватил меня за плечо и аккуратно перевернул лицом вверх. Сквозь пелену, застилающую глаза, увидел над собой огромное русобородое лицо. Лицо очень хорошо, по-доброму улыбалось. От такой улыбки мне даже стало чуток теплее. Сильные руки, должно быть принадлежащие этому лицу, приподняли мне голову и подложили под нее что-то мягкое. Потом укрыли чем-то теплым и мохнатым, пахнущим овчиной. Потом большое лицо исчезло из поля зрения и на его месте появилось изящное женское. Знакомое, надо сказать, лицо. Мозги работали с трудом. Пришлось напрячься. И тут я узнал. На какое-то время даже пропала дрожь. Я привстал на локте, чтобы рассмотреть свою спасительницу как следует и убедиться, что не ошибся. Теперь, когда пелена перед глазами малость рассеялась, сомнений не оставалось - передо мной, присев на корточки, сидела Валька Синицина и смотрела на меня с выражением немыслимого обожания. Рядом с Синициной стоял на коленях и, тем не менее, возвышался над ней на две головы, здоровенный детина, которого я увидел первым. Смотрел он на меня примерно с таким же выражением лица, что и Валентина.

Прикид у моих спасителей был странен. На детине были надеты широкие штаны из мягкой, по виду, кожи, сероватая рубаха из грубой, материи, перепоясанная широким кожаным поясом. Голову этого странного персонажа венчала плохо расчесанная копна волос, еще более светлых, чем борода. На вид мужику было лет тридцать-тридцать пять.

На Синициной было безрукавное, платье из такой же мягкой кожи, что и штаны на ее друге. Довольно длинное - ниже колен, расшитое каким-то сложным узором. На ногах изящные сапожки. Тоже из кожи, вроде замши. На шее болтались бусы из зеленого необработанного камня. Темные, расчесанные на прямой пробор, волосы были схвачены вокруг головы, сплетенным из тонких кожаных шнурков, ремешком.

Откуда-то сзади слышался топот многочисленных ног и возбужденные восклицания. Шум приближался, и вскоре из клубящегося тумана высыпала толпа народа примерно в том же прикиде, что и мои спасители. Снова навалились дурнота и слабость. Вернулся, и отступивший было, озноб. Я снова откинулся на что-то мягкое под головой. Глянул на Вальку и спросил слабым до противности голосом:

- Вы чего тут, Синицина, в ролевые игры играетесь? Или это у вас клуб реконструкторов?

Ответа подруги детства уже не услышал. В голове зашумело, в глазах потемнело, и я элементарно вырубился.

Глава 1

А началось все неделю назад. Ранним июльским утром. Первые лучи солнца, показавшегося над верхушками высоченных корабельных сосен, пробились сквозь ткань палатки и защекотали лицо. Вылезать из теплого спальника не хотелось категорически. Я набросил на голову клапан мешка и попытался вернуться в сладкий утренний сон: благо спешить было, ну абсолютно некуда. Сон, однако, стремительно улетучивался. Повозившись, минут, пять и, поняв, что сон ушел безвозвратно, вжикнув молнией, выбрался из уютного лежбища и, проделав ту же операцию с молнией входа, вылез из палатки. Смачно потянувшись, почувствовал, как сонная вялость стремительно покидает тело, которое наполняется взамен бодростью и силой. Никакие кошмары, которых я в тайне опасался, да и вообще сны в эту первую ночь на озере меня не посещали. Вот и славно!

Нырнув в палатку, достал туалетные принадлежности и сбежал по пологому песчаному берегу к озеру. Почистил зубы, умылся. Вода по контрасту с утренней прохладцей казалась теплой, как парное молоко. Растерся полотенцем и повесил его сушиться на ветках росшего рядом с палаткой бересклета. Загудели проснувшиеся вместе со мной комары, прицеливаясь на обнаженный торс. Порывшись в рюкзаке, достал баллончик спрея и побрызгал на кожу. Кровососы метнулись в стороны и стали держаться на почтительном расстоянии.

Однако пора готовить завтрак и разбирать оборудование для погружений. Дров я запас еще с вечера. Нужно было только порубить валежины покороче. Уже через полчаса в кипящую воду посыпались макароны. Минут через десять решил, что макароны готовы, слил воду и заправил их банкой свиной тушенки. Сразу же повесил над костром чайник - пусть закипает, пока расправляюсь с завтраком. Умяв упрощенный вариант макарон по-флотски, напился чаю и занялся вдумчивым разбором вещей и оборудования. Вчера на озеро я приехал гораздо позднее, чем предполагал: место глухое, малопосещаемое жителями окрестных деревень - у них данный водоем пользовался дурной славой, заслуженной, надо сказать. Соответственно, нормальной дороги до него не накатали, ехать приходилось полузаросшими просеками, не менее заросшими лесными дорогами, а местами почти тропинками. Благо мой, пусть не новый и не слишком дорогой внедорожник, пер как зверь, подминая и ломая кенгурятником кусты и даже молодые деревца. Скажете варварство? Может быть, а что делать? Добираться до места-то надо. В общем, я слегка блуданул. А что вы хотите? В последний раз здесь был больше семи лет назад. Вот и заняла дорога вместо часа-полтора все пять. Добрался до места уже в сумерках. Ну и пришлось оборудовать лагерь на скорую руку.

Это лесное озеро мы с Андрюхой открыли для себя лет двенадцать назад. Андрюхин дед Матвей жил в деревне Семеновке километрах в двадцати от него. На карте озеро было обозначено под названием Туманное. Название, надо сказать, вполне заслуженное - вечерами туман на озеро выползал в обязательном порядке. У местных, повторюсь, озеро пользовалось дурной славой, а дед Матвей в деревню к которому мы приехали на пару дней - навестить в летние каникулы, упомянул о нем случайно в разговоре, обозвав Гиблым. Мы с Андреем сразу сделали стойку и вцепились в деда, как два клеща, пока не вытянули из него все, что тот знал о загадочном озере.

В это время нам было по пятнадцать лет, и мы уже два года страдали болезнью под названием подводная охота. Два дня мы уговаривали Андреева деда проводить нас до озера. Дед Матвей, было, уперся, мол, нельзя туда - опасно, и сдался только на второй день уговоров. И то после того, как Андрей пригрозил, что мы доберемся до озера сами по карте и уж тогда без его присмотра оторвемся по полной. В общем, дед обещал проводить, но с условием, что мы торжественно поклянемся со своими ластами и подводными ружьями в воду не лезть и ограничимся традиционной рыбалкой с берега, в крайнем случае, с резиновой лодки. Скрепя сердце, мы согласились на эти кабальные условия, утешая себя мыслью, что в следующий раз отправимся туда одни - вот тогда и повеселимся.

Двигаться решили на велосипедах, благо с этим чудом техники дед обращался вполне уверенно. Добирались до озера больше трех часов. Где-то мы ехали на велосипедах, где-то

велосипеды ехали на нас. Местами приходилось буквально продираться через молодую поросль, забивающую просеки и лесные дорожки. По дороге дед Матвей рассказывал страшные истории про озеро. Говоря коротко, здесь с незапамятных времен пропадали люди. Именно пропадали - тел, по словам деда, никогда не находили. Впрочем, это-то как раз было вполне объяснимо. Такой вывод мы сделали, добравшись, наконец, до Гиблого и разглядев его внимательно. Во-первых, озеро просто было большим, по крайней мере, для глухого лесного озера - километра четыре в длину и метров семьсот в ширину. Во-вторых, оно было карстового происхождения и, соответственно, было глубоким. Ну и последнее, примерно четвертая часть озера была заболочена, и слабое течение направлялось в этот заболоченный участок. Так что не найти тела утонувших было не мудрено. Эти наши соображения, впрочем, деда не убедили, поэтому все данные ему обещания пришлось честно выполнять.

А вот на следующий год, когда родители за успешное окончание учебного года купили мне мотоцикл, мы, все же, в обход дедовых запретов добрались до Гиблого самостоятельно.

К слову сказать, ничего такого особенно загадочного в озере не обнаружилось. По крайней мере, в той части его, которую мы смогли обшарить с масками, дыхательными трубками и ластами в поисках добычи. А добыча здесь была знатной: окуни, щуки, лещи - таких экземпляров я больше нигде не встречал.

Еще раз повторюсь: каких-то загадочных, или таинственных явлений за то время пока мы здесь находились, не наблюдалось. Но не зря же, у местных сей водоем получил такое зловещее название. Исследовательский зуд не давал покоя, и мы параллельно с подводной охотой занялись изучением озера.

Озеро имело удлинённую, слегка изогнутую форму, и вытянулось почти точно с запада на восток. Сверху оно, наверное, было похоже на серебристый изогнутый клинок, лежащий среди темных хвойных лесов. Вогнутая его часть с выходами песка, кое-где образующих симпатичные песчаные пляжи, была пологой. На одном из таких пляжей мы обычно и разбивали лагерь. Выгнутый противоположный берег - обрывистый с выходами известняка. С востока в самую узкую часть впадала небольшая речушка, которая питала озеро. Стока у него не было. По крайней мере, стока надземного. Куда девалась вода? Видимо, уходила вниз по карстовым тоннелям. Кстати, вот и еще объяснение исчезновения утонувших.

На протяжении нескольких лет мы пытались найти начало этого подводного стока, но тщетно. Все же с нашим примитивным снаряжением сделать это было сложновато. Кое что все же о подводном рельефе Гиблого выяснить удалось. Глубина озера нарастала от пологого берега, где располагался наш лагерь, и достигала максимума - метров семь-восемь - у противоположного обрывистого. Обнаружили мы и две огромные ямины-омута, видимо, те самые карстовые воронки, благодаря которым Гиблое и образовалось. Располагались они примерно в середине, в самой широкой части озера на расстоянии метров пятисот друг от друга, идеальной круглой формы, метров по триста в диаметре. Глубина одной воронки составляла двенадцать метров, другой почти двадцать. До дна первой я донырнул. Один раз. Больше не захотелось. И даже не в том дело, что глубина для меня была на пределе физических возможностей, нырял я в море на такую глубину и неоднократно. Давили на психику ограниченная видимость вкупе со слабой освещенностью вблизи дна, а так же торчащие из донного ила жутковатого вида коряги - остатки упавших когда-то в озеро деревьев, переплетенные тиной, похожей на охотничьи сети какого-то гигантского подводного паука. Сразу начинали мерещиться позеленевшие утопленники на дне. А что, куда-то же должны были деваться пропавшие здесь люди.

Андрей, как ныряльщик был послабее меня, поэтому достать дна первой воронки даже не пытался. Нырять во вторую не стал уже я, после того, как мы измерили ее глубину бечевкой с грузиком. Тем не менее, решили, что и во второй воронке стока нет - течение продолжалось и после нее и присутствовало вплоть до западного берега. Западный берег был образован невысоким известняковым утесом с большой серповидной вымоиной-заливом. Водная гладь заканчивалась, однако, значительно раньше. Последних метров семьсот озера до утеса и сам залив были заболочены. Тут была натуральная трясина - воду покрывало колышущееся под ногами одеяло, сплетенное из корней болотных трав, по которому с некоторой опаской можно было даже ходить. Правда, недалеко у самого берега. Дальше травяной слой истончался, и в нем появлялись разрывы-окна чистой воды.

Течение уходило туда - под зыбун. Оставалось предположить, что подземный сток находится где-то там, под травяным ковром, возможно даже у самого западного берега, где могла находиться еще одна карстовая воронка - не зря же утес, образующий западный берег, имел такую выемку - след от провала.

На лодке мы подплывали к краю трясины со стороны озера, ныряли и даже доплывали до ближних разрывов-окон. Глубина озера вблизи границы заросшего участка, составляла те же шесть-восемь метров. Что было дальше оставалось только гадать. Дно под трясинной оказалось основательно заиленным, что не удивительно: течением сносило сюда весь озерный мусор, плюс - отмершая трава, опускающаяся на дно сверху, с травяного одеяла. Не заиленной оставалась этакая дорожка шириной метров пятьдесят, начинающаяся недалеко от края трясины, и теряющаяся в темноте подтрясинного пространства. Ила на ней не было вообще, и даже глыбы известняка, лежащие на дне, были будто выбелены без всякого налета тины. Здесь, ближе ко дну, течение ощущалось значительно сильнее. В общем, все это указывало на то, что сток действительно находится где-то там, под трясинной.

Однако бултыхаться у границы трясины и не иметь возможности забраться под ее покров и выяснить, наконец, что же там находится, было мучительно. Опять же, хотелось все-таки добраться до дна второй, глубокой воронки. Что поделать - любопытство, помноженное на юношеский максимализм это поистине страшная смесь. В общем, мы решили, что нам нужны акваланги и оборудование, обеспечивающее их функционирование. Родители Андрюхи были людьми не бедными. Не олигархи, конечно, но несколько приличных по размерам магазинов в нашем не самом маленьком областном центре они имели.

Осенью после завершения купального сезона мой друг попытался закинуть удочки на предмет спонсирования родителями этого его маленького каприза, предварительно выяснив цену вопроса. Каприз стоил, конечно, не так уж и дешево, но уперлись предки Андрюхи не из-за денег. Они и так-то смотрели на наше увлечение без восторга, особенно тетя Вера - мама Андрея: ну как же, единственное дитя занимается жутко опасным делом - гоняется под водой с риском для жизни за сумасшедшими рыбами. Ну а уж когда она услышала об аквалангах.... И как не заливал ей любимый сын о том, что погружаться мы будем максимум метра на три в ближайшем лягушатнике, маму было не свернуть. Ну, во-первых, она не поверила (в общем-то, правильно), что мы будем барахтаться на мелководье, а во-вторых, по образованию тетя Вера была врачом и, к несчастью для нас, интересовалась когда-то проблемами глубоководных погружений, со всеми сопутствующими прелестями в виде кессонной болезни, азотного опьянения, баротравмы легких и так далее. В чем-то она была, безусловно, права - без основательной теоретической, а особенно практической подготовки нырять на глубины, имеющиеся в Гиблом озере, было чревато. Это мы поняли во время посещения курсов дайвинга, на которые записались, после облома с покупкой вожеленного подводного снаряжения. Однако и после окончания курсов, следующей весной очередной приступ Андрюхи был родителями отбит. Хотя на сей раз, они были не так категоричны и обещали подумать. В общем, и в это лето пришлось довольствоваться нырянием в масках и ластах. В следующем году родители продолжали 'крутить динамо'. Мы с Андрюхой уж пытались и накопить и заработать, чтобы купить акваланги самим, без родительского благословения, но не сложилось - как-то незаметно подошло к концу обучение в средней школе, и встала проблема поступления в ВУЗ. Поэтому лето после одиннадцатого класса было суетливым, и времени выбраться, даже к ближайшему водоему почти не было.

Поступили мы в нашу областную Медакадемию. Поступать в разные ВУЗы не возникло даже мысли - мы с Андреем с детства неразлейвода. А почему в мед? Тут, видимо, сказалось капанье на мозги тети Веры. Плюс андрюхины гены - не забываете, мама медик. В общем, мой друг решил в мед, а мне, строго говоря, было все равно, и я пошел с ним за компанию.

Глава 2.

Вообще мы с Андреем Анюшиным были, что называется, друзьями детства - сидели в детском садике на соседних горшках. Родители наши познакомились, когда нам было года по

три. Отец Андрея устроился на работу в конструкторское бюро, в котором трудился мой родитель. Соответственно, отпрыск его был определен в ведомственный детский садик, который имел честь посещать и я.

Помню, как в первый раз тетя Вера привела за руку Андрюшеньку - тощенькое, тонкошее, напуганное существо. На тот момент я был шустрым и довольно крепким, для своего возраста, пацаном и, соответственно, верховодил в нашей возрастной группе. Чем-то мне новенький глянулся, видно почуял я в нем родственную душу. В общем, я взял Андрея под свое покровительство. Видно в благодарность за это следующие четыре года он ходил за мной пришитым хвостиком, с восторгом подхватывая все мои начинания, иногда весьма рискованные и чреватые основательной трепкой от родителей. В начальных классах Андрюха начал проявлять некоторую самостоятельность, но мой авторитет в принципиальных вопросах оставался непререкаемым.

В тех же начальных классах средней школы у Андрюшки вдруг проявилась какая-то безоглядная, отчаянная храбрость, учитывая его субтильное сложение, смахивающая на мазохизм. Впервые я это наблюдал классе во втором. В те времена мы активно осваивали самостоятельную жизнь во дворе нашего дома (выбираться за его пределы, было строго-настрого запрещено) и, соответственно, не обходилось без трений с его обитателями. Тут сыграли роль мой неугомонный характер и тяга к лидерству. Среди сверстников этот фокус (в смысле лидерство) как-то проходил. Хотя, случались и осечки. Обитал в нашем дворе некий Сережка Ухов. Учился он в параллельном классе нашей же школы. Так вот, ему не по вкусу были эти мои командирские замашки. Какое-то время он их терпел, но однажды взбунтовался и получил от меня трепку (а пусть не спорит, если ничего не понимает!). От большой обиды, или общей вредности характера Серега рванул домой и наябедничал старшему брату, который был года на три старше нас. Три года в таком возрасте разница большая, да и сам по себе он парнишка был не хилый. В общем, шансов против серегиного брата у меня не было, но, чтобы не потерять лицо перед дворовой пацанвой надо было драться. Мы сцепились. Братец, видно, хотел просто повалить меня в снег (дело было зимой), чтобы неповадно было, но после пары полученных чувствительных тычков в физиономию осерчал и начал метелить меня всерьез. И вот тут, лежа в сугробе и почти прекратив попытки подняться на ноги, я услышал дикий визг и ощутил, что пинки, не дающие мне встать, прекратились. Страхнув с физиономии снег, я увидел следующую картину: Андрюшка, пронзительно визжа, вцепился обеими руками этому жлобу в ногу, пытаясь его одновременно повалить и укусить за заднюю часть бедра. Серегин брат опешил от такой отчаянной атаки и тряс плененной конечностью, пытаясь освободиться. Получалось плохо: друг мой вцепился, как хороший бульдог. И вот в тот момент, когда наш противник наклонился, защемили двумя пальцами тонкую Андрюшкину шею и попытался его оторвать, я с разбегу врезался ему головой в живот. Удар получился славный. Серегин брат согнулся пополам и, хватая ртом воздух, рухнул в снег. Разозлился я страшно, поэтому остановиться сразу не мог и принялся сторицей возвращать пинки поверженному врагу. Андрюха, наконец-то отцепившийся от его ноги, прыгал вокруг с криками: 'Дай, дай ему, Витек!' (Витек, то бишь Виктор Быков - это я). Старший Ухов, закрывая лицо от моих ударов, поднялся на четвереньки и вдруг с низкого старта рванул к своему подъезду под восторженное улюлюканье, сбежавшейся на зрелище местной детворы.

Авторитет наш во дворе после этого случая возрос необычайно. Мы, однако, не возгордились и 'беспредельничать' не стали (да и кто нам соплякам это позволил бы). К тому же я и Андрей пришли к выводу, что суровая взрослая жизнь, в которую, как мы искренне верили, мы уже вступили, требует умения драться. Потому, после некоторого сопротивления в лице родителей, мы записались в секцию дико популярного в то время каратэ. Благо находилась она всего в двух кварталах от нашего дома. Пацан я был настырный до упертости и отнесся к тренировкам со всей ответственностью. Анюшин, глядя на меня, тоже втянулся и через пару лет с нами старались не связываться даже ребята хорошо постарше нас, тем более ходили мы везде вместе. Пацаны из соседних дворов, вообще, считали нас братьями.

Такой активный образ жизни весьма благотворно сказался на организме Андрюхи: к пятнадцати годам он перерос меня на полголовы, фигура его обрела рельефную сухую мускулатуру. Стал он гибким и пластичным, как молодой хищник из семейства кошачьих.

Ангины и простуды, донимавшие его в детстве, были забыты. В сочетании с жесткими золотистыми волосами, голубыми глазами, высокими скулами и правильными чертами лица, внешность его производила убойное впечатление на девчонок. Меня тренировки тоже не испортили, я и в детстве был парнишкой крепким, а теперь, нарастив мышцы (побольше андюхиных), но имея меньший рост, казался несколько массивным. Цвет волос у меня был ближе к темному, физиономия вполне среднестатистическая - не красавец, но и не урод. В общем, на фоне своего друга, с женской точки зрения, выглядел вполне себе серенько. Во всяком случае, весь наш опыт общения с девчонками свидетельствовал об этом.

Кстати, относительно девчонок. Интересоваться Андрюхой они начали еще классе в шестом (ну я же говорил про его внешность). Мы же в этом вопросе, в развитии как-то подзадержались. Правда, насколько я знаю, это касается всех пацанов, вообще. Сверстницы нас здесь опережают. Опять же интенсивные тренировки и почти полное отсутствие свободного времени.... Так что все попытки представительниц прекрасного пола познакомиться с Андрюхой, ну и со мной, заодно, поближе мы пресекали. Иногда довольно грубо. До обид. Что поделать, молодые были, глупые. Однако к пятнадцати годам гормоны взяли свое. Осознав проблему, мы принялись ее решать с присущей нам энергией и пылом. Дефицит времени принял критический характер и, не смотря на горестные вопли и призывы одуматься нашего сэнсэя, мы покинули секцию каратэ.

Так вот, возвращаясь к девчонкам. В этом вопросе Андрюха захватил бесспорное лидерство. Для нашего тандема такая ситуация была непривычной, хотя, в остальных вопросах мой друг продолжал довольствоваться ролью ведомого. Ну что ж, язык у него был подвешен лучше моего, а в трепе с девчонками он разворачивался во всей красе. Ну и внешность само собой. В общем, я добровольно, ушел в тень. Тем не менее, даже пребывая в тени такого плейбоя, я получал толику внимания от девиц, крутившихся вокруг Андрюхи, как бабочки вокруг огня свечи.

Не смотря на то, что мы окунулись с головой в любовные приключения, серьезных отношений ни с одной из прелестниц ни у меня, ни у моего друга до самого окончания школы не завязалось. Видимо, в связи с тем же замедленным развитием, еще не дозрели до таковых. Так мы дожили до выпускного класса школы. Вот здесь эта приятная легкость бытия начала сбоить. Во всяком случае, у меня. Как там у Пушкина: 'Пришла пора, раскрылись очи....' Ну и так далее. Правда, сказано было это, кажется, об особи женского пола, вроде бы Татьяне, насколько я помню школьную программу. Ну да мою ситуацию эта фраза характеризовала очень точно. А может так со всеми случается. Все же Пушкин, говорят, был большой дока в этом вопросе.

А началось все, повторяюсь, в сентябре, когда мы торжественно вступили в выпускной класс средней школы. С Иринкой Курченко мы познакомились, если можно так сказать, в том самом ведомственном детском садике, который с Андрюхой посещали. Ирка в те времена была таким мелким белобрысым бесенком, от которого стонали все воспитатели, и была первой заводилой в разных авантурных затеях. Я, опираясь на свой авторитет, иногда удерживал ее от совсем уж безумных предприятий, но далеко не всегда. Курченко, имея хорошо подвешенный язык, и весьма развитый для своего возраста ум, умела меня обвести и добиться своего. Злиться на нее долго было невозможно - когда попадалась, она смотрела в глаза с таким искренним раскаянием, что хотелось простить ее за все прошлые, да и будущие грехи заодно. Была у Ирки подруга, с которой дружили они примерно, как мы с Андрюхой. По характеру, да и по внешности полная ее противоположность. Темненькая скромная молчунья, имеющая храбрость, впрочем, поддерживать все ее авантюры. Звали ее Валентина Синицына. У меня и Андрюхи с этими девчонками имело место что-то вроде взаимной симпатии. Не тяга к противоположному полу, упаси бог - слишком мелкими мы тогда были. Вроде бы дружба, но не совсем такая, как между пацанами. В общем, сложно все это. Всякие хулиганские выходки, по крайней мере, мы часто устраивали вместе.

Так вот, с приключениями, но в целом благополучно завершили мы свой воспитательный процесс в садике и приступили к обучению в средней школе. Там все продолжалось примерно в том же духе вплоть до второй четверти третьего класса. А потом обе наши боевые подруги перевелись в другую школу в связи с переездом их родителей на новое место жительства - расселили, наконец-то, ветхий дом, в котором они обитали. Тут

наша дружба и закончилась. Новый дом, в который девчонки переехали, и школа находились на другом конце города и кататься туда, чтобы их навестить было далековато, тем более в неполные десять лет (банально не пускали родители).

И так, в тот последний школьный сентябрь мы с Андрюхой после уроков решили прогуляться по нашей знаменитой Верхневолжской набережной. Вид оттуда на Волгу открывался изумительный. После недели затяжных, типично осенних дождей, поливших почему-то в конце августа, пришли солнечные теплые дни, бабье лето, что ли? Солнце грело во всю, теплый южный ветерок шелестел пока еще зеленой листвой деревьев, растущих ниже набережной по крутому склону, сбегаящему к голубеющей на солнце воде широкой реки. Купив по мороженому, мы не спеша фланировали по разноцветной брусчатке, трепались ни о чем и пытались приставать к симпатичным девицам, надевшим, благодаря солнышку, снова летние платья, может быть последний раз в этом году. Приставали, впрочем, вполне вежливо, можно сказать, интеллигентно, как умел это делать Андрей, поскольку сейчас первую скрипку играл он. Зато у меня был зоркий глаз, и первым, еще издали, засек особенно симпатичную парочку - блондинку и брюнетку я. Дернул друга за рукав. Тот глянул, одобритительно кивнул и ускорил шаг, догоняя приглянувшихся девчонок. Одна из них, та, которая блондинка, оглянувшись на нас, что-то прошептала своей черненькой подруге и обе залились жизнерадостным смехом. В тот момент, когда Андрей открыл рот, чтобы произнести первую фразу, девчонки остановились, обернулись и хором запели:

- Здравствуйте, мальчики! Здравствуй, Андрюша! Здравствуй, Витя!

И изобразили книксен. Я не сразу узнал наших подружек детства - изменились они с момента нашей последней встречи основательно. В лучшую, надо сказать, сторону. Андрюха сориентировался быстрее, можно сказать, мгновенно. Я еще хлопал глазами, а он уже на правах старого друга полез к нежданно обретенным подругам с объятиями и поцелуями. Когда и я завершил процесс узнавания, меня, что называется, замкнуло: стоял дурак дураком, не сводя глаз с Иринки.

Повторюсь, до сих пор Любовь, вот такая, с большой буквы, меня, как-то обходила, хотя почти все мои ровесники переболели этим недугом. Некоторые даже не по разу. А у меня, да и у Андрюхи, насколько я знал - ни в одном глазу. Ну, Анюшина пару раз легкая влюбленность, посещала. Меня минуло даже это. А тут буквально накрыло. Прямо все, как в книжках: смотрю на эту 'белокурую бестию' и чувствую - пропал. Главное, чем больше в нее вглядываюсь, тем больше подмечаю черточки, жесты, манеру разговора - все знакомое с детства. И, в то же время, все это воспринимается совершенно по-новому и меняет знакомый образ радикально. Ну и выросла она, приобрела все, что положено привлекательным девицам.

Ирка, похоже, это мое состояние просекла сразу, на мгновение посерьезнела, внимательно глянула своими бездонными, серо-зелеными глазами мне в глаза и, вроде бы усмехнулась, не губами, а теми же глазами - эдак понимающе и, где-то даже торжествуя. Но, в следующую секунду, превратилась в легкомысленную, радующуюся встрече с бывшими однокашниками, девчонку.

В общем, дальше пошли гулять вчетвером. Зашли в не дорогую кафешку на набережной, посидели, повспоминали прошлое. Я немного отошел от первого впечатления и, по мере возможностей, пытался поддерживать разговор. Потом еще гуляли. Начало смеркаться и девчонки засобирались домой. Как истинные джентльмены мы вызвались проводить. Ехать нужно было на окраину города. Андрюха, как самый богатый, предложил поймать такси. Подруги отказались, и пришлось ехать на автобусе. Жили они в одном квартале, в домах, стоящих напротив друг друга, и разделенных маленьким уютным сквериком. Мы не спеша дошли до этого сквера. Дальше надо было разделяться: кому-то провожать Иринку, кому-то Валентину. Тут вышла неловкость - и я и Андрюха предложили себя в качестве провожатых Ирке: на Андрюху она, как видно, то же произвела впечатление. Она, зараза такая, сделала паузу, вроде бы выбирая достойного. У меня, буквально, как в книжках пишут, замерло сердце. Если бы она выбрала моего друга, я не знаю, что бы сделал. Ирка, насладившись ситуацией, хихикнула и, подхватив меня под руку, сказала:

- Пусть сегодня Витя проводит.

Это был щелчок по самолюбию Андрюхи - обычно всегда выбирали его, я в нашем дуэте шел вторым номером, и никогда, надо сказать, не комплексовал по этому поводу,

понимая, что объективно для девушек мой друг более привлекателен. Но вот тут случилось такое исключение из правил, которому я был несказанно рад. Анюшин же - явно обескуражен. Таким растерянным и даже, как-то по детски обиженным я его не видел ни разу. Тем не менее, он быстро взял себя в руки, принужденно засмеявшись, сказал:

- Тогда я с Валентиной, - и, подхватив Ирину подружку под руку, повлек ее к родному подъезду.

В общем, с того знаменательного дня я начал, как это принято называть, встречаться с Ириной. Отношения у нас с самого начала складывались не простые. Характер у моей подруги остался тот же, что и в детстве - склонный к безумствам и авантюрам. Я излишней рассудительностью то же никогда не страдал, но тут был явный перебор. Причем, тяга к приключениям у Ирки возникала, похоже, только в моем присутствии. Без меня, со слов знакомых, она вела себя вполне адекватно, ну с поправкой на холерический темперамент. Складывалось впечатление, что при каждой нашей встрече неугомонная девчонка меня, таким образом, испытывает. На прочность, что ли? Плюс к этому - тяга к лидерству. А я, как вы помните, то же страдал этой болезнью. В общем, каждая наша встреча превращалась, в своего рода, поединок с атаками, контратаками и отступлениями. Иногда имели место компромиссы. Причем, отступать и искать эти самые компромиссы, как правило, приходилось мне. Не любовь, а какая-то война, однако. А может это у всех так? Не знаю. Вряд ли.

Кстати, у Андрюхи с Валентиной то же закрутилось, что-то более серьезное, чем, обычно, бывало с другими его пассиями. Или мне это просто казалось? Впрочем, в серьез увлечусь Иринкиной подружкой было не мудрено. Во-первых, она была красива. Не кричащей, бросающейся в глаза красотой, а спокойной, утонченной, которую начинаешь понимать при близком знакомстве и достаточно долгом общении. При каждой встрече в таких девчонках открываешь что-то новое - во внешности, характере, поступках и мыслях. В каком-то смысле, Валентина была, пожалуй, интереснее своей подруги. Теперь я это понимаю. Анюшин понял это еще тогда. Как относилась к нему Синицына? Затрудняюсь ответить. Она, вообще, была человек закрытый и чувств своих демонстрировать не любила.

Тем не менее, я то и дело ловил взгляды Андрюхи на мою Иринку. И взгляды эти мне не очень-то нравились. Вожделенные какие-то взгляды. Но дружба для него, как и для меня была делом святым и никаких попыток отбить у меня девчонку, Анюшин не предпринимал. Не уверен, кстати, что это у него получилось бы - Иринка это давала понять вполне недвусмысленно

Вот так вот мы закончили выпускной класс. Дружно всей четверкой поступили в мед. Окончили первый курс. Пережили каникулы и в сентябре должны были приступить ко второму году обучения. Все случилось первого сентября. Две недели во время каникул мы провели в Египте на Красном море вместе с девчонками. День мы с Андрюхой посвящали дайвингу. Подруги, не смотря на все наше старание, этим занятием не увлеклись и примитивно валялись на пляже, изредка окунаясь в теплые зеленые волны. Вечером все вместе тусовались в прибрежных кафешках. Вторую половину каникул Андрей и я провели на нашем заветном озере. Девчонки по отдельной программе отправились в какой-то молодежный лагерь на Селигер. Черт бы его взял, этот лагерь! Почему? Сейчас объясню.

Глава 3.

Приехали и наши подруги и мы тридцать первого, причем, мы явились уже затемно - проблемы с транспортом. На следующий день первой парой была лекция. Я добрался до нашей 'альма матер' неожиданно быстро и уселся на любимом нашем месте, на самом верху амфитеатра минут за десять до начала занятий. Андрей появился и уселся рядом минут через пять. Близилось начало лекции, а наших подруг пока не было видно. Накануне поздно вечером я созванивался с Иринкой и потому не беспокоился - добрались до дома они нормально. Девчонки появились за минуту до прихода преподавателя. Появились, правда, они не вдвоем, а втроем. Вначале я не понял, что симпатичный веселый парень - с ними, думал какой-нибудь новенький с нашего потока. Однако, потому что тот шел за девчонками, как приклеенный, при этом о чем-то оживленно болтая с Иринкой, как можно болтать только с хорошо знакомой, я сообразил, что парень не сам по себе парень. Эта тройка отправилась к

нам наверх, однако, уселись они не рядом, как обычно, а на ряд впереди, непосредственно перед нами. Девчонки поздоровались, несколько скованно и продолжили треп с этим пришлым парнем. Головы сокурсников синхронно повернулись к нам, демонстрируя самый широкий диапазон чувств - от неприкрытого злорадства (это девчонки), до вполне искреннего сочувствия (в основном пацаны). Хотя, по большей части народ демонстрировал обычное любопытство. Сидеть под этими взглядами было весьма неприятно, во всяком случае, мне. Андрюхе, похоже, так же было не очень уютно, хотя сразу было видно, что клеит мой внезапный соперник именно Ирку. А, самое главное - она совсем не против этого. Во всяком случае, мне так казалось.

С трудом отсидев первый час лекции, я собрал вещи и вторую ее половину провел в буфете, заливая свою нежданную печаль апельсиновым соком: ничего крепче здесь не водилось. Следующей парой были какие-то лабы, и наш курс разделился по группам. С девчонками мы, к счастью, учились в разных группах - видеть Ирку не хотелось категорически. В лабораторию я вошел перед самым приходом преподавателя, чтобы избежать расспросов однокашников и сел рядом с Андрюхой. Тот, видимо, уже успел порасспросить Валентину, и порывался мне что-то сказать. Я довольно резко оборвал его и он, обидевшись, замолчал.

После лабов был большой обеденный перерыв. Я, нарочно не спеша, собирал свои вещи, дожидаясь, чтобы все разошлись. Андрей опять попытался со мной заговорить.

- Андрюх, не сейчас, - помнится, ответил я. - Иди обедать.

Мой друг, пожав плечами, вышел из лаборатории. Я тоже двинулся к выходу и здесь в дверях, нос к носу столкнулся с Ирккой.

- Привет, Витя, - каким-то несвойственным для нее, я бы сказал жалобным голосом, сказала она.

- Виделись уже, - довольно грубо ответил я и попытался обойти девчонку.

- Подожди, - схватила она меня за рукав, - дай хоть объяснить.

Видеть ее, а тем более говорить с ней я не мог. В душе бурлила ядовитая смесь из обиды и ярости.

- Меня в деканат вызывают. Срочно, - соврал я и, вырвав рукав из ее побелевших от напряжения пальцев, почти побежал вниз по лестнице.

И вот, наступили черные дни. С Иринкой я старался не пересекаться, а при неизбежных встречах в академии старался не смотреть в ее сторону. Еще в тот злополучный день я дал себе зарок, что ни за что не прощу бывшей подруге такую подлость, и ни о каком продолжении отношений не может быть и речи. Хватит. Уступал ей во всем, уступал и доуступался. Правильно Андрюха называл меня подкаблучником. Надо показать характер. Вот такие настроения у меня преобладали. Валентина с Андрюхой пытались нас помирить, но я давал понять, что об этом не может быть и речи. Да и Ирка после той единственной попытки больше не делала никаких шагов к примирению. Ее лицо при моем появлении становилось пугающе чужим.

Еще на второй день после всего этого Валентина поведала мне подоплеку последних событий. Познакомились они с Эдиком, так звали того пижона, который приперся на лекцию, в том самом лагере на Селигере. Эдик запал на Ирку с первого дня и не давал ей прохода все две недели пребывания там девчонок. По некоторым оговоркам Валентины я понял, что бывшая моя подруга не поощряла этих ухаживаний, но и не была особо против. Хотя, отбрызнуть назойливых парней при желании могла в один момент, с ее-то острым, если не сказать ядовитым язычком. Но ничего серьезного между ними не случилось. В это я поверил, потому что сорок пять минут лекции эти голубки щебетали в метре от меня. Я, конечно, не великий психолог, но парень и девчонка, между которыми что-то было, ведут себя иначе. В общем, смена закончилась. Все разъехались. А утром перед лекцией этот самый Эдик встретил девчонок перед входом в Медакадемию. Вот такое вот безумство - сам, будучи из Питера рванул за понравившейся девушкой в нашу провинцию. Почти за тысячу километров.

- Ну и что нам оставалось делать? - спросила Валентина. - До лекции пять минут, а тут такой сюрприз. Пришлось взять его с собой.

- Плохое решение, - отвечал я. - Лучше бы, вообще, не появлялись. Пошли бы куда-нибудь. Лучше на вокзал - проводить незваного гостя. А так, ко всему прочему, она еще

и унизила меня публично.

- Да чем унизила-то? - начинала злиться Иркина подруга. - Ну, пришла девчонка со знакомым на лекцию. Может это вообще ее родственник?

- Ага! Родственник! - с горьким сарказмом восклицал я. - Ищите на нашем курсе дураков за пять сольдо. Все все прекрасно поняли.

- Кстати, он уехал в тот же день. Ирка его отшила.

- Еще бы он ночевать остался! И что же ей мешало отшить его раньше. На Селигере, например.

- Да ну тебя! Как со стенкой разговариваю, - окончательно разозлилась Валентина, повернулась и ушла.

Так прошло что-то около недели. Обида и злость за это время малость улеглись, а тяга к Ирке, именуемая в романах любовью, никуда не делась. По-моему даже усилилась. Однако оставалась еще гордость. Страшная, я вам скажу, штука. Прямо как в старой-престарой когда-то слышанной песне: 'Жаль, что гордость иногда может быть сильнее любви'. Как-то так - один в один мой случай. Еще через неделю я простил свою ветреную подругу окончательно, но проклятая гордость оставалась, и первым шаг к примирению я был сделать не готов. Да и Ирка продолжала держать себя со мной отчужденно, не делая больше никаких попыток оправдаться, или хотя бы поощрить меня к примирению. Ну, что ж раз так.... Сколько можно! И так прибегал всегда мириться первым. Не подойду! Как хочет!

Потом, еще дня через три был разговор с Андрюхой. Разговор с далеко идущими последствиями. Такими последствиями, которые, как выяснилось, радикально меняют жизнь. Хотя тогда, как мне казалось, не было сказано ничего особенного. Да и разговором-то это можно было назвать весьма условно. Строго говоря, была сказана пара фраз. Одну произнес Андрей, другую я. Состоялся обмен этими фразами во время трепа между мной и моим другом в нашем любимом баре, расположенном в подвале древней башни нашего кремля. Я целенаправленно надирался, так как совсем недавно обнаружил, что алкоголь, оказывается, способен облегчить боль в груди, поселившуюся там с недавнего времени. Андрюха пытался меня отвлечь от грустных мыслей и строил вслух планы по покупке оборудования для погружений. Я слушал невнимательно, точнее, пропускал все им сказанное мимо ушей - голова была занята другим. Андрей вдруг резко замолчал, как-то странно глянул на меня и спросил совсем не в тему:

- Так что ты решил с Иркой?

В голове у меня гулял хмель, всколыхнувший обиду и породивший вспышку злости. И я родил фразу, о которой в дальнейшем стоило пожалеть.

- Видеть ее не хочу! - выдал я.

Андрей все так же странно посмотрел на меня и протянул:

- Ну-ну...

Как-то эта реплика мне еще тогда не понравилась. Пить дальше расхотелось. Общаться с Анюшиным то же. Я попрощался и двинул домой.

Прошло еще дней десять. Ситуация в наших с Ирккой отношениях не менялась. Вернее, мне так казалось. В тот день ко мне на перемене подошел Вовка Воронин. Подошел с явным желанием поделиться какой-то новостью. Я его недолюбливал: скользкий был тип, да еще любитель собирать слухи и еще больший любитель их распускать. Я сидел в аудитории в ожидании лекции. До ее начала оставалось еще минут десять, и народу пока было немного. Разговору никто не мешал.

- Вы что с Ириной окончательно расстались? - подсаживаясь ко мне нарочито небрежно поинтересовался Вовка.

- А тебе какое дело? - с полоборота завелся я, поворачиваясь всем корпусом к незваному собеседнику.

- Да нет, я ничего, - зачастил Воронин, - просто видел вчера ее с Андреем в кино. Мило так беседовали, за руки держались.

Сердце у меня ухнуло куда-то в живот. Вовке я поверил сразу, памятуя ту беседу с Андрюхой в баре. Неспроста он тогда затеял этот разговор. Вот тебе и друг! А Ирка-то, какова!

- Уйди, а? - выдохнул я.

Видимо Воронин прочитал в моем взгляде что-то, что заставило его мгновенно испариться.

Тем не менее, для внесения полной ясности в тот же вечер я в сел в засаду в скверике у Иркиного подъезда, выяснив предварительно, что ее нет дома. Ждал долго, почти до одиннадцати вечера. Уже в темноте опознал в очередной приближающейся парочке своих бывших подругу и друга. Они оживленно о чем-то беседовали, при этом Андрей приобнимал Ирку за плечи. К этому времени во мне уже было граммов триста коньяку: предвидя долгое ожидание и промозглую погоду, я захватил с собой походную отцовскую фляжку с этим божественным напитком. Продравшись сквозь заросли акации, я преградил дорогу этой сладкой парочке и воскликнул, изображая восторг:

- Какая встреча! Долго же вы гуляете! Устал ждать, ей Богу.

Андрюха откровенно растерялся. Ирка тоже поначалу смутилась, но почти сразу взяла себя в руки и перешла в наступление.

- Ты что, опустился до слезки. Не ожидала... - в голосе ее сквозило презрение.

Эти ее интонации подняли еще выше градус злости, кипевшей у меня в груди, и так уже подогретой коньяком. Злость искала выхода. Мозги, правда, еще чуть-чуть работали и, чтобы не ударить неверную подругу, я развернулся к Андрею.

- Ну, а ты что молчишь, друг ты мой единственный? Где моя любимая? - почему-то цитата из этой известной песни всплыла в памяти. Очень, как мне показалось, к месту.

- Ты сам от нее отказался, - Анюшин уже оправился от растерянности. Щеки его побледнели, губы сжались в нитку. С таким лицом он обычно бросался в драку.

- Ну, во-первых, не отказался, а во-вторых,... Постой, ты что, ей об этом сказал?

У Андрея дернулась щека. До этого момента я думал, что еще гаже на душе у меня быть не может. Оказывается, может. Там возник растущий ледяной ком, стремительно заполняющий пространство внутри меня. Я почувствовал, что еще пара секунд, и он дорастет до сердца. И сердце встанет. Ну, уж нет! Чтобы растопить этот ком я пробудил в себе уже не злость - ярость. Лед ушел, ярость осталось, и снова искала выхода. Я снова повернулся к Ирке.

- Он тебе об этом сказал?

Бывшая подруга опустила глаза и закусилась нижней губой. Была у нее такая привычка в пиковых ситуациях.

- Сказа-а-ал, - протянул я. И опять повернулся к Анюшину. - Тебе напомнить, как это называется? Молчишь? Так вот, во все времена это называлось подлостью. А в отношении своего друга - подлостью в двойне.

Красиво сказал. Как по писанному. Коньяк, что ли вдохновения прибавил, или книжечек перечитал? Андрей побледнел еще больше, хотя, казалось больше уж некуда. В глазах его загорелись опасные, злые огоньки. Хорошо зная его, я понимал, что Анюшин еле сдерживает себя и добавил нарочито спокойно:

- Сука ты, Андрюха.

Бац! Бил мой бывший друг всегда молниеносно и если бы я этого не ждал, то словил бы челюстью хорошую плюху. Но я ждал удара и успел его заблокировать, сразу переходя в контратаку. Чем бы все кончилось - не знаю. В спаррингах я побеждал чаще, но драка от спарринга отличается основательно. Да и пьян я был - реакция соответствующая. Но драка продолжалась буквально несколько секунд. При попытке провести очередную атаку я увидел вдруг перед собой не Анюшина, а разъяренное лицо Ирки. Я едва успел остановить кулак в нескольких сантиметрах от ее слегка вдернутого, изящного носика, еще недавно, вызывавшего у меня умиление мастерством Создателя. Так близко ее лицо я не видел со дня нашей ссоры. Нежные губы шевельнулись и исторгли фразу, смысл которой до меня не сразу дошел. А сказала она следующее:

- Прекрати сейчас же.

А потом добавила:

- И пошел вон, пьяная скотина.

Вот так. Вся злость из меня куда-то улетучилась и внутри опять начал расти ледяной ком. Я еще смог выдавить из себя что-то жалкое, навроде: мол, спасибо тебе, подруга, за все, и за это тоже. Развернулся и зашагал домой.

Следующие три дня по черному пил. Решил попробовать такое вот русское универсальное средство для забвения. Родители, до этого момента в ужасе наблюдавшие за моим пике, попытались вразумить гибнущего дитя. Они, конечно же, были более или менее в курсе сложившейся ситуации - общались с родителями моих бывших друзей. Мать устроила грандиозный скандал, переходящий, глядя на мое тупое, ничего не выражающее лицо, в форменную истерику. На этом этапе подключился отец. Кое-как успокоив маму, он попытался воззвать к моему разуму. Возможно, проповедь отца на меня подействовала, но подействовала как-то странно. В этот день я не пил, провалявшись на диване и пялясь в потолок. Вечером умылся, почистил зубы и лег спать. Родители, похоже, вздохнули с облегчением. Ох, рано они обрадовались. На следующее утро, при пробуждении случилось странное. В моем теле проснулся не я: проснулось мое альтер эго (так я назвал его впоследствии). Это альтер эго завладело моим телом и начало действовать. Я же наблюдал за всем этим, как бы со стороны и не мог вмешаться. Да и не хотел. Видимо, меня посетила какая-то форма помешательства. Шизофрения, что ли? Там, кажется, наблюдается раздвоение личности?

В общем, утром я встал, умылся, побрился, позавтракал и отправился в Медакадемию. Там двинул сразу в деканат и попросил отдать мне мои документы. Наш декан Зоя Федоровна попыталась меня лечить и, было, наотрез отказалась их отдавать, предлагая подумать и все взвесить. Я ответил на это резкой отповедью, переходящей в откровенное хамство, после чего документы практически полетели мне в лицо. Вместе с папкой, где они хранились. Женщиной наш декан была резкой, и хамства не терпела, на что я, собственно и делал ставку устраивая эту провокацию. Вот и славно! Даже с обходником бегать не пришлось.

Из деканата я двинул в военкомат и привел военкома в состояние тихого экстаза, заявив о своем желании послужить Родине в десантных войсках. Немного придя в себя, он быстренько отправил меня на медкомиссию, благо та в этот день работала - шел осенний призыв. Медкомиссию я прошел с блеском (а кто бы сомневался) и часа в четыре вышел из дверей военкомата с повесткой, предписывающей мне явиться завтра на сборный пункт с вещами (ну да, а чего тянуть - не дай Бог призывник передумает, и ищи его потом).

Вечером я 'порадовал' родителей своим предстоящим новым статусом. Они даже не сразу поверили, думали, это юмор такой извращенный у меня прорезался в связи с душевной травмой. Однако, увидев представленные мною доказательства, пришли в ужас. Мама вначале ударилась в крик, потом, видя, что впечатления это на меня не производит, убежала в родительскую спальню, откуда еще долго доносились ее рыдания. Отец, после ухода со сцены матери и, наконец осознав ситуацию, посмотрел на меня странным, дотоле мной, не виденным взглядом, и глухо произнес:

- Ну что ж, сын, это твоя жизнь и если ты хочешь слить ее в унитаз из-за первой же девчонки...

Потом развернулся и пошел успокаивать маму.

Меня эта сцена практически не тронула. Говорю же - во мне поселилась другая личность, которой и мамины слезы и слова отца были безразличны. Одно слово - шизофрения. Хотя, психиатра (или все же невропатолога?) на медкомиссии я только что проходил и ничего, написал здоров. Странно... А по поводу сентенции, выданной отцом, я был не согласен по двум пунктам. Первое - Ирка девчонка все же не первая попавшаяся - таких поискать. И дело тут не в необъективности влюбленного идиота. Мое бесстрастное альтерэго поддерживало это мнение. Второе - разве почетный долг и обязанность гражданина, а именно, служба в Вооруженных Силах называется сливанием жизни в унитаз? А как же школа мужества и т.д.? Или это из другого советского периода истории, а сейчас страну должны защищать недотепы и неудачники? Если так, то такой стране остается только посочувствовать. А может военная служба настоящее мое призвание? Ведь в мед пошел я за Андрюхой, а не по зову сердца.

Спал крепко, без сновидений - редко такое бывало в последнее время. Проснулся около семи. Сбор у военкомата был назначен в девять. Родители были дома, но из спальни не выходили. Что ж... Я умылся, с аппетитом плотно позавтракал, еще раз прикинул - все ли взял, что может пригодиться, закинул рюкзак на плечо, стукнул в дверь родительской спальни:

- Мам, пап, я ушел! Пока!

Ответа не последовало, только что-то стукнуло об пол - кто-то что-то уронил. Значит живы. И то ладно. Я окинул прощальным взглядом квартиру - все же так надолго из дома я еще ни разу не уезжал. Прислушался к себе: ничего внутри не ворохнулось, никаких переживаний, или сожалений. М-дя.... Там вообще, что-нибудь осталось? Типа - души? Не похоже.... Ладно! Двинули! Я толкнул дверь и бодро поскакал по вниз ступенькам.

Родители к военкомату все же пришли. Я их увидел, когда нас уже рассаживали в автобусы. Они тихо стояли в толпе пьяненьких провожающих и смотрели на меня печальными глазами. Мама выглядела откровенно плохо. Памятуя о возникших у нее в последнее время проблемах с сердцем, я прежний, наверное, заволновался бы, расстроился. Но я, теперешний, констатировал это довольно спокойно, как-то отстраненно.

Что было дальше? Дальше шесть месяцев десантной учебки, которые я пережил относительно легко. Физическими нагрузками меня было удивить не просто, ну а скотское отношение сержантов я воспринимал отстраненно, благодаря тому, что сознание мое продолжало существовать в режиме 'альтер эго'.

Полгода пролетели на удивление быстро. Уже к концу учебки я получил письмо от кого-то из сокурсников (некоторые еще продолжали мне писать, хотя ни на одно письмо я не ответил). В письме сообщалось, что Ирка вышла замуж за Андрюху. Я воспринял эту весть совершенно спокойно, только новый обитатель внутри меня стал чувствовать себя еще увереннее, а появившиеся было в последнее время робкие попытки меня прежнего вмешиваться в реальность, прекратились.

Учебка закончилась и нас раскидали по строевым частям. А тут подоспела очередная кавказская война, куда я и загремел в должности командира отделения. Подробно о войне рассказывать не буду. Хорошего вспомнить нечего, а плохое не хочется. Отвоевал почти год. Получил два ранения и контузию. Правда, легкие - обошлось медсанбатом. А потом я попал в плен. Как? Очень просто, как и все на войне.

БМД-эшка (кто не знает - боевая машина десанта), на которой в качестве головного охранения мы ехали впереди колонны, налетела на мощный фугас. Кто сидел внутри погибли сразу - так всегда бывает. Я же и еще четверо парней из моего отделения сидели на броне, и нас страшно на камни у обочины. Я приземлился исключительно неудачно - на голову. Если бы не каска разлетелась бы моя голова, как спелый арбуз, а так получил только качественное сотрясение мозга с полной потерей сознания. Колонну нашу, как мне потом рассказали, покروшили в капусту, а меня пинками приведя в сознание, увели в горы. Меня и еще семь человек.

Потом были полгода плена, побег, погоня, тяжелое ранение и спасение в последний момент, как в кино. Очнулся в госпитале, через три дня. Физическое и нервное истощение вкупе с начавшимся от полученных ран сепсисом, едва не отправили меня на тот свет. Но ничего - выкарабкался. Правда еще через три дня жизнь показала, что может и не стоило особенно стараться-то. Почему?

Потому что за время плена моих родителей не стало. Автокатастрофа. И виной всему, как я решил, была моя дурость с армией. Не сдох только благодаря моему альтер эго, который поставил в сознании блок, позволяющий продолжить жить.

Выписали меня через три недели и одновременно дембельнули - срок службы закончился, пока я был в плену. Перед этим повесили какую-то медаль. Ее я засунул на самое дно чемодана. Приехал домой. Пусто, затхло. Через месяц, продав квартиру, с немалыми деньгами отправился искать счастье в столицу. Это с подачи меня-второго. В Москве 'я-второй' очень неплохо вписался в местную жизнь. Благодаря имеющемуся стартовому капиталу, удалось организовать небольшой бизнес, который за четыре года превратился во вполне средний, даже по меркам столицы. Четыре года - приличный срок. Чем дальше, тем чаще 'я-первый' выныривал из небытия, пытаюсь отстоять свое право на существование и в один прекрасный день вернулся окончательно. Я стал собой изначально. Хотя, не совсем. С 'я-вторым' мы научились сосуществовать. Его я использовал в роли кризис-менеджера в экстремальных ситуациях, которых в моей жизни было больше, чем бы хотелось. Но и когда выпускал свое альтер эго наружу, я мог контролировать это странное существо и тормозить, когда его слишком заносило. Полезное это свойство не раз меня выручало.

Прошла еще пара лет и моему изначальному 'я' стало тоскливо. Жениться я так и не сподобился. Наверное, до сих пор продолжал любить Ирку?

Кстати, с Андреем в качестве супруги Иринка прожила всего около года. Потом они развелись. Это произошло во время моего пребывания в плену. Сразу после развода она уехала в штаты. Насовсем. Через год туда же отправились ее родители и больше никаких сведений о ней за все это время я не получал.

Что касается Андрюхи.... Он пропал. На нашем озере. Через месяц после развода. За неделю до гибели моих родителей.

Глава 4.

Итак, через шесть лет московская жизнь достала меня окончательно. Все чаще терзали приступы вроде бы беспричинной тоски. Ностальгия по малой Родине проснулась. Я честно с этим боролся. Примерно полгода. Периодически включал 'я-второго'. Не помогало. В общем, через шесть месяцев бороться устал. Продал бизнес, квартиру, загородный дом и уехал в свой родной город. Денег от всех этих продаж для нашей провинциальной глуши получилось неприлично много. Купил просторную квартиру в центре - что поделать, привыкаешь к комфорту быстро. Да и чего экономить - денег немерено. Оставшуюся сумму положил в надежный банк под хорошие проценты. Заниматься бизнесом пока желания не было - устал.

Остаток зимы после переезда предавался блаженному безделью. Даже спорт забросил, чего до сих пор себе не позволял. Так что к весне набрал лишних килограммов пять. С приходом тепла я очнулся от спячки. Организм, привыкший за последние годы к сумасшедшему темпу жизни, требовал действия. Начал с восстановления физической формы. Нашел друзей из прошлой жизни. Некоторые продолжали занятия спортом. Присоединился. Восстановил форму на удивление быстро. Жизнь начала обретать гармонию - общение с друзьями, тренировки, душевный покой.... В таком блаженном состоянии я дожил до лета. В начале июня кампанией выбрались на пикник к одному из пригородных озер. Выпили, закусили, полезли купаться. Я заплыл почти на середину этого немаленького водоема. И вот тут в воде меня опять нахлобучила ностальгия. Видимо, всплыли ассоциации из прошлой жизни: подводное плавание, охота, Андрюха, дружба, Ирка, любовь. Вылез на берег в растрепанных чувствах. Ребята стали расспрашивать, что случилось. Отговорился головной болью, улегся на травку и попытался разобраться в своих мыслях и желаниях. Получалось не очень. Но, в конце концов, все же, решил воплотить в жизнь два момента. Первое: возобновить занятия подводной охотой - ну просто потянуло неодолимо. И второе - посетить озеро Туманное, оно же Гиблое и поискать там Андрюху. Его я, кстати, давно простил. Посмертно, к сожалению. Вот так, ни больше, ни меньше. Я понимал, что моего друга искали профессионалы, причем сразу после исчезновения - ребята рассказали об этом подробно. И теперь, через столько лет возобновлять поиски, да еще и в одиночку вряд ли имеет смысл. Но в таких вопросах логика отступает перед эмоциями. Мне это было просто нужно, без всякого логического оправдания.

Решено - сделано. Я начал закупать водолазное оборудование, параллельно возобновив занятия подводным плаванием, совмещая их с охотой. Нашел единомышленников. В нашем городе, оказывается, существовал клуб дайвинга и подводной охоты. Народ здесь подобрался самый разный от мужиков под шестьдесят, до пятнадцатилетних пацанов - до боли напоминающих нас с Андрюхой десятилетней давности.

Через месяц оборудование было приобретено и испытано. Я загрузил его в прицеп недорогого подержанного джипа, обладающего, тем не менее, главным для меня свойством - хорошей проходимостью на бездорожье. Никого из друзей с собой брать не стал. Ни с кем даже не поделился своими планами. Все предстоящее должно было стать только моим, сугубо личным делом.

Глава 5.

И вот, я встречаю утро на нашем озере. Лагерь обустроен, завтрак съеден. Прицепчик с аквалангами, оборудованием, надувной лодкой и кое-какой мелочевкой, разгружен. Лодка

накачена и спущена на воду. На нее привешен мотор. К лодке прилагается легкий алюминиевый трап, что бы удобно было забираться в нее из воды с увесистыми баллонами акваланга. Скорее это даже не лодка - рафт. Обычная надувная лодка не очень-то устойчива, и забраться в нее с аквалангом - проблема. А тут с кормы, левее двигателя цепляем лесенку, и вполне комфортно можно выбираться из воды.

Однако вот так сразу пускаться на поиски я был не готов. А кто меня, собственно, гонит? Лето только началось, времени вагон. Решено: сегодня охочусь. Продолжу восстановление формы, акклиматизация, опять же, да и уха на обед не помешает. В общем, до обеда наплавался, нанярялся и настрелялся от души. На уху рыбы хватило. Осталось еще и на ужин - запечь в золе. Язь, подлещики, пара голавлей. Охотился у ближнего к лагерю, пологого берега. К середине, к карстовым воронкам, а тем более к трясине не заплывал. Повторюсь: был не готов морально. Потому знаменитых карасей среди добычи не было - они пасутся как раз возле заболоченного берега.

После обеда поплавал еще пару часов. На этот раз добрался до одной из воронок, той, которая помельче. Проплыл по ее краю. Нырять не решился: помнил, что глубоко, да и все еще жутковато было. Решил, что заберусь сюда с аквалангом.

Окончательно выбрался из воды в пятом часу. Стянул гидрокостюм и занялся ужином. На ужин были остатки ухи и пара крупных голавлей, запеченных в углях. Ночь прошла спокойно. Следующий день провел точно так же, как первый. Только расширил географию своих охотничьих вылазок. Потом был еще один такой же день, потом еще один и еще.... Количество добытой рыбы впечатляло.

Так незаметно пролетела неделя. Именно в ночь с седьмого на восьмой день моего пребывания на озере, мне приснился Андрей. Сон, прямо скажем, был жутковатый и весьма реалистичный, ну за некоторыми исключениями.

Снилось мне, что я все же поплыл охотиться к западному берегу озера, к трясине. Заплыл под травяной ковер довольно далеко, за воздухом всплывать стало некуда, но я, почему-то не чувствовал в нем нужды. И вот смотрю - на границе видимости появляется большой, пока еще плохо различимый силуэт. И это явно не рыба. Еще толком не поняв, что это, я окаменел от ужаса. Силуэт приближался, приобретая очертания человеческого тела. Еще пара метров и я узнал Андрея. Бледное до синевы лицо, плотно сжатые губы, застывшие неживые глаза. Уплыть не мог и обреченно ждал приближения чудовища, бывшего когда-то моим другом. Не доплыв до меня буквально метра, Андрей остановился, заглянул своими слепыми глазами мне в лицо, жутко, обнажая бледные, бескровные десны, улыбнулся, взмахнул призывно рукой, развернулся и стал удаляться, причем, совсем не двигая конечностями. На границе видимости он оглянулся и снова взмахнул рукой, приглашая следовать за собой.

На этом месте я проснулся, судорожным движением принял положение сидя, в своем спальном мешке. Тело покрывал холодный пот. Волосы на всем теле стояли торчком. Несколько минут я приходил в себя, успокаивая дыхание. Потом вылез из палатки. Шел четвертый час. Небо только-только начало сереть. В зарослях прибрежного кустарника мерещилось движение каких-то смутных теней. Поеживаясь и поминутно оглядываясь, я разжег сложенный еще с вечера костер. Сухие дрова занялись дружно, и скоро веселое пламя почти разогнало ужас, навеянный сном. Я повесил кипятиться залитый с вечера чайник, уселся на раскладной стульчик, протянул к костру похолодевшие руки и задумался. И что же этот дурацкий сон значит? Ничего же подобного не было за все эти годы. Удивительно, но со времени гибели, Андрей мне, ни разу не снился. Тем более в таком жутковатом виде. И здесь я неделю. Понимаю, приснился бы в первую ночь под впечатлением обстановки, так сказать. Чего ж только теперь-то? Однако еще один такой сон и можно не проснуться - кондрашка хватит. Ну и что делать? Сворачиваться и валить домой? А если там будет продолжение? В пустой-то квартире. Бр-р-р.... А ведь он звал меня туда. Под трясину. Я никогда не был мистиком и ни с чем таким до сих пор не сталкивался. Но ведь все бывает впервые. Значит звал? Ну, если зовет, надо идти.

И я начал собираться. Проверил давление в рафте, который уже неделю сиротливо стоял на приколе рядом с лагерем. Повторюсь, охотился неподалеку и он до сих пор мне ни разу не понадобился. Проверил зарядку аквалангов, собрал и сложил в рафт всю

необходимую мелочь. Позавтракал. В десять утра я был готов.

До края трясины домчался быстро, меньше чем за десять минут - новый движок тянул, как зверь. Бросил якорь, повесил на борт трап для удобства подъема из воды. Гидрокостюм я натянул еще на берегу, поэтому мне оставалось надеть ласты, акваланг и прицепить на пояс грузы, для создания нулевой плавучести. На плече закрепил мощный фонарь - кто знает, что там под травяным покровом с освещенностью, вряд ли очень хорошо. Экипировавшись, я сразу бултыхнулся в воду, чтобы не передумать. Погрузился метра на три, продулся и осмотрелся. Вода сегодня была на редкость прозрачна: видимость составляла не меньше пятнадцати метров. Встал на якорь я очень удачно: свободная от ила и тины дорожка, которую мы обнаружили еще с Андрюхой, ведущая, судя по всему к стоку, начиналась практически под моим рафтом. Ну что ж, по ней и пойдем. Я погрузился почти до дна, усеянного выбеленными глыбами известняка, и сразу почувствовал течение, не сильно, но настойчиво затягивающее меня под трясины. Сопротивляться я не собирался: двигаться по течению - экономить силы и время. Слегка подрабатывая ластами, влекомый слабым течением, я двигался примерно в метре от дна.

Под травяным слоем царили сумерки. Только из окон - участков чистой воды посреди трясины - на дно опускались столбы солнечного света. Такие световые колонны смягчали сумрачность пейзажа и придавали подтрясинному пространству мрачное величие. От участков дна, которые освещались окнами, тянулись до поверхности воды мясистые тяжёлые кувшинок, разворачивающихся на водной глади в крупные, поблескивающие глянцем, листья. Неосвещенное дно было покрыто толстым слоем ила, в котором, поднимая муть, копались, отсвечивая золотыми боками, караси. Подавив, некстати проснувшийся охотничий инстинкт, я продолжил свое неторопливое движение к неведомой цели. Количество окон в трясине наверху становилось меньше. Площадь их тоже сокращалась. Сумерки, соответственно, сгущались, но белая дорожка подомной была видна вполне отчетливо. Я проплыл метров триста, когда заметил, что дно и белая дорожка с ним вместе, пошли вниз. Так-так-так.... Включил фонарь и посветил вправо и влево. Было похоже, что я добрался таки до края карстовой воронки, о которой говорили спасатели. Ну-с, посмотрим, куда же меня звал мой покойный друг. Вслед за течением я двинулся вниз. Что забавно, страх исчез. Зато появился исследовательский зуд, сдобренный изрядной долей какого-то детского любопытства.

Глубина нарастала медленно - эта воронка была, судя по всему, мельче тех, которые находились в середине озера и стенки ее, соответственно, были более пологими. Через пару минут спуска глянул на свои часы-глубиномер. Одиннадцать метров. Ничего - терпимо. Еще через минуту обратил внимание, что вопреки логике (я все же погружался) вокруг становится светлее. Интересно девки пляшут. Ладно, смотрим дальше. Вскоре стал понятен источник освещения. Оказалось, что над воронкой имеет место быть довольно обширное окно, через которое льются потоки солнечного света. Я наморщил мозг, вспоминая, было ли такое громадное окно чистой воды в относительной близости от западного берега семь лет назад, когда мы с Андрюхой занимались исследованием озера. Ничего подобного не вспоминалось. Странно.... Что, за это время слой трясины здесь рассосался сам собой? Не слышал о таких явлениях. Или кто-то специально расчистил такую площадь от плавучего травяного покрова? И кому это было надо? Ну, кто бы это ни был, нужно его поблагодарить - освещенность была прекрасной, видимость тоже. Все это я оценил, когда вплыл в эту световую колонну. Видимость была даже лучше, чем у границы трясины - метров двадцать. Однако надо притормозить спуск - течение заметно усилилось, и я рисковал с разгону залететь в какую-нибудь дыру, служащую стоком нашему озеру. Усиленно работая ластами, я подвсплыл метра на три и вышел из течения в спокойную воду. Держась на этой глубине - по глубиномеру метров десять - я поплыл дальше. К центру воронки добрался минут через пять. Видимость продолжала оставаться изумительной и пейзаж, развернувшийся подомной, был как на ладони. На дне воронки зиял провал. Видимо когда-то давно в толще известняка под воронкой существовала довольно обширная полость, вымытая водой, вытекающей из озера. Однажды ее свод обрушился и образовался эдакий миниканьон с отвесными стенками высотой метров пятнадцать и дном, заваленным крупными обломками известняка, некоторые из которых достигали весьма внушительных размеров. Длина провала составляла метров семьдесят и ширина - сорок. Где-то там, в глубине этого разлома предположительно

находился искомый сток. Во всяком случае, белая дорожка заканчивалась у обрывистого края провала. Дно его просматривалось слабовато - с той точки, где я завис, до дна было метров двадцать. Света хватало, но прозрачность воды накладывала свои ограничения.

Я глянул на глубиномер - все те же десять метров. И еще около двадцати до дна провала. И того не меньше тридцати - солидно. Максимум, на который я погружался в свое время на Красном море - восемнадцать метров. Измеряли. Лезть туда, однако, надо - зря, что ли сюда забрался. Так, смотрим на манометр. Давление в расходуемом баллоне упало вдвое. Второй баллон полон. Считаем. На тридцати метрах воздуха должно хватить не меньше чем на сорок минут. Скорее больше, но лучше считать с запасом. При подъеме надо будет делать декомпрессионную остановку на трех метрах минут на пять, насколько я помню таблицу. Это если я пробуду на глубине полчаса. Ну да - на полчаса у меня примерно и воздуха. С хорошим запасом. Что ж, с Богом!

Я согнулся в пояс, вскинул ноги вверх и усиленно заработал ластами. Дно начало приближаться, давление расти. Так, остановочка для продувки. Щелчок в ушах - нормально, идем дальше. Маску присасывает к лицу - через нос поддуваем в нее воздуха. Нормально. Через пять метров еще остановка. Опять продуваемся. Еще через пять - снова. Так. Вот оно и дно. Не так все и страшно - подумаешь, тридцать метров. Осматриваюсь. Прямо подо мной громадный обломок известняка, возвышающийся над дном метра на четыре. Опускаюсь на его вершину, глажу ладонью шершавую поверхность. Засаекаю на водолазных часах тридцать минут. Ну и куда дальше? Так, белая дорожка, промытая течением, позади меня. Провал вытянулся, опять же относительно моего положения, спереди назад. Глыба, на которой я устроился, находится метрах в десяти от края провала, в который впадает дорожка. От меня до правой стенки метров двадцать, до левой, примерно, столько же. Ни справа, ни слева дорожки не видно. И не мудрено - здесь на глыбах нигде нет ни ила, ни тины. Ладно, попробуем поискать течение и уж по нему найдем сток. Поток должен проходить по дну справа, или слева от моей глыбы, поэтому я решил вначале пересечь провал от нее до правой стенки, и если здесь не найду течение, попробую поискать с другой стороны.

Сказано - сделано. Я оттолкнулся от, ставшей уже какой-то родной и близкой глыбы, и поплыл вправо, резко забирая ко дну и где-то на середине пути до стены, наткнулся на искомый поток. Здесь течение было ощутимо сильнее. Оно развернуло меня влево и потянуло за собой по продольной оси провала. Пожалуй, стоило подвсплыть и выбраться из основного потока, чтобы, опять-таки, не затянуло туда, куда мне пока не надо. Не мешкая, подвсплыл метра на три. Здесь течение было заметно слабее. Так, за потоком воды проплыл почти всю длину провала. Сток я заметил метров за десять. Он представлял собой довольно большую дыру почти правильной круглой формы метра два с половиной в диаметре, и располагался в самом низу дальней, обрывистой стенки провала.

Я принял левее и так, левее и выше водного потока добрался до стока. Вернее до стенки слева от него. Метра на два. Осторожно по неровной, известняковой стене добрался до края дыры и аккуратно заглянул в нее. Солнечные лучи освещали пространство внутри подводной пещеры метра на три-четыре. И на всем этом освещенном пространстве были видны только обломки известняка, сглаженные и обкатанные течением. Течение было весьма ощутимым, но не таким сильным, как я предполагал. Пожалуй, если напрячься, можно было даже выгребсти против него. Неужели Андрюха полез туда? Зачем? Он, что - действительно самоубийца? Был. Ну а куда еще он мог подеваться, кроме этой дыры? Наверняка ведь до нее добрался. Возможно, правда, что его затянуло туда уже мертвого, или потерявшего сознание. М-да.... Гадать тут можно до бесконечности. Но пресловутое шестое чувство подсказывало, что Андрюху унесло в эту дыру. Ну и что делать дальше? Лезть туда и разделить участь моего друга - безумие, экзотический способ самоубийства. Можно, конечно, закрепить у входа веревку и проникнуть в пещеру насколько позволит ее длина и запас воздуха в баллонах. Потом, подтягиваясь по ней, выбраться оттуда, если не смогу выгребсти против течения. А что, неплохая идея. Бухта хорошего капронового шнура длиной двести метров у меня есть. Надо завтра попробовать. Зарядить баллоны и взять с собой еще один акваланг в запас, что бы подольше пробыть здесь, не всплывая. Надо только посмотреть по таблицам время декомпрессии при подъеме с этой глубины, исходя из времени, которое я здесь пробуду.

Решено. Только надо попробовать посветить фонарем и заглянуть подальше в пещеру -

может, увижу что-то интересное. Я снял с крепления на плече фонарь, включил его и посветил в глубину пещеры. Фонарь у меня был мощный и пробивал темноту на все двадцать метров видимости. На всем этом протяжении тоннель был прямым без поворотов и изгибов. Ни расширений, ни сужений. Стенки на вид гладкие, без выступов, видимо выровненные течением. На полу пещеры все те же обкатанные течением куски известняка. В общем, на первый взгляд ничего интересного. А вот на второй.... Во второй раз, скользя лучом фонаря по полу, я засек какой-то взблеск. На самой границе видимости. Наведя фонарь на подозрительное место, напрягая зрение, присмотрелся. Определенно, там что-то тускло блестело, но что - разглядеть было невозможно. Черт! Теперь просто так уйти отсюда, не выяснив, что же там такое, я не мог. Изведусь же до завтра, да и течение может эту штуку утащить еще глубже. Так, а если аккуратненько, держась за разбросанные по полу пещеры крупные булыжники, одолеть эти жалкие двадцать метров и посмотреть, что там. А потом по тем же булыжникам выбраться обратно. Авантюра? Да нет. Течение не такое и сильное - можно выплыть и, вообще, ни за что не цепляясь. Пробовать? Почему бы и нет!

Что ж, сказано - сделано. Я, сделав переворот, и держась обеими руками за стенку входа, ногами вперед полез в пещеру. Присмотрев в глубине подходящий, солидных размеров обломок, отпустил руки и, пролетев подхваченный течением, сразу метра три, ухватился за него. Нормально. Выбрав следующий остановочный пункт, проделал тот же маневр. Течение и в самом деле оказалось не сильным. По первому впечатлению скорость была больше. Или оно за эти пять-семь минут действительно ослабло? Так, до цели еще десять-двенадцать метров. Пожалуй, можно развернуться головой по ходу движения - удобнее осматриваться, а затормозить с таким течением вполне успею. Даже не цепляясь за камни. Я отцепился, развернулся, и меня понесло уже головой вперед.

Блеск я засек сразу, как только развернулся и уже не выпускал его из луча прожектора. Через десяток секунд, активно работая лапами, завис над заинтересовавшим меня предметом. Это был водолазный нож. Андрюхин нож. Пару таких ножей, ему и мне, мы купили летом, после окончания первого курса. Хорошие ножи, дорогие. Точно такой же у меня сейчас был закреплен на правой голени. Уцепившись за валяющийся рядом обломок, я дотянулся до ножа, схватил его и поднес к глазам, подсвечивая фонарем, который опять закрепил на плече. Нож был, как новенький, словно вчера потерянный. Не мудрено - хорошая нержавеющая сталь. Что ж, я был прав, предполагая, что мой друг забрался сюда - вот очевидное подтверждение этому, перед глазами. Ладно, завтра попробуем с веревкой залезть поглубже в эту дыру, а сейчас пора выбираться. Я засунул андрюхин нож за пояс с грузами, отцепился от камня, за который закорился и усиленно заработал лапами, выгребая к выходу из пещеры.

Дальнейшее произошло настолько быстро, что я не успел сразу ни осознать случившееся, ни, соответственно, испугаться. Мгновенно усилившееся, по ощущениям на порядок, течение буквально ударило меня, смяло и поволокло, стукая о стенки в глубину тоннеля. Еще какое-то время пугаться было некогда - я пытался не разбить о стенки голову, маску и не повредить вентили баллонов. Фонарь уберечь не удалось - при очередном ударе плечом о стену он погас, и дальше меня несло в полной темноте. Потом тоннель, видимо, расширился - столкновения со стенами прекратились, правда, меня продолжало крутить и бросать из стороны в сторону. Вот тогда и пришло осознание ситуации, а вместе с ним и леденящий ужас. Такого ужаса я в своей жизни ни разу не испытывал, даже на войне. Ужас глушил мысли, лишал воли к сопротивлению. Через какое время я начал хоть что-то соображать - не знаю: чувство времени потерялось вместе с мыслями. Поток успокоился, мотать и крутить меня перестало, но скорость осталась прежней. Это выяснилось, когда я попытался, было погрести против течения - бесполезная затея.

Следующей моей осмысленной попыткой хоть что-то предпринять, было уйти вниз, достичь дна пещеры и зацепившись там за что-нибудь, удержаться на месте и переждать это бедствие. Ведь было же течение медленнее, когда я заплывал в пещеру. Значит рано или поздно скорость его опять уменьшится и можно будет попытаться выбраться отсюда. Если, конечно, меня с этой сумасшедшей скоростью не занесло фатально далеко. Так далеко, что выбраться уже не хватит воздуха в баллонах. Погружался я долго. Трижды продувался, дважды поддувал воздух в присасывающуюся к лицу маску. Прекратил погружение, когда светящийся циферблат моих водолазных часов показал глубину пятьдесят метров. Дна не

было. Погружаться дальше было опасно - кислородное опьянение, азотный наркоз. Что идет зачем, и на какой глубине начинается, я помнил плохо, но, вроде бы, уже где-то близко. Расход воздуха, опять же, на глубине возрастает. Лучше тогда уж подняться - на дольше хватит. Решено - поднимаюсь, пока позволит потолок пещеры. Главное не забыть про декомпрессионную остановку.

Начал подъем. На двадцати сделал пятиминутную остановку. Потом продолжил. Десять метров. Интересно, куда же меня занесло - пещера начиналась на тридцати. Тоннель поднимается, что ли? Может эдак меня на поверхность вынесет? Мечты были прерваны чувствительным ударом головой о потолок пещеры. М-да - не судьба. Чтобы не разбить голову, погрузился на пять метров и отдался на волю течения, решив через некоторое время повторить попытку подъема. Прикинул запас воздуха. Выходило не более получаса. Не густо. Через пять минут повторил попытку всплыть. С тем же результатом. Потом еще и еще - потолок оставался все там же.

Внезапно навалилась смертельная усталость и апатия. Я смирился со своей гибелью. Как-то вяло подумал, что теперь знаю, каким образом погиб Андрей. Потом прикрыл глаза - все равно вокруг царил угольная темнота. Течение стало совсем ровным, хотя все таким же быстрым. Меня несло в горизонтальном положении, лишь иногда слегка покачивая. Наваливалась сонливость. Воздух кончается, что ли, вяло подумал я. Но нет - воздух с шипением продолжал исправно поступать в легочный автомат. Потом все же действительно задремал. На какое время - не знаю. Судя по тому, что когда снова открыл глаза, я все еще дышал, не более десяти минут - примерно на столько оставалось перед тем запаса воздуха. Но по субъективным ощущениям прошла вечность.

Первое, что понял, когда открыл глаза, это то, что я опять вижу. Слабо, не четко, но вижу свои пальцы на вытянутой руке. Осознание происходящего пришло не сразу, а когда все же это понял, от вновь вспыхнувшей надежды учащенно забилося сердце. Откуда-то проникает свет. Нужно было срочно выяснить откуда - воздух в баллонах мог кончиться в любую секунду. Кстати, течение, похоже, замедлилось. Возможно, даже до того уровня, когда я полез в пещеру. Но возвращаться назад, нечего было думать - унесло меня, судя по всему, на километры. Ни сил, ни, главное, воздуха для того, чтобы вернуться не хватит. Одна надежда - свет откуда-то поступает, надо найти, откуда и, возможно, удастся выбраться на поверхность.

Я начал лихорадочно осматриваться вокруг. За время моего, то ли сна, то ли забытья, меня развернуло поперек течения, и как только посмотрел по его ходу, сразу же увидел столб света, падающий откуда-то сверху, пронзающий черную воду и рассеивающийся где-то глубоко внизу. Меня несло прямо на него. Свет был неяркий, присмотревшись, я это понял. Сам столб света был довольно узким, теперь, когда течение подтащило меня к нему почти вплотную, это стало хорошо видно. Однако надо было действовать, если не хочу, что бы меня пронесло мимо. Я заработал ластами и начал подниматься, целясь на основание луча. Очень быстро достиг потолка пещеры, и сумел остановиться, зацепившись за какой-то выступ. Дыра, из которой лился поток света, находилась метрах в трех впереди меня в потолке. Перехватываясь руками от выступа к выступу, добрался до ее края и так, ногами вперед влез в нее. Сразу же перевернулся головой вверх и усиленно заработал ластами, одновременно пытаясь разглядеть - что там наверху. Восходящий тоннель, в который я попал, был неширок - не более двух метров. Но самое главное - где-то далековерху ясно виднелось отверстие, через которое и проникал свет. Излишне описывать с каким энтузиазмом я устремился вверх. Вот только вскоре энтузиазм сменился отчаянием: тоннель очень быстро сужался. Я начал задевать за стенки то баллонами, то плечами. Еще пара метров подъема и я понял, что дальше не пролезть. По крайней мере, с аквалангом. Снова глянул вверх: до конца тоннеля оставалось, вроде не так уж далеко - метров пять. Правда неизвестно, сколько там будет еще до поверхности воды. Хотя, почему неизвестно. Я глянул на глубиномер. Черт, все те же десять метров. Он же показывал эту глубину под потолком большой пещеры, а я уже метров на десять поднялся по этому восходящему тоннелю. Сдох приборчик? Возможно. И что делать? Если я сейчас сброшу акваланг и попытаюсь всплыть налегке, он пойдет на дно. А если тоннель и дальше будет сужаться и даже без баллонов не смогу пролезть? Догнать тонущий акваланг я не смогу. Дальше придется пытаться дышать водой. Или все же вернуться в большую пещеру и попытаться плыть дальше по течению, в надежде обнаружить еще один

такой тоннель? С моим-то запасом воздуха? Сомнениям моим положил конец этот самый воздух. Вернее прекращение его поступления из последнего баллона. Все - кончился, свершилось. Теперь размышлять было нельзя, надо было действовать. Я расстегнул защелку ремней, сбросил ставшие ненужными баллоны и устремился вверх.

Глава 6

Дальше - бултыхание в гигантском колодце и чудесное спасение. Как уже было сказано, опознав в своей спасительнице Вальку Синицину, я вырубился. В первый раз сознание возвратилось в бане. Жаркой бане. Весь мой организм, изнывая от неги, сигнализировал, что именно это мне сейчас и нужно. Зрение пока воспринимало внешний мир не четко. Окружающее расплывалось и подрагивало. Ко всему прочему освещенность в баньке была не очень. Скосив глаза влево, я понял почему: свет попадал в не такое уж и маленькое помещение через единственное окно, весьма скромных размеров, скорее похожее на амбразуру. В следующую секунду и этот источник света заслонил чей-то темный силуэт. Силуэт приблизился вплотную, ухватил мой, начинающий оттаивать организм, и с невероятной силой начал мять, гнуть и колотить его своими огромными, по ощущениям, лапищами. Я даже перепугался вначале, не въехав, что же со мной, собственно, делают. И только спустя некоторое время, догадался, что все эти манипуляции - разновидность какого-то согревающего-разминающего массажа. Поняв, что ничего страшного не происходит, я расслабился и начал получать удовольствие.

Чувство времени пока работало тоже не очень. Поэтому сколько продолжались реанимационные процедуры, я не понял. Потом мой лечащий врач помог мне присесть на лавку, служившую до этого массажным столом, пресек мои поползновения, снова вернуться в горизонтальное положение и попытался поставить меня на ноги. Ноги не держали. Неизвестный пробурчал что-то успокаивающее, подхватил, как ребенка на руки и куда-то понес. На этом месте, утомившееся сознание снова покинуло мое бренное тело.

Окончательно я пришел в себя в мягкой постели, укутанный теплым меховым одеялом. Действительно, меховым. Причем не из какой-то банальной овчины. В мехах я не разбираюсь, но тут мех был хорошим - видел на своих московских подружках шубки из такого меха. То ли куница, то ли соболь. Я осмотрелся. Массивная, вроде бы из натурального дерева, кровать стояла в просторной и светлой... горнице. Почему-то именно это название выплыло из памяти. Над головой моей был высокий бревенчатый потолок. Такие же бревенчатые стены, в одной из которых располагалось довольно большое окно. Окно было разделено на мелкие, не очень ровные ячейки, в которые были вставлены небольшие кусочки, вроде бы, стекла. Через окно в горницу лился солнечный свет. В стене слева была прорублена дверь. Закрытая в настоящий момент. Кровать стояла на полу, набранном из широких, некрашенных, гладко выструганных досок. Кажется, такие доски называют плахами. Кроме кровати и, стоящего рядом с ней, массивного табурета, никакой мебели в комнате не было.

Ладно, как говорится: будем посмотреть. А пока надо протестировать организм. Я попытался присесть на своем мягком ложе. Получилось плохо - я был слаб, как ребенок. Мерзкое ощущение. Примерно так я себя чувствовал в госпитале после того, как провалялся три дня в бессознательности. Ощувив странную легкость в области, г-кхм, бедер и заглянув под одеяло, я обнаружил отсутствие привычного предмета туалета на этих самых бедрах. Табурет был пуст. Я с надеждой пошарил взглядом по полу возле кровати. Увы. И там плавок не было. Так-то чуть живой, а тут еще последних трусов лишили. Я даже немного разозлился, а разозлившись, собрался с силами и все же сумел принять сидячее положение.

В этот момент скрипнула открываемая дверь и в комнату вошла Синицина. Надо же, не померещилось - действительно она. Единственная странность - Валька за прошедшие восемь лет несколько не изменилась. Учитывая, что она моя ровесница, ей сейчас должно быть около двадцати семи, а выглядела она все на те же восемнадцать-девятнадцать. Странно, может, все-таки просто очень похожа. Да нет, не бывает такого полного сходства, вплоть до голоса. Одета Синицина была опять в странную одежду. Длинное, странного кроя платье, было пошито из светлой ткани с узорами по вороту, рукавам и подолу. Веяло от этого платья какой-то неизбывной стариной. Точно реконструкторы, решил я.

Валентина приблизилась к кровати. Я инстинктивно поплотнее прикрыл мягким одеялом свои обнаженные чресла. Не дойдя до меня где-то с метр, Синицина, опустилась на колено, склонила голову и произнесла:

- Приветствую тебя, посланник. Народ славов в лице твоей недостойной жрицы желает тебе здравствовать.

Сказала и так замерла, на колене, с опущенной головой. Сказать, что я опешил - ничего не сказать. Может у меня жар и начался бред? Ущипнул себя за руку и еле сдержался, чтобы не зашипеть от боли: силы восстанавливались - ущипнул, так ущипнул. Пошедшая, было, кругом от всего этого абсурда голова, встала на место. Однако надо было, что-то делать с коленопреклоненной Валькой.

- Синицына, ты бы встала. Хватит дурака валять, - ничего более умного, чем эта фраза, в голову не пришло.

Подруга детства подняла голову и удивленно воззрилась на меня. Потом в глазах ее появилось понимание, и она ответила:

- Ты путаешь меня с кем-то из своей жизни в Ирии. Меня зовут Волеслава. И прости нас. Мы не сразу обнаружили тебя в священном колодце. Холодная вода вытянула из тебя силы и спутала твой разум. Это пройдет. И я помогу в этом.

- Почему ты? - на автомате спросил я.

- Как же иначе? Ведь я твоя главная жрица.

Так, или передо мной не Синицина, или это все же какая-то секта и ее опоили до потери памяти, или она великая актриса и разыгрывает тут спектакль. Да нет - голос Валькин. Не может же быть такого абсолютного сходства. Остается секта, ждущая какого-то очередного мессию, на месте которого по недоразумению оказался я. Ну, или реконструкторы и я вовлечен в их малопонятные игрища. И в том и в другом случае лучше подыграть. Ну, что ж.

- И как ты мне будешь помогать? - добавив в голос игривых ноток, спросил у нее. - Будешь меня отогревать?

Сказал и напрягся - а если она и впрямь прямо сейчас займется этим. Я и языком-то шевелю с трудом. Опозорюсь. Мессия несостоятельный, блин.

- Ты позволишь мне подняться, господин?

В голосе Синициной, или все же Волеславы, явственно зазвенели льдинки. Похоже, выбиваюсь из образа 'посланника кого-то там'. Не будут тут бегом выполнять все мои прихоти. И не бегом, тоже не будут. Коленопреклоненная девица, тем не менее, не вставала, всерьез ожидая моего разрешения.

- Ладно. Извини - пошутил неудачно. И вставай, конечно.

Хотел добавить про цирк, который нечего устраивать, но сдержался. Базар здесь все же надо фильтровать. До полного прояснения ситуации.

Валентина-Волеслава поднялась на ноги и сказала уже менее холодно.

- Если тебе нужна женщина согреть постель, я подберу кого-то из девок поопрятнее. А я - главная жрица посланника богов.

- То есть, моя?

- А вот это и выяснится после испытаний.

Как-то не понравился мне тон ее последней фразы. Какой-то обещающий неприятности тон. Причем, обещающий неприятности лично мне.

- А что это за испытания? - как можно небрежнее поинтересовался я.

- Испытания посланника на истинность.

- А если подробнее?

- Посланник может оказаться не истинным. Посланником не богов, а нави.

Ну вот, теперь все ясно. Хоть и ни хрена не понятно. Пожалуй, надо как-то поаккуратней прояснить ситуацию в целом. И сделать это поможет э-э-э... Волеслава? Черт, совсем запутался. Так все же секта, или спектакль реконструкторов? Пока нельзя исключить ни того, ни другого. Ладно, подыграем.

- Волеслава!

- Да, господин.

- Мы там, в Ирии не слишком интересуемся вашими земными делами. Меня, конечно,

боги послали, но толком ничего не объяснили. Так, сказали, помоги там народу нашему решить проблемы. А сам я о ваших делах совсем не в курсе. Так что, как моя жрица, ты просто обязана ввести меня в курс дела. Считай это волей богов.

Лицо у, вроде бы, Синициной, после этого моего экспромта приобрело странное выражение. По-моему сомнения ее в том, что я являюсь посланцем богов, укрепились. Тем не менее, после явно читаемой на ее лице внутренней борьбы, она кивнула и спросила:

- Что ты хотел узнать, господин?

- Да все, - пожал я плечами. - Куда я попал, кто вы такие, что хотите от меня? Пока хотя бы это.

Валька посмурнела еще больше. Еще бы - посланник каким-то придурковатым оказался. А может и вообще не посланником, или, вернее, посланником, но этой, как ее - нави.

- Ну, хорошо, - все же решила она. - Ты позволишь присесть... господин. Разговор будет длинным.

Пауза перед 'господином' была весьма многозначительной.

- Садись, конечно, - наверное, излишне суетливо для посланца богов сказал я. - Можно буду слушать лежа?

Теперь в моем голосе звучали уже жалобно-просительные интонации, что для того же посланца, наверное, было не слишком солидно. Впрочем, на мою собеседницу такой тон оказал положительное воздействие. В том смысле, что в ней, должно быть, проснулся, дремлющий во всех женщинах, инстинкт материнства и она, вспомнив о довольно плачевном состоянии моего здоровья, проявила заботу, даже переложив поудобнее подушку. Я с облегчением откинулся на оную подушку - слабость все же давала о себе знать - и приготовился слушать. Валька-Волеслава начала рассказ, в процессе которого я офигевал все сильнее и сильнее, не зная чему удивляться больше - мере ее безумия, или полету ее фантазии. В кратком изложении смысл повествования сводился к следующему.

И так, куда я попал? Попал я на землю Славов. Ну, тут особой фантазией Валька не блеснула: Славы-Славяне - аналогия очевидна. Земля сия почти сплошь покрыта лесами, и пересекаема множеством больших и малых рек. Ну, еще озер и болот досыпано изрядное количество. Земля простирается от моря Северного на севере, до великой степи на юге. За степью - море Южное. На востоке - невысокие, поросшие лесами горы. Урал? За горами - тайга без конца и без края. На юге между Южным морем и лесом - степи, в которых живут кочевники. Весьма воинственные, естественно. То же на юго-востоке. За южным морем живут чернокожие дикие людоеды. Это что ли в Турции? Или в ее фантазиях за Черным (Южным) морем сразу начинается Африка? Ну, пусть так. Живут Славы большими племенными объединениями, к одному из которых, называющими себя скромно - Царскими Славами, я и имел счастье угодить. Хм - Царские Славы, Царские Скифы - опять аналог. Уже тенденция, однако. Так вот, эти Царские Славы считают себя самым сильным и главным племенем среди остальных. Считают ли так остальные - Валька умолчала, а я не стал уточнять, во избежание, так сказать.

Теперь о главном. О западном направлении. Там в Валькиных фантазиях раскинулась Империя. Задав ряд уточняющих вопросов, я выяснил, что земля, на которой расположилась Империя, очень похожа на Западную Европу. Название - Империя Румов, или Румийская Империя. Ничего не напоминает? Когда я начал выяснять конфигурацию побережья вымышленной Империи, Валентина попросила подождать и вышла из комнаты. Вернулась быстро - буквально через пару минут, держа в руках объемистый свиток. Этакий рулон, длиной, пожалуй, побольше метра. С хрустом развернула этот рулон у меня на коленях. Передо мной была карта. Ну, наверное, я это слишком громко сказал. Ни параллелей, ни меридианов. Больше всего это было похоже на античные карты-рисунки известной тогда ойкумены.

Тэ-э-кс! Посмотрим, что тут сектанты-ролевики понарисовали. Что ж, отталкивались они явно от нашей реальности. И правильно - чего заморачиваться. Так. Явно узнаваемая Западная Европа: Скандинавский полуостров, Балканский, сапог Апенинского, Пиренейский. Моря: Черное - с немного перекошенным Крымом, Балтийское, Средиземное - с некоторыми искажениями, но вполне на себя похожее. За Средиземным - северное побережье Африки, правда, совсем узкое, с юга омываемое рекой Океан, так, кажется у греков. Малая Азия тоже

имеется. Вот только как туда негритосы, пардон, афро-африканцы попали? Ну, а почему и нет? Шли из Африки, шли и дошли. О! Даже Британские острова обозначены. Восточная Европа без особых подробностей. Реки: вроде бы Волга, Дон, Днепр и какие-то еще. Заканчивается, как и положено - Уральскими горами на востоке. Дальше приличный кусок Сибири, совсем без подробностей, так же заканчивающийся Океаном. На юго-востоке отклонение от реальности - Каспий соединяется с Аралом, образуя громадное внутреннее море. Между ним и Черным (по-здешнему Южным) морем, как и положено - Кавказские горы, будь они неладны. Южнее и юго-восточнее Аралокаспия приличный кусок материка с перекоsobоченным Индостаном, Гималаями, Тибетом и не очень большим куском Китая. Заканчивается все - тем же океаном.

Вот такая география. Да, еще - карта оказалась нарисована на большущем куске хорошо выделанной кожи. Кажется, в старину это называлось пергаментом. Не лень было возиться. Могли бы и на ватмане. Аутентисты хреновы.

И так, мы с Валентиной остановились на Империи. Разложив на мне карту, она показала на зубчатую линию, начинавшуюся от юго-восточного побережья Балтийского (Северного по здешнему) моря, спускалась на юг по восточным склонам Карпат и заканчивалась на западном берегу Южного... тьфу ты! В смысле, Черного моря.

- Это Великая Стена, - дала пояснение Синицина. - Когда-то она была границей между империей и остальным миром.

Во как! Оказывается Западная Европа и у них отделена 'железным занавесом', вернее, каменным, или кирпичным. Только здесь инициатива в его создании, похоже, исходила от европейцев. Черт! Опять забыл, что это все чья-то больная фантазия. Вживаюсь в роль, однако. Ну что ж, играть, так играть.

- И кто живет в этой Империи?

- Народов много. Франки, готы, иберы, италики, эллины, саксы, всех не перечесать - ответила моя собеседница. - Живут они на землях, на которых жили испокон, до того, как их завоевали румийцы. Румийцы даже оставили им некоторые из их древних законов.

Понятно. Что-то вроде видимости автономии. Кстати, здесь неведомый худрук не изменил даже названий европейских народов рубежа нашей эры. Правильно, чего заморачиваться. А, что за румийцы-то? Я продублировал свой вопрос вслух.

- Этого никто не знает, - отозвалась после трагически-театральной, на мой вкус, паузы Валька. - Они пришли с Североиталийских гор.

Поясняя где это, Синицина ткнула пальцем в Альпы. Под Альпами оказалась некая часть моего организма, прикосновение к которой заставило меня дернуться и слегка переместиться под одеялом, ну и под картой, соответственно.

- Горцы они такие, - глубокомысленно изрек я.

- Да никакие они не горцы, видимо, раздраженная моей тупостью фыркнула Валентина-Волеслава. - Они начали появляться вблизи замка Черного Властелина, словно вылезали из какого-то подземелья. Легенды говорят, что уже в полном вооружении. Выстраивались в когорты, легионы и растекались по всем сторонам света, сея на своем пути смерть и разрушение. Сами румийцы рассказывают, что они пришли из другого, гибнущего мира и вывел их оттуда Черный Властелин за обещание вечной ему преданности и службы.

Так, Черный Властелин, значит. Ну как же без него. Без него никак. Ну, а слуги, понятно - румийцы. Маленько витиевато, но у каждого автора свои причуды.

- Ну и что было дальше? - постаравшись придать голосу искреннюю заинтересованность, спросил я.

- Вначале в наш мир вышли воины. Они спустились с гор на север Италийского полуострова, быстро привели к покорности местные племена и основали там свое государство. За ними пришли их семьи. Это было почти четыре сотни лет назад. За следующие полтора века румийцы завоевали весь Западный Мир и отделили его от остального Мира Великой Стеной.

- Они хоть люди? Румийцы-то?

- Да, вполне. На землях, которые привели к покорности, они установили имперские законы. По этим законам румиец, отслуживший в армии определенный срок наделялся землей, изрядной суммой денег и оседал в месте, которое ему понравилось. Многие женились

на местных женщинах. Часто брали в жены нескольких. От этих браков рождались дети. Все эти дети, рожденные от западных женщин, уже считались румийцами. Мальчики с детства обучались военному делу и к зрелому возрасту обязаны были отслужить десять лет в легионах. Народы, среди которых они жили, свыклись с их властью, переняли обычаи. Некоторые стали считать себя румийцами, хотя в их жилах и нет румийской крови. Но кое-кто до сих пор и через сотни лет не смирился с их гегемонией. Иногда вспыхивают восстания, которые жестоко подавляются. Но их все меньше и меньше год от года - все же, завоеватели дают дышать подвластным народам. Кому-то даже нравится жить под ними.

- Что, так-таки запросто и завоевали половину Европы?

- Половину чего?

- В смысле, Запад.

- Ну, не так уж все было легко и просто. Однажды, это было лет через пятьдесят после начала их завоеваний, западные племена германцев объединились и начали их теснить. Загнали за Североиталийские горы, прорвались на Италийский полуостров, который Румы к тому времени уже весь завоевали. Казалось, чужаки доживают последние дни. Но, когда противоборствующие армии сошлись в решающем сражении, в ход битвы вмешался Черный Властелин. С помощью своей магии он разметал и обратил в бегство армию германцев.

Опять этот непонятный монстр. Поинтересуемся подробнее, хотя бы ради вежливости.

- Кто он такой, этот Властелин?

Валентина опять посмотрела на меня, как на слабоумного. Вздохнула и пояснила:

- Этого не знает никто. Он существовал еще до сотворения мира. Некоторые считают, что Черный Властелин его и создал. Покидает свой замок он чрезвычайно редко.

Я немного устал следить за описанием политической ситуации придуманного мира и решил плавно закруглять беседу.

- Ну а от меня - посланника богов, вам что нужно?

Синицина опять с подозрением глянула на меня, видно снова усомнившись в моем статусе. Однако продолжила.

- Около сотни лет румийцы строили свою стену.

- А для чего она им была нужна? - встрял я с вопросом.

- Племена германцев: визиготы, лангобарды, герулы и другие - наши западные соседи, которые не были завоеваны, начали совершать набеги на территорию империи.

Ага, такие названия племен я тоже где-то читал. Это вроде, из эпохи 'великого переселения народов'. Ну-ну...

- Имперцы начали возводить стену, - продолжала, тем временем, свой рассказ Валентина. - Одновременно они совершали походы на беспокоящие их племена, захватывали там рабов и использовали их на постройке стены. Мало кто жил там больше трех лет. Так, что Великая Стена буквально стоит на костях.

Ах, как пафосно! Голос задрожал, щеки покраснелись. Ладно, слушаем дальше.

- Стену построили и полсотни сотни лет румийцы за нее почти не выходили. Можно сказать, царил мир.

- Можно сказать? - снова встрял я.

- Были, конечно, стычки, - не очень охотно созналась Валька. - Германцы научились прорываться через стену, если собирали много воинов. С трудом, но могли. Даже западные племена наших родичей - славов - принимали участие в этих прорывах. Как союзники. Еще варанги совершали набеги на побережье Империи.

Варанги - надо полагать варяги, то бишь викинги. В нашей истории серьезные были ребята.

- И чего они там творили, за стеной?

Синицина посмотрела на меня, как на идиота.

- Что, обычно, творят на войне?

- Понятно. Можешь не продолжать. Могу даже сказать, что было дальше. В один прекрасный день румийцы вышли из-за стены и начали давить окрестные народы.

Моя собеседница с подозрением в голосе спросила:

- Ты точно ничего не знаешь про нашу земную жизнь?

- Точно ничего. Просто, кому же понравится пятьдесят лет отбивать набеги и грабежи?

Это они еще долго терпели.

Валентина с нескрываемой злостью уставилась на меня и прошипела:

- Слушай, посланник, или кто ты там, ты, вообще, кому прислан помогать - нам, или румийцам?

- Но-но, повежливее с посланником богов, - в свою очередь перешел в атаку я.

- Посмотрим, чей ты посланник. И скоро.

Так, что-то я увлекся. Надо помнить, что я имею дело с чокнутыми ролевиками, а от таких, чего угодно можно ожидать.

- Ладно, - примирительным тоном сказал я, - и что было дальше?

Валька еще с минуту гневно пораздувала ноздри, потом немного остыла. Вспомнила, видно про свои обязанности жрицы и нехотя продолжила излагать.

- Да, восемьдесят три года назад Империя перешла в наступление. Такого победного шествия, как, в свое время, на Западе у нее, конечно не получилось. Германцы, а особенно племена славов не чета изнеженным западным народам.

Ну да, кто бы сомневался - мы же самые крутые.

- Но силы были не равными. Железным легионам, казалось, нет конца. Да еще, наши племена не могли выступить сообща и дрались, по большей части, в одиночку. В общем, пятьдесят лет назад имперцы покорили германцев, а тридцать лет тому - почти все племена славов.

Вот как! Мы, оказывается, под игом. И как тут под игом живет? Видно не сладко, раз уже, судя по всему, не первый год ждут помощи от богов. Вон, даже культ какого-то посланника придумали. Черт! Опять проникся! Это же все сказки для взрослых! И все-таки решил озвучить свой вопрос.

- И как оно, под румийцами?

- Плохо, - помрачнела Валентина. - На нас возложена непомерная дань. Князьям запрещено иметь большие дружины. В каждом крупном поселении сидит имперский наместник, который может вмешаться в любой момент в нашу жизнь. Казнить и миловать по своему усмотрению. При нем всегда состоит гарнизон румийцев, не меньше когорты пехоты и трех турм конницы.

- Это сколько? - решил проверить я свою память.

- Шестьсот воинов пехотинцев и чуть больше сотни кавалерии.

Я удовлетворенно кивнул. Судя по всему, ролевики откровенно срисовали имперцев с римлян.

- Понятно... - протянул я. - И это все войска на вашей земле?

- Нет. В верховьях Донеpra, - она ткнула пальцем в голубую извилистую линию на карте, изображающую, насколько я помню географию, Днепр, - расположено большое поселение - бывшее когда-то военным лагерем. Теперь это город, построенный по западным канонам - кирпичные дома в несколько этажей, каменные крепостные стены. Есть даже канализация. Ты знаешь, что это такое?

Стало даже немного обидно. Это она у меня спрашивает про канализацию. Я важно надул щеки и кивнул.

- Знаю, дочь моя, продолжай.

Валька раздраженно фыркнула, а я снова выругал себя за неуместный стеб. Посерьезнее, посерьезнее. С сумасшедшими надо во всем соглашаться и ничем их не раздражать.

- Называется сей город Лютеция. Там румийцы держат шесть легионов.

- То бишь, тридцать шесть тысяч?

- К ним тяжелой конницы - четыре алы. И еще вспомогательных войск из покоренных народов тысяч пятнадцать.

- Да, солидно. И моя задача их всех убить.

Это я даже не спросил, а констатировал.

- Как-то так, - кивнула Синицина, глянув на меня с изрядной долей скепсиса.

- Что, в одиночку?

- А что, разве посланнику богов такое не под силу? - эта язва уже не скрывала насмешки. - Не бойся - воины славов готовы подняться по первому слову посланника и

оружие найдется. Вот только тебе придется подтвердить свой статус. Я об этом уже говорила.

- И каким же образом? - спросил я и внутренне поежился, ожидая какой-нибудь гадости. И предчувствия меня не обманули.

- Через три дня, когда поправишься, тебе нужно будет пройти испытание сталью, воздухом, водой и огнем.

- Это как? - вопрос мой прозвучал довольно жалко, не по послански.

- Увидишь, - многообещающе усмехнулась эта стерва. - И если ты не тот, за кого себя выдаешь, мне тебя жаль.

Синицина поднялась с табурета.

- Теперь позволь твоей недостойной служанке удалиться, посланник?

Фраза буквально сочилась сарказмом. Я вяло махнул рукой.

- Ступай.

Уже у двери Валька обернулась и спросила:

- Как тебя называть, посланник?

- Витя. В смысле - Виктор.

- Хм. Румийское имя. Забавно шутят боги. Если это наши боги. Ладно, сейчас Туробой принесет тебе поесть. Он слуга при храме. Немой, но все слышит. Румы еще в детстве отрезали ему язык, когда жгли его селище. Туробой будет твоим личным слугой и охранником. Проси его обо всем, в чем будет нужда. И готовься к испытаниям. У тебя три дня.

Глава 7

Буквально сразу после ухода Вальки-Волеславы дверь в мою горницу снова распахнулась, и в нее с трудом протиснулся человек-гора. Кажется именно его лицо я видел сразу после выживания меня из того гигантского колодца-сенота. Ну да, та же копна светлых волос, аккуратная борода, а главное - улыбка. Было в этой улыбке некое обожание и преклонение. М-да, уж этот-то, сразу видно, не сомневается в моем божественном посланничестве.

Туробой, так кажется, подошел к кровати и низко, но с достоинством, поклонился. В руках он держал стопку одежды. Вот это кстати. Гигант положил одежду на табурет и деликатно отвернулся. Я сбросил одеяло и присел на край кровати. Тэк-с, что тут у нас? Сверху это, похоже, подштанники - тонкой белой ткани. Надеваем. Точно по размеру. Дальше рубаха из того же материала. Кажется, в старину такие рубахи называли исподними. Штанишки... Материальчик погуще, темно-синего цвета. Не шаровары, но весьма просторные. Широкий кожаный ремень к ним. Надеваем. Теперь - рубаха. Хм... Ярко-красного цвета. Похоже, шелковая. Ну и мода у них - буду похож, то ли на цыгана, то ли на казака времен Стеньки Разина. Или это только посланник богов достоин такого наряда? Мой новообретенный слуга-телохранитель одет не в пример скромнее. Ну да ладно. Дальше широченный в металлических заклепках пояс. Примерно такой же, как у Туробоя. В самом низу стопки лежали сапоги из мягкой кожи с подошвой из нескольких слоев кожи по жестче и низким каблуком. Осторожно - голова все еще кружилась - нагнулся и натянул сапоги. Опять впору. А до чего мягко - почти, как в тапочках и, в то же время, хорошо голеностоп держат. Аккуратно встал, притопнул - замечательно.

На звук повернулся Туробой. Осмотрел меня, одобрительно кивнул и хлопнул в ладоши. Звук, принимая во внимание размеры его ручищ, получился впечатляющим. Входная дверь сразу же распахнулась, ждали под ней, что ли? Да запросто - не каждый день посланцы богов припожалывают. В дверь вплыла дородная тетка лет за пятьдесят, лучающаяся благожелательной улыбкой с громадным, то ли блюдом, то ли подносом, уставленным, судя по виду и запаху, разной вкуснятиной. Одета она была все в том же стиле 'кантри'. Женщина, плавно покачивая необъятными бедрами, подошла и поставила блюдо-поднос на табурет. Поклонилась и так же величаво покинула помещение.

На блюде стояла деревянная миска с дымящимся варевом, наструганный крупными ломтями пшеничный хлеб, объемистая плошка с какой-то вареной крупой, щедро сдобренной подливой с ломтями мяса, кринка, надо полагать, с каким-то питьем и большая глиняная

кружка. Рот мгновенно наполнился слюной, в животе забурчало - оказывается, я был зверски голоден. Схватив лежащую тут же на подносе, деревянную, покрытую узорами ложку, набросился на еду. Смел все, что было на подносе в момент. Запил все это изобилие вроде бы квасом, что был в кринке. Забыв о приличиях, сыто рыгнул и откинулся на кровати. От живота по организму распространилось сытое тепло - хорошо!

Все это время Туробой с умилением наблюдал за поглощением мной пищи. Увидев, что я завершил процесс, снова оглушительно хлопнул в ладоши, заставив меня, всего такого расслабленного и умиротворенного, чуть ли не подпрыгнуть. Зашла все та же женщина и унесла поднос с пустой тарой. Мой телохранитель изобразил на лице вопрос и показал на дверь. Похоже, предлагает подышать воздухом. А почему бы и нет? Самочувствие мое стремительно улучшалось - можно было и погулять. Заодно осмотреться и, если получится, сориентироваться в пространстве.

- Пойдем, Туробой, подышим, - поднимаясь на ноги, согласился я.

Гигант двумя мягкими, как у кошки, шагами преодолел расстояние до двери и распахнул ее. Я вышел из горницы и оказался в темноватом, без окон, коридоре с несколькими дверями. Вначале безмолвный слуга показал на маленькую дверцу, за которой оказался туалет типа сортир, как говаривал Анатолий Папанов в бессмертном фильме. Весьма кстати. После этого Туробой распахнул дальнюю дверь, из которой хлынул поток солнечного света. Несколько шагов и я оказался на чем-то вроде большого балкона с деревянными резными перилами. Солнечный свет после полумрака коридора показался нестерпимо ярким. Я прищурился, подошел к краю балкона и осмотрел, открывшуюся с него панораму.

И вот тут меня, что называется 'торкнуло'. Позвольте, что за пейзаж такой, совершенно нехарактерный для средней полосы России, в которой я должен, по моему разумению, находиться? А пейзаж был знатный, как с картинки. Балкон находился, примерно, на уровне второго этажа. Само здание, которому балкон принадлежал, стояло на вершине высоченного холма, поднимающегося над окружающей местностью метров на двести. Соответственно, обзор у меня был преотличный. Холм был не такой холм, как в средней полосе. Во-первых, как я уже сказал, он был очень высоким, во-вторых, склоны его местами были обрывисты с выходами скальных пород. Деревья, кое-где росшие на склонах, хоть и были далековаты для тщательного рассмотрения, но представителей знакомой древесной флоры той же, средней полосы, напоминали слабо.

А на вершине холма, с которого я обозревал окрестности, располагалось небольшое, но очень симпатичное селение. Дома в нем были исключительно бревенчатые, но построенные со вкусом и оригинальностью. В полтора-два этажа, на фундаментах из дикого, покрытого живописными зелеными пятнами мха, камня. Второй этаж нависал над первым, а углы крыш загибались, как у восточных пагод. Крыши были покрыты ярко красной черепицей. Какая-то нетипичная для славян архитектура, надо сказать. Что-то ролевики перемудрили. Здания городка, или селища, не знаю как правильно, сбегали вниз по склону холма, где-то до его середины. Огораживала городок какая-то несолидная изгородь, которую нельзя было назвать даже частоколом, не то, что стеной. Улицы и улочки городка были вымощены круглым, плотно уложенным, булыжником. Главная, совершенно прямая улица, начиналась от небольшой площади, находящейся прямо под моим балконом, и спускалась вниз до края селения к изящным небольшим воротам, встроенным в изгородь. Дальше улица превращалась в дорогу, вымощенную все тем же булыжником, доходила до подошвы холма и там расходилась в трех направлениях. Две дороги уходили вправо и влево, змеясь и теряясь между холмов и перелесков раскинувшегося подо мной ландшафта. Средняя дорога продолжала идти прямо и упиралась в громадную дыру в земле, поблескивающую на дне водной голубизной. Тот самый колодец-сенот - сделал я глубокомысленный вывод.

Глаз с такой высоты охватывал довольно обширное пространство. Пространство было занято зеленой всхолмленной равниной, местами с выходами серых скал и нагромождением громадных валунов того же цвета. Вблизи нашего холма равнина была лишена каких-либо значимых скоплений деревьев. Километрах в пяти начинали встречаться небольшие перелески, чем дальше - тем крупнее. И ближе к горизонту перелески начинали сливаться в леса. Местами равнина вздыбливалась холмами. Поменьше, чем тот, где я находился, но, тоже весьма внушительных. Слева от нашего холма бежала неширокая, поросшая ветлами, речка.

М-да.... И как это все понимать? Куда это меня занесло? Насколько я знаю, таких ландшафтов в окрестностях нашей области быть не может. Меня что, унесло на тысячу с большим гаком километров? Куда-нибудь в Прикарпатье, или, вообще, в Болгарию. Там я видел подобные пейзажи. Это какой же длины должна быть пещера, и с какой скоростью меня должно было нести? Опять же, откуда в тех местах наши русские, пусть и чокнутые, ролевики. Да нет, бред какой-то. А может, действительно - бред. Предсмертный. Сейчас я, на самом деле, задыхаюсь в той чертовой пещере, а все окружающее, это фантомы, рожденные агонизирующим мозгом? Тогда и появление Валентины вполне объяснимо. Если так, то как-то неуютно становится. Зябко как-то. Голова снова закружилась, и я ухватился за резные перильца балкона. Тут же почувствовал на плечах руки Туробоя, который, видя, что со мной не все в порядке, решил меня подстраховать. Я немного успокоился. Головокружение прошло, исчез и, появившийся было, озноб. Громадные лапищи моего телохранителя убеждали в существовании окружающей реальности.

Туробой, поняв, что мне стало легче, убрал руки, шагнул в дальний угол балкона и подsunул мне под зад, принесенный оттуда табурет - точный двойник того, который стоял в моей горнице. Я, благодарно кивнул, уселся и задумался. Перебрав все варианты, остановился на трех версиях происходящего. Первая, ставшая теперь самой маловероятной - те же ненормальные ролевики, но прикупившие, или арендовавшие кусок земли вдалеке от милых и родных мне мест, и куда, каким-то невероятным образом меня унес подземный поток. Вторая - пресловутый параллельный мир. Только вот, как здесь оказалась Синицына? Тоже перенеслась? Допустим. А почему не узнает меня? Неужели я так изменился? Или при переносе память отшибло? Ладно, как вариант.... Ну и третий, самый грустный - предсмертный бред. Затянувшийся, надо сказать. Первый вариант самый предпочтительный, но, как я уже сказал, маловероятный. Самый вероятный последний, но мне нравится меньше всего. Значит, придется ориентироваться на второй, а дальше - будем смотреть, и действовать согласно обстановке. Но ведь как попал-то, а? Беда.... Впрочем, мог остаться навсегда в той подводной пещере. Так, что надо воспринимать происшедшее, как подарок судьбы. Только вот, тогда получается, что все, что говорила Синицына, это не бред заигравшихся ролевиков, а действительно - местные реалии. И от меня здешние ждут каких-то сверхъестественных подвигов. Правда, чтобы допустили до этих подвигов, нужно пройти, вначале, какие-то стремные испытания. Как там сказала Валька: сталь, воздух, огонь и вода? Бр-р-р. Звучит неприятно.

Ладно. Испытания, говоришь. Поживем - посмотрим. Я встал с табурета. Глянул вниз. За время моих прозрений и терзаний внизу под балконом на площади собралась небольшая толпа народа. В местной одежде, естественно. Мужчины, женщины, дети. Побольше сотни. Увидев меня, показавшегося из-за балконных перил, народ негромко загудел. Что было в этом гуле, одобрение, или наоборот, я не понял, похлопал по плечу Туробоя и махнул рукой в сторону моих апартаментов. Тот кивнул и проводил меня до кровати. Сбросив сапоги, рубаху и штаны, оставшись в исподнем, я забрался под меховое одеяло и через пару секунд провалился в сон без сновидений.

Глава 8

Проснулся я ночью. Не сразу вспомнил, где нахожусь, а когда вспомнил, спать резко расхотелось. Полежал минут пять, таращась в потолок. Повернулся на бок к окну. Из ячеистой рамы, сквозь маленькие стеклышки лился неяркий голубоватый свет. Свет меня заинтриговал. Фонарь, что ли под окнами горит? Но тогда какое, к черту, средневековые с мощными уличными фонарями? Неужели все же реконструкторы? Отбросив одеяло, вскочил с кровати и, шлепая босыми ногами, почти бегом бросился в коридор. Из него, через уже знакомую дверь, выскочил на балкон, с которого имел удовольствие обозревать окрестности днем. Подбежал к перилам и глянул вниз на улицу, в поисках источника света. Никаких фонарей видно не было. Голубоватый свет заливал весь городок и, вообще, всю округу, насколько хватало глаз. Я посмотрел на небо и снова ощутил головокружение. Похоже, гипотезу с земными реконструкторами-сектантами можно забыть. На небе висели две луны.

Одна желтая, почти как наша, но раза в два поменьше. Вторая голубая, огромная, больше земной луны раза в полтора. Именно ее свет и заливал все вокруг. 'Го-о-олубая луна...' - зазвучали в голове слова дурацкой песенки Бори Моисеева. Да уж....

Я попятился и плюхнулся задом на табурет, все еще стоявший на том же месте, где и днем. Искать знакомые созвездия, видимо, не имело смысла, с такими-то лунами. Хотя, даже навскидку, звезд на здешнем небе было насыпано гораздо гуще, и были они ярче и крупнее. В другом душевном состоянии, я бы, наверное, залюбовался таким небом. Вот, только это самое состояние сейчас к созерцательности не располагало. Сзади, почти неслышно подошел Туробой. Я уже начал узнавать его, не видя, по манере двигаться и дышанию. Он положил свою тяжелую руку мне на плечо и чуть сжал. Жест сочувствия и поддержки. Видно почувствовал этот эмпат доморощенный, насколько мне хреново. Трогательно. Аж слезы навернулись. Я благодарно похлопал ладонью по его ручище.

В общем, сомнений не осталось - это другой мир. Хотя, предсмертный бред полностью, тоже исключить нельзя. Ну и что, что бред затянулся? Говорят же, что перед смертью в голове пролетает вся жизнь. Ну и тут мне, может, предстоит жизнь прожить. А, что - умираю минуту, а субъективно все это растягивается на несколько десятков лет. Но, если так, то в чем разница - тот же, параллельный мир. В котором надо жить и как-то приспособливаться. А как? Ох, ладно.... Как говаривал мой ротный - война план покажет. Спать надо идти.

Туробой проводил до двери в мою горницу и на прощание похлопал по спине: мол, не бойсь - все хорошо будет. Ну, хорошо, так хорошо. Я улегся в кровать, глубоко вздохнул и... заснул.

Следующие два дня, оставшиеся до испытаний, я болтался по городку и ближайшим окрестностям. В сопровождении своего телохранителя, естественно. Городок, как уже говорилось, был удивительно красив. Особенно замечательно он смотрелся снизу с дороги, от того самого священного колодца. Самую вершину холма - центр города, занимал храм посланца богов. Получается мой. Был он, как и все строения, бревенчатым, стоящем на каменном фундаменте. Высотой аж в четыре уровня, если считать каменный цоколь, в котором находились кладовые и подсобные помещения. Первый этаж был собственно храмом, состоящим из зала с шестью деревянными резными колоннами и алтарным камнем, тоже покрытым затейливой резьбой. Площадь храмового зала составляла квадратов пятьдесят. Второй этаж был жилым. Площадью поменьше. Здесь постоянно проживали двенадцать жриц, одной из которых была Валька-Волеслава. Или теперь ее называть просто Волеславой? В этом курятнике она была главной. Здесь же поселили и меня. М-да, всегда мечтал пожить в женском монастыре. Ну и самый верхний, третий этажик был совсем маленьким. Вернее, это была круглая изящная башенка, где главная жрица беседовала с богами. Вход всем остальным туда был строго воспрещен. Даже мне. Догадались почему? Ну, понятно - я же еще не прошел испытаний на истинность.

От храма ярусами спускались дома. Очень все это смотрелось живописно. Сам холм с задней, по отношению к храму стороны, имел обрывистый склон. Видимо, река, протекающая у его подошвы, когда-то имела немного другое русло и цепляла склон холма, основательно его подмыв. В итоге образовалась здоровая выемка, обрушившая часть склона и образовавшая обрыв метров семьдесят высотой. Стенка обрыва белела обнаженным известняком. Громадные обломки того же известняка лежали на дне этой выемки. Близко к краю этой пропасти я подойти не решился - с детства боюсь высоты.

Во время прогулок я предавался размышлениям. В основном - что делать дальше? В первую очередь, естественно, прокачал варианты возвращения домой. Перспективы, надо сказать, стремились к нулю. А что вы хотели? Дорога домой была только одна - через колодец по подземно-подводному тоннелю. Акваланг я утопил. Прикупить таковой здесь, вряд ли было возможно. Даже если каким-то чудом донырну до него, лежащего на глубине не меньше пятидесяти метров, то не смогу протащить сюда через узкий восходящий тоннель. А если проташу - где заряджу. А заряджу, как выгребу неизвестно какое расстояние против течения, пусть даже не такого быстрого, как то, которое меня сюда затащило. Опять же, тут имел место какой-то фазовый переход - мир-то параллельный. В общем, о возвращении, пока, нечего было и думать.

Общался я здесь с безмолвным Туробоем и, эпизодически, с Волеславой. Последняя,

вместе с другими жрицами, была жутко занята организацией пресловутых испытаний, представляющих собой, похоже, что-то вроде всенародного праздника. За эти дни окрестности городка становились все оживленнее. Слух о моем появлении разнесся, судя по всему, весьма широко и сюда начало подтягиваться окрестное население. В городок на постой пускали только самых уважаемых и состоятельных представителей местного сообщества. Все рангом поменьше разбивали шатры у подошвы холма, и к вечеру третьего дня там образовался настоящий палаточный городок с населением раз в несколько больше, чем во всем нашем селении. Пришлый народ вел себя пристойно: много не пил, не буянил, питался припасами, привезенными с собой.

Меня лишним вниманием не донимали. В том смысле, что толпы зевак за мной не ходили и автографы не просили. Таращились во время моих прогулок, это - да, но не более. К вечеру третьего дня приехала какая-то местная шишка. Князь здешний, что ли? Прибытие его я наблюдал со своего балкона, завершив вечерний моцион, сидя на табурете и попивая квасок из объемистой глиняной кружки. Сопровождал его отряд всадников в полном средневековом вооружении: в блестящих под закатным солнцем кольчугах, конических шлемах, с круглыми красными щитами и длинными копьями. Кстати, оружия у местных, даже знатных и богатых, до сих пор я не видел. Если не считать, висящих на поясе ножей самых разных размеров. Видимо, сказывалось ограничение, наложенное злобными завоевателями. Вновьприбывшие быстро разбили громадный красивый шатер, где, видно, и поселился приехавший князь.

Этим же вечером задал Вальке вопрос, мучивший меня с момента окончательного осознания своего попаданства.

- Скажи... Волеслава, - как обычно, слегка запнувшись на ее имени, спросил я у нее, - я у вас первый посланец, или кто-то уже был до меня?

Жрица, помолчав, нехотя ответила:

- Да. Был. Семь лет назад. Я тогда была совсем ребенком и жила в Кийграде. Главной жрицей в то время была другая девушка.

Сердце мое подпрыгнуло и зачастило - неужели Андрюха? А что - пропал он как раз семь лет тому.

- И как его звали, - стараясь, чтобы голос звучал спокойно, продолжил я допрос. - Где он сейчас? Жив?

- Ты узнаешь о своем предшественнике, если пройдешь испытания. И не от меня, от верховного жреца в Кийграде, - резко свернула Разговор Валька.

Ну, для начала, хоть это. Андрюха попал сюда. И, возможно, жив и здоров. Задача найти его, а потом вместе подумать, как отсюда выбраться. Мое пребывание в этом мире начинало обретать смысл.

И вот, наступил день первого испытания - испытания сталью. Я, конечно, пытался выяснить у Волеславы, во время наших скоротечных встреч, в чем оно заключается.

- Увидишь, - вот и все, что я сумел добиться от этой заразы.

Так вот, поднял меня в этот день Туробой с самого ранья - солнце только-только начало подниматься над горизонтом. Кстати, солнце, в отличие от лун, здесь было самое обычное. Во всяком случае, на мой неискушенный взгляд. Проснулся сразу, без раскочки. Телохранитель слил мне воды. Я умылся, потрогал начинающую отрастать бородку, сделал пятиминутный разминочный комплекс. Тело налилось силой и бодростью. За эти три дня я полностью восстановил физическую форму и, как думал, готов был к этим чертовым испытаниям.

Пока разминался, Туробой куда-то вышел и появился уже в сопровождении Вальки, тьфу, Волеславы. В руках он нес меч в красивых, расшитых мелкими блестящими камушками ножнах. Это чудо он протянул мне. Ух, ты! Красотища! Я вынул меч из ножен. Сам он выглядел не в пример скромнее, но, в то же время, функциональнее и изящнее. В общем, это был настоящий боевой меч. Хоть я и небольшой специалист, но как-то сразу это почувствовал. Простой прямой клинок в три пальца шириной у рукоятки, чуть сужался к острию. Острие, действительно, было заостренным и, соответственно, мечом, можно было наносить колющие удары. В середине лезвия, вдоль него, шла выемка. Кажется, это называлось долом и делалось для облегчения клинка. Крестовина, или гарда, представляла собой толстую стальную планку, сантиметров пятнадцать длиной. Рукоять для одной руки,

аккуратно обмотанная ремешком из грубой шершавой кожи, заканчивалась железным навершием в виде сплюснутой с боков полусферы. Я присмотрелся к клинку. Показалось, или.... Поднес меч к окну и точно - клинок покрывал характерный волнистый узор. Неужели булат? Похоже на то. Надо же. Наверно, больших денег стоит. Уважают, однако. Попробовал лезвие на изгиб. Меч чуть согнулся и сразу выпрямился, стоило мне прекратить давление. Пару раз взмахнул им. С тихим гулом меч рассек воздух. Красота! Мечта любого мальчишки. Так, и куда его прицепить? Вот какие-то ремешки. В процесс вмешался Туробой и совместными усилиями ножны с мечом, были подвешены к моему поясу. Я положил левую руку на рукоять и принял героическую позу. Видимо, для торжественных выходов на люди посланнику богов был положен, сей рубящее-колющий предмет.

- Ты готов к первому испытанию? - торжественно спросила Валька-жрица.

- Всегда готов! - я вынул клинок и, дурачась, отсалютовал Волеславе.

Вообще, на меня снизошло бесшабашное настроение. Я, как-то опять перестал воспринимать происходящее в серьез.

- Тогда пойдем, - моя главная жрица повернулась и двинулась к выходу.

Я бодро зашагал следом. За мной почти бесшумно - Туробой. Миновали коридор, вышли на балкон. Гул толпы я услышал еще в коридоре, а теперь, с балкона ее увидел. Площадь и все прилегающие улицы были забиты людьми. Народ расселся даже на крышах прилежащих домов и высовывался из их окон. Вездесущие мальчишки расселись на ветках, в изобилии произрастающих в городке, деревьев.

В том же порядке мы спустились по лесенке, пристроенной с боку балкона, на площадь. Не замедляя шага, Валька двинулась на толпу. Народ раздался, образуя проход. По этому людскому коридору мы добрались до центра площади. Здесь нас ждали десятка два воинов в кольчугах, шлемах и с копьями. Без щитов. По-моему это были дружинники, приехавшие вчера вечером с той самой важной персоной, для которой разбили шикарный шатер. Воины быстро освободили самый центр площади, отеснив народ на ее края. Пяток крепких мужичков вытащили из храма несколько скамеек и расставили их полукругом по краю очищенного от людей пятачка. На скамейках тут же расселась местная знать. Это я понял по богатой одежде и уверенным манерам. В центре расположился главный гость. Должно быть, тот самый князь, приехавший вчера. Это был крупный мужчина около пятидесяти лет. Ухоженная борода с проседью, длинные, собранные в хвост, волосы. Лицо худощавое, властное. Тело сухое и гибкое, излучающее уверенность и силу. В общем, прирожденный лидер. Эдакая ходячая харизма. Кстати, у него единственного, не считая дружинников и меня, на поясе имелся меч.

Туробой куда-то запропал и мы с Волеславой оказались вдвоем в центре площади. Моя жрица обратилась к толпе с длиннющей речью, в которой благодарила богов, пославших местному народу меня. Коснулась политической ситуации, в улучшении которой я должен был помочь. Потом еще что-то о богах и уже в конце - ложка дегтя к наговоренной ей бочке меда. А именно - испытание посланца богов на истинность. Причем, преподнесла это так, что, вроде она-то не сомневается, что меня послали боги, но закон порядка требует - традиция, понимаешь.

Толпа одобрительно загудела, а Валька подошла ко мне и, наконец-то сообразовала пояснить, в чем будет заключаться испытание.

- Тебе нужно будет сразиться на мечах с приговоренным к смерти варангом. Твоя задача убить его. Его - убить тебя. В последнем случае он будет помилован и отпущен на все четыре стороны.

Опа! Картина Репина! Вот так вот сурово.... Еще бы уметь пользоваться этим самым мечом. Оно, конечно, сэнсэй нам, в свое время, показывал несколько движений деревяшкой, изображающей катану. На русском бое мы, какое-то время, махали палками, изображающими прямые одноручные мечи. Примерно такие, как тот, который висел у меня сейчас на поясе. Но, во-первых, это было давно, а во-вторых, ну не серьезно все это. Особенно против профессионала, обучающегося владеть мечом с детства. М-да. Я начал блять Вальке, о том, что там, в Ирии меч не является основным оружием тамошних обитателей, и потому владею я им неважно. Эта стерва только усмехнулась и презрительно уронила:

- Если ты посланец - боги помогут тебе.

Пока мы с Волеславой, таким образом, общались, с противоположной стороны площади показались двое дружинников конвоирующих белобрысого верзилу в потасканной одежде. Новый персонаж был высок, худощав, но жилист. Руки его были связаны за спиной. Дружинники вывели его на край очищенной от народа площадки напротив меня и развязали руки. Тот сразу начал их разминать. Весьма деловито и целеустремленно, если можно так сказать.

- Нужен ли посланцу богов щит? - громко, на публику спросила у меня Валька.

Я торопливо кивнул - хоть какая-то дополнительная защита от острой железки в руках противника. Появившийся из толпы Туробой притащил и сунул мне в руки круглый красный щит. Толком рассматривать его, не было ни времени, ни желания. Обратил внимание только на большую, выпуклую, металлическую бляху в его центре, кажется, называемую умбоном и металлическую же оковку по краю. И как его надевать? На помощь опять пришел мой немой телохранитель. Он просунул мою руку в широкую ремennую петлю с внутренней стороны щита и показал на небольшую деревянную рукоятку у противоположного его края, за которую я судорожно вцепился.

Моему сопернику вручили точно такой же щит и сунули в руки меч, примерно такой же по форме, что и мой, висящий сейчас у меня на поясе. Да, кстати, о мече: как его, теперь, из ножен достать, со щитом на левой руке. Туробой, молодец мужик, сразу просек мое затруднение и изящно, словно так и задумывалось, вытащил мой меч из ножен и с легким поклоном, вложил его мне в правую руку. Незаметно для окружающих, он сжал и ободряюще встряхнул мое предплечье. Я благодарно кивнул.

Туробой опять исчез в толпе. Волеслава подняла вверх обе руки. Гудящая толпа затихла.

- Призываю богов помочь своему посланнику и доказать его истинность, - воскликнула она и устроилась на лавке рядом с местным боссом.

Мы остались с варангом в центре площади один на один. Только сейчас до меня окончательно дошло, что все происходящее затеяно всерьез, и сейчас этот белобрысый отморозок (не зря же его приговорили к смерти) будет меня убивать. Черт! Еще эта железка и круглая тяжелая дура в руках мешаются. Без них, может, я еще попрыгал бы вокруг этого. А с моей подготовкой, возможно, и смог бы его вырубить. Наивный. Плохо я тогда еще представлял, что такое профессионал с мечом.

В моей голове попытался рвануться наружу 'я-второй', почуяв по хлынувшему в кровь адреналину, что я попал в какую-то очередную неприятность. Выбраться ему не дал - большого толку не будет, поскольку опыт владения мечом у него в точности равнялся моему. Ко всему, какое-то шестое чувство подсказывало, что светить здесь в этом мире мою двойную сущность не надо. Даже вот в таких, пиковых ситуациях. Почему? Убейте - не знаю, но не надо!

Варанг сделал в мою сторону пару шагов. Надо было что-то делать. Я поднял верхний край щита до уровня подбородка и выставил его вперед, насколько позволяла длина руки. Меч тоже выставил вперед, острием в сторону противника. По толпе прошел недоуменный гул. Глянул на варанга. Тот сделал еще пару шагов мне навстречу, оскалив зубы в презрительной усмешке. Что-то делаю не так. Ну да - варанг держал щит на опущенной вдоль тела, чуть согнутой в локте левой руке, нижний край на уровне бедра. Правая рука с мечом тоже чуть согнута и касается тела, острие меча на высоте плеча и наклонено в мою сторону. Ноги подсогнуты, вес тела на носках. Ну, это знакомо. Пробуем скопировать? Попробовал. Действительно, так легче. Мышцы меньше напряжены, защититься и ударить можно в любую сторону.

В этот момент мой противник совершил стремительный прыжок, преодолел, разделяющие нас несколько метров и так же стремительно рубанул сверху вниз, справа налево по диагонали, целя мне в правую ключицу. Спасла хорошая реакция: я просто успел отскочить из под удара. Ни блокировать удар мечом, ни попытаться подставить щит не успел - не учили меня такому. Отскочил недостаточно далеко - варанг продолжил атаку, нанося рубящий удар по моему правому бедру. Этот удар я все же попытался блокировать мечом - движение само напрашивалось. Блокировал недостаточно жестко: мой меч отскочил назад и хорошо, что к этому моменту я успел убрать ногу. Иначе мог получить рану от своего же

меча. Противник опомниться не давал. Последовал удар справа. Поймал его на щит. И тут же получил хороший пинок в открывшийся корпус. Опрокинулся навзничь, громыхая щитом, перекатился через голову и сразу вскочил на ноги. Щит, при падении, слетел с руки и откатился в сторону. Я пригнулся и выставил меч вперед, в ожидании новой атаки.

Варанг, однако, не торопился. Похоже, он понял, что за противник ему достался. Губы его снова скривились в презрительной усмешке. Он картинно стряхнул щит с руки и отбросил его в сторону - вроде уравнивал шансы. Потом поманил меня освободившейся левой рукой.

- Ну, давай, красавчик в красной рубашке. Иди ко мне. Я тебя на холодец нарублю.

Я еще с удивлением смог констатировать, что варанг исключительно чисто говорит по-русски. Ну, мало ли - может он всю жизнь среди славов жил. К нему я, конечно, не пошел, как говорится: лучше уж вы к нам.

- Не хочешь, - констатировал белобрысый. - Тогда держись.

Варанг снова бросился в атаку. От каких-то ударов я уворачивался, какие-то пытался парировать мечом. И то и другое получалось плохо. Было удивительно, что пока мой противник ни разу меня не зацепил. Потом понял, что он просто играет со мной, как кошка с мышью и может зарубить в любой момент, как только пожелает. Толпа возмущенно гудела: не мудрено - истинность посланника становилась весьма сомнительной. Мой противник снова остановился, видимо, подустав гонять меня по площади: растренировался, что ли, сидючи в темнице? Я попятился, разрывая дистанцию до максимума. Запыхался тоже изрядно, но это было не главное. Меня начала охватывать предсмертная тоска. Я знал, что это такое - повоевал. В толпе, это чувствовалось, нарастала враждебность, переходящая в ненависть. По отношению ко мне, естественно. Как же - не оправдал надежд целого народа. Передо мной стоял человек, готовящийся меня убить. Правильно - моя смерть, его жизнь. Я даже не осуждал его за это. Мама, заberi меня отсюда. Здесь меня никто не любит. Да хоть бы эти чертовы боги, которые занесли меня сюда, помогли! По-моему, самое время! Где вы, боги!

И вот тут это случилось. Было ощущение, что высоко в небесах открылось светящееся отверстие, из которого хлынул радужный поток. Не радуга, а именно радужный поток. Неширокий, он падал с небес прямо на меня и только на меня. Волны радужного света впитывались в мое тело, щекоча, чуть пощипывая, насыщая тело силой и какой-то приятной легкостью. Непередаваемое ощущение. Длилось это недолго. Не больше минуты. Мир вокруг меня, в течение этой минуты, застыл. Время остановилось. Мой противник стоял передо мной в странной позе, с приподнятой для шага ко мне ногой и с открытым для очередной реплики ртом. Люди вокруг, так же застыли в самых разнообразных позах. Глянул на скамейку, где сидела Волеслава, ожидая увидеть на ее лице торжество и злорадство. К моему удивлению, лицо ее, скорее, выглядело огорченным.

В следующий миг наваждение закончилось. Все вокруг задвигалось, а ватная тишина сменилась гулом и возмущенными криками. Варанг, не спеша подходящий ко мне, действительно что-то говорил. Я прислушался.

- Пришло время умирать, красавчик, - говорил варанг. - Мне даже жаль тебя, но что поделать, твоя смерть - моя жизнь.

Надо же - почти теми же словами. Одинаково мыслим, однако. Белобрысый подошел почти вплотную и, понизив голос, добавил:

- Не бойся, я постараюсь сделать это не больно. Ты, главное, не шевелись, иначе удар пойдет не так - будешь мучиться.

Заботливый! Трогательно, до слез!

Варанг замахнулся мечом. Я честно не собирался двигаться - какой смысл, все равно к одному концу, минутой раньше, минутой позже.... Моя рука, держащая меч, без какого-либо участия с моей стороны, взметнулась навстречу, летящей к моей шее стали и легко отбила удар. А дальше, к самостоятельно действующей руке, присоединилось все тело, переходя в контратаку. Через секунду к телу присоединился и разум, если можно так сказать. Я вдруг начал понимать смысл движений, совершаемых моим телом. Начал понимать, как и что нужно делать в следующий момент: как провести защиту, как нанести удар. Я даже 'вспомнил' как называется тот, или иной удар, та, или иная защита. Это был восторг. Роли в нашем поединке поменялись с точностью до наоборот. Теперь мое преимущество стало подавляющим. Теперь я играл со своим соперником, как кошка с мышью. Такая внезапная

перемена, похоже, поразила его до глубины души. Отбивался он как-то вяло и, похоже, уже попрощался с жизнью. Ко всему, его, действительно довольно долго держали в узилище, отсюда гиподинамия, и, соответственно, он выдыхался на глазах. Дышал со всхлипами, пот грязными ручейками сбегал по лицу. Само лицо побледнело и приобрело зеленоватый оттенок.

Толпа, замолкшая, было, увидев мое внезапное превращение в крутого бойца, сначала неуверенно, а потом со все возрастающим энтузиазмом начала поддерживать мои успехи. Варанг совсем выдохся. Я мог зарубить его в любой момент. Вот только зачем? Потому что так сказала Валька? Да хренушки! Не буду убивать. Из принципа. Да и жалко - неплохой, вроде мужик. Вон, даже прибить обещал без лишних мучений. Гуманист, можно сказать. Я остановился, опустил меч к бедру, давая моему сопернику отдышаться. Тот, опершись на меч, жадно втягивал воздух и, с плохо скрытым ужасом, смотрел на меня.

- Неужели, действительно - посланец? - прерывающимся голосом спросил он.

Я пожал плечами и негромко ответил:

- Возможно. Очень может быть.

Варанг попытался улыбнуться своей фирменной улыбкой. Получилось плохо.

- Ладно, делай свое дело, - прохрипел он. - И постарайся сделать это не больно. Я не буду шевелиться.

Он снова попытался усмехнуться. На этот раз получилось лучше. И что делать? Не убивать же его и в самом деле? Однако поединок должен закончиться моей несомненной победой. Ну, что ж.... Я взмахнул мечом и нанес удар сверху вниз, в голову, поворачивая в последний момент меч плашмя. Оглушенный противник рухнул ничком. Я вышел на середину площади и вознес руки к небу, будто благодаря неведомых богов. Впрочем, почему 'будто'?

Глава 9

К месту жительства благодарные болельщики донесли меня на руках. Хорошо не стали подбрасывать - не было, видно, здесь такого обычая. Толпа донесла меня до лесенки, ведущей на балкон. Дальше пришлось самому, ножками. И, слава Богу - не привык я к такой ажитации вокруг своей персоны. До горницы дошли вдвоем с Туробоем, аж светящимся от счастья за своего подопечного.

В горнице был накрыт праздничный обед. Посредине нее поставили стол и устали его самыми разнообразными яствами. Причем, продуктов было навалено человек на десять. Успели подсуетиться, однако. Или приготовили заранее? Получается, не сомневались в исходе поединка? Если так, то распоряжалась подготовкой обеда явно не Валька. Та, похоже, не очень-то верила в мое божественное посланничество.

Усадив меня за праздничный стол, верный телохранитель попытался прислуживать: начал накладывать еду в тарелку, наливать вино в кружку. Я остановил его жестом руки и, вспомнив, что Туробой все слышит (почему-то все время об этом забывал), попросил:

- Присядь за стол, Туробой. Отметим успех первого моего испытания.

Туробой замотал головой и даже попятился от стола.

- Отказ не принимается, - решительно заявил я. Поднялся и почти насильно усадил упирающегося детину за стол, что, принимая во внимание его габариты, было отнюдь не просто. Потом плеснул ему в свободную кружку вина.

- Еду накладывай сам - не барин, - произнес я и поднял свою кружку. - Давай выпьем за день сегодняшний и за то, чтобы следующие три прошли так же успешно.

Похоже, обычай чокаться во время пьянок, здесь знали. Немного скованно, но с полным пониманием сути процесса, Туробой поднял кружку и с глухим стуком соединил ее с моей: ну да, откуда звону-то взяться - глина. Я залпом влил себя содержимое глиняной емкости - граммов триста - почмокал губами. Неплохое винцо. Интересно, откуда? Виноградников здесь я не видел. Хотя, что я, вообще здесь видел? Три километра окрестностей.

Пустая кружка в моих руках задрожала и я поспешно, со стуком поставил ее на стол. Ага - вот и отходняк. А то, уж начал переживать - что-то задерживается. Ну, с этим зверем мы

знаем, как бороться. Я потянулся трясущейся рукой к кувшину с вином. Туробой заметил и понял мое состояние. Точно - эмпат. Легко дотянулся до вожаемого кувшина и щедро набулькал мне в кружку. Себе тоже не забыл. Чокнулись, выпили. Вроде, чуть отпустило. Прорезался зверский аппетит, и мы оба наинулись на еду - благо, Туробой перестал чиниться.

К концу трапезы, когда мы лениво потягивали из кружек остатки вина, в горницу припожаловала Валька. Черт, никак не привыкну к этому ее имени - ну, Валька она, один в один! Пусть Валькой и остается!

Моя жрица, похоже, чувствовала себя не слишком уверенно. Имевшее место быть последние два дня агрессивное презрение исчезло - это было видно сразу. Превалировала задумчивость с налетом, снова появившейся, почтительности. Она аккуратно закрыла за собой дверь, с легким удивлением глянула, на сидящего со мной за столом Туробоя, после секундного колебания опустилась передо мной на колено и склонила голову. Точно так же, как в тот первый раз.

- Поздравляю вас, господин, с пройденным первым испытанием.

Фраза эта далась ей, похоже, нелегко. Голос подсел, и не было в нем искренности - сказала, потому что нужно было сказать. Я, к этому времени, уже отошел от стресса и расслабился. Не мудрено - во мне плескалось грамм семьсот вина, оказавшегося довольно крепким, кстати.

- Валентина, давай без церемоний, - слегка заплетающимся языком, сказал я. - Поднимайся и присаживайся к столу. Выпей, закуси с нами.

Потом дотянулся до кувшина и потрянул его. На дне, что-то еще плескалось.

- Вот видишь - вино еще осталось. Выпей, расслабься.

Возможно, последняя фраза прозвучала несколько развязно. По крайней мере, Валька решила, что это так. Она поднялась на ноги. Лицо ее затвердело, брови сошлись в линию, глаза гневно засверкали.

- Как вы меня назвали? - от холода в ее голосе, казалось, стены внутри горницы должны покрыться инеем.

- Валентина, Волеслава - по-моему, вполне созвучно. А если их сократить до Вали и Воли, разницы почти совсем не будет. Давай я буду называть тебя Валею - мне так привычнее.

- У нас сокращают имена только простолюдины, - отчеканила Валька, гневно раздувая ноздри. - А позволять коверкать свое имя, данное мне богами, не позволительно никому, даже посланцу богов. Тем более, посланцу еще не доказавшему свою божественную сущность.

Вот так - неосторожная фраза и опять прошла любовь, завяли помидоры. Экая резкая ты дама, Валентина. Избаловали тут тебя. Надо будет после всех этих мероприятий заняться твоим воспитанием. Тем более, если я подтверждаю свой статус, это можно будет делать на законном основании. Ну, там видно будет, а сейчас надо ее как-то успокоить.

- Ладно, Волеслава, извини - немного нетрезв, вот и наговорил лишнего, - примиряющим тоном выдал я.

- Мужчина, а тем более посланец богов, должен контролировать свой язык в любом состоянии, или однажды может его лишиться. Вместе с головой, - отчеканила жрица.

С этим трудно было не согласиться.

- Постараюсь воспользоваться твоим советом,

Валька, похоже, чуть остыла. Подозрительно глянула на меня - не издеваюсь ли? Я смотрел в ее глаза с искренним, пусть и слегка хмельным, раскаянием.

- Хорошо, - уже почти спокойно сказала она. - Я пришла спросить, что делать с врангом, которого ты, почему-то не убил. Хотя и должен был.

- Кому это я здесь что-то должен?

Терпеть не могу, когда меня пытаются заставить делать то, что делать не хочу, тем более убивать человека.

Валентина, кажется, слегка смутилась, но, все же, продолжала гнуть свое.

- Пророчество говорит о четырех испытаниях, которые должен пройти посланник, чтобы доказать свою истинность. И в первом он должен убить мечом противника в поединке. Убить, - выделила она последнее слово.

- Посланник богов лучше знает, что ему делать с побежденным противником, - отрезал

я. - Кстати, где он, сейчас, и как у него с головой?

- С головой все в порядке, - криво усмехнулась Валька. - Это же варанг, а они всегда крепки на голову. Один, говорят, на спор пробил головой ворота вражеского города вместо тарана. Так, что своим ударом ты его просто погладил. А сейчас сидит в порубе. Ждет казни - он же приговорен, а с задачей убить тебя, не справился.

- И за что его приговорили?

- Был повязан дружинниками во время грабежа веси, неподалеку отсюда. Грабил, конечно, не один - со своим хирдом. Но всех, кроме него побили.

- Понятно, - протянул я. Не столь уж и великое преступление по средневековым меркам. Да и работа у него такая. - Пусть сидит, где сидит. Когда пройду испытания, напомни о нем.

- Кстати, - вспомнил, заинтересовавший меня во время поединка момент, - все варанги так, хорошо говорят по-русски?

- По.... Что? - явно не поняла меня Валентина.

- Ну, я хотел сказать, по-славски, в смысле, на славском языке?

Валька опять меня не поняла.

- Что значит - славский язык? Язык, он и есть - язык.

Теперь ее не понял я.

- Ну, как же. Славы говорят на славском языке. Варанги должны говорить на языке варангов. Румийцы - на румийском.

- С чего бы это? - изумилась жрица. - Язык он один на всех.

- Ты хочешь сказать, что все народы говорят на одном языке? - теперь пришел черед изумляться мне. - Одинаковыми словами?

- Ну, есть, конечно, разница. У морских народов есть слова, которых нет, допустим, у жителей пустыни, потому что у них нет таких предметов, или понятий и наоборот. Но основные слова звучат одинаково. А что, в Ирии и этого не знают? - в голосе Вальки снова зазвучало плохо скрытое сомнение в моей сущности.

- В Ирии, наверное, знают, - пробормотал я. - Вот, только мне об этом сообщить забыли.

Дурдом, какой-то, а не мир. Или, все же бред умирающего мозга? Что-то, только, долго помирает. Ну да я не в претензии.

- Вы позволите мне уйти, господин? - с показным смирением склонила голову Валентина.

- Да, конечно.... - буркнул я.

- Не увлекайтесь вином и ложитесь спать пораньше, - посоветовала она на прощание. - Завтра опять тяжелый день.

- Кстати, в чем будет заключаться завтрашнее испытание? - задал, волнующий меня вопрос.

Валентина, уже открывавшая дверь, обернулась, многообещающе усмехнулась и ответила:

- Завтра и увидите.

Вот ведь зараза! Впрочем, другого ответа от нее и не ожидал. Спросил так, на всякий случай - вдруг проговорится. Я повернулся, к сидевшему по стойке 'смирно' во время нашего разговора Туробой и пожаловался:

- Не говорит. А ведь знал бы, что будет - смог бы подготовиться. Хотя бы морально. И ты сказать ничего не можешь. Писать, наверное, тоже не обучен?

Богатырь сожаляющее развел руками. Ну да, откуда деревенскому парню знать грамоту. Даже если бы знал, не факт, что пишут они здесь кириллицей. Впрочем, если и ей - не удивлюсь. Может даже с соблюдением всех правил современной мне русской грамматики. Кстати, до сих пор не видел здесь никакой писанины. Письменность-то у них есть, вообще? Ладно, посмотрим.

Так, пить расхотелось. Есть - тоже. Спать, вроде рановато - солнце в самом зените. Полдень, судя по всему.

- А не пойти ли нам прогуляться? - предложил я своему молчаливому другу.

Туробой с готовностью встал из-за стола.

Гуляли долго - часа три. Вернулись домой. Ужинать пока не хотелось - обед еще не переварили. Хмель, правда, почти выветрился. По зрелому размышлению, решили не добавлять - Валька правильно сказала: завтра день тяжелый. Впрочем, как и послезавтра и послепосле.... До темноты времени было еще много, и у меня возникла идея проверить - сохранилась ли у меня еще способность к владению мечом. Я спросил у Туробоя, может ли он составить мне пару в учебном поединке. Тот кивнул и поманил меня за собой. Вышли на ту же площадь перед храмом. По пути мой телохранитель зашел в какую-то кладовку в цоколе храма и вышел оттуда с мечом в ножнах. Свой я, понятно, захватил с собой.

Обнажили мечи. Сошлись. Ура! Все навыки сохранились. Туробой, кстати, владел мечом очень прилично. Намного лучше побежденного мной варанга. Но, все же, без ложной скромности, послабее меня. Бились в полную силу, но аккуратно, чтобы не поранить друг друга. С потом выходили остатки хмеля. Исчезла тяжесть от переедания. Меня опять охватило чувство восторга и всемогущества. Меч в моих руках пел песню боя. Удар, уклон, отбив, укол - хорошо! Чувство времени было потеряно. Остановился я, поняв, что мой телохранитель совсем выдохся - тяжеловат, все же. Или я взял слишком высокий темп. Сам, кстати, только чуть запыхался. Что это - хорошая, по сравнению с Туробоем, физическая форма, или тоже проявление помощи богов? Что-то подсказывало, что последнее - даже в лучшие времена не был таким резвым.

Мой друг-слуга тяжело отпыхиваясь, подошел и одобрительно хлопнул по плечу. Было в этом жесте одобрение и признание моего превосходства. Пошли к колодцу, находящемуся во дворе храма. Умылись ледяной водой, сливая друг другу из громадной деревянной бадьи и довольно поухивая. Потом поужинали, так же вдвоем, за одним столом и я, по настоянию Туробоя, еще засветло завалился спать.

Разбудил меня он же, опять с самого ранья, аккуратно тряхнув за плечо. Проснулся я, так же, как вчера - сразу, без раскочки. Вскочил с кровати бодрый, полный сил и готовый к дальнейшим подвигам. Привычно, с удовольствием проделал разминочный комплекс. Одежда, потянулся к мечу. Туробой сделал жест отрицания. Понятно, сегодня рубки не будет. Ну да - сегодня испытание воздухом. Кажется, его обещала Валька. С сожалением повесил меч на стенку, на заботливо вбитые еще три дня назад моим другом деревянные колышки.

Вышли на балкон. На этот раз площадь была безлюдна. Абсолютно. Видно, весь народ ждет где-то в другом месте. Надеюсь недалеко. Туробой свернул налево, обходя храм и направляясь по улочке, ведущей к небольшим воротцам, или, скорее, калитке, открывающей проход к тому самому обрывистому склону холма, с впечатлившей меня еще три дня назад, пропастью. Как-то мне сразу не понравилось, выбранное Туробоем направление. А при подходе к калитке я услышал шум толпы, а потом и увидел ее, собравшуюся компактной массой, у края этой самой пропасти. Испытание воздухом, говорите. Я, как-то сразу догадался, в чем оно будет заключаться, и резко ослаб в ногах.

Друг мой, эмпат чертов, шедший немного впереди, опять просек мое смятение. Остановился, дождался, когда я походкой парализованного догоню его, пропустил вперед. Потом схватил своими ручищами за плечи и резко, до кляцанья зубами, встряхнул. Как ни странно, немного помогло. Ноги, во всяком случае, подгибаться перестали. Хорошим тычком в спину, Туробой направил меня вперед. Ну да - волочить к месту испытания посланника богов, еле переставляющего от страха ноги, та была бы еще картинка. Я, все же, как-то сумел собраться, абстрагировавшись от того, что меня ждет и, сосредоточившись на том, чтобы ступить более или менее нормальным шагом. Так добрались до толпы, которая так же, как вчера послушно расступилась, освобождая коридор, ведущий к площадке на краю пропасти, очищенной от дерна и земли, так, что обнажился белоснежный известняк. В прошлое посещение я видел эту площадку, но, как-то не обратил на нее особого внимания. По дальнему от пропасти краю площадки уже были расставлены все те же, что и вчера, скамейки с сидящей на них все той же публикой. Здесь же стояла редкая цепочка воинов.

На ватных ногах я добрался до середины площадки. Здесь уже ждала Валентина. Она опять разразилась длинной речью, смысла которой уловить я был не в состоянии. Стоял рядом в полном оцепенении и боялся даже смотреть в сторону пропасти. Речь свою Валька закончила каким-то обращением ко мне. Обращением, смысл которого до меня дошел смутно. Но, кажется, она предлагала мне добровольно прогуляться до края пропасти и самому

шагнуть вниз. А потом воспарить - это я, скорее, догадался. Отчаянно замотал головой: сделать это добровольно - нет уж, пусть лучше прикончат на месте. Валька поступила проще. Она кивнула воинам из оцепления. Похоже, такое развитие ситуации предвиделось. От цепочки отделилось четыре дружинника, подошли ко мне со спины и крепко ухватили за плечи - по двое за каждое. Что б уж наверняка не вырвался. Валька махнула рукой в сторону пропасти и эти четверо здоровенных жлобов потащили меня к краю обрыва. Пара секунд и я уже на краю, а под моими ногами разверзлась бездна. Дыхание остановилось. В голове запоздало ворохнулся 'я-второй'. Мысленно послал его по известному адресу. Потом последовал сильный толчок в спину и жуткое, знакомое по ночным кошмарам, чувство падения. Сердце, остановилось вслед за дыханием.

Пал я лицом вниз. Дно пропасти, усыпанное здоровенными обломками известняка, стремительно приближалось. К счастью, продолжался этот ужас недолго. Снова, открывшееся в небе светящееся отверстие, хлынувший оттуда радужный поток, впитывающийся в мое тело. Снова остановилось время и остановилось мое падение. Я завис на полпути ко дну пропасти, словно подвешенный на невидимом канате, впитывая радужные струи. Опять продолжалось все это недолго - буквально секунды. А потом, к моему ужасу, падение возобновилось. Черт!!! Взмолился богам на этот раз не успел, поняв, что характер падения как-то изменился. Я продолжал падать, но немного не в ту сторону. То есть, я падал уже не на дно, а параллельно ему. Подо мной мелькали обломки, лежащие на дне пропасти, потом пронесся берег реки, сама река, заливной луг за рекой. Позвольте, кажется, это называется уже не падением, а как-то по-другому. Господи! Я же лечу!!! Не низковато? Впереди маячит холм, который я могу зацепить, если останусь на той же высоте. Как-то надо приподняться. А как? Оказалось очень просто. Нужно было просто захотеть. Я захотел и взмыл вверх. А если еще выше? Пожалуйста! А еще? Я взмыл в небо свечой. А скорость прибавить? Рот и нос забил поток, внезапно уплотнившегося воздуха. Скорость возросла в разы. Я пробил слой жиденьких облаков и продолжил набор высоты. Дикий ужас, владевший мной еще минуту назад, сменился таким же диким восторгом. Прекратив подъем, и чуть убавив скорость, изобразил несколько фигур из высшего пилотажа, как их помнил, разведя, для пущего эффекта руки, изображая ими крылья.

Уф! Хорошо-то как! Перешел в пике и нырнул под облака. Так, где тут у нас что? Ага, вот извилистая лента реки, а вон там, подальше, высокий холм с таким знакомым городком на макушке. Вон обрыв, совсем низеньким теперь кажется. На краю его кучкуется толпа людей-мурашей. У-у-у, паразиты! А если бы не сработало?

Кстати, а что теперь мне мешает улететь от всех от них куда подальше? Куда? Да хоть к тем же румийцам! Попросить у них, типа, политическое убежище! А то, что эти чертовы славы придумают на следующих двух испытаниях? Вряд ли, что-то менее смертоносное. А если с помощью богов выйдет осечка? Как тогда? Я покрутил в голове эту идею. А как же Андрюха? Что-то подсказывало, что без помощи верховного жреца, о котором тогда говорила Валька, вряд ли смогу его найти. Опять же, кто сказал, что румийцы окажутся более гуманными. А тут уже имеется друг в лице Туробоя. А, если пройду испытания, целый народ будет боготворить меня, и готов будет идти за мной куда угодно. Надо же, тщеславие, оказывается мне не чуждо. Ладно, остаюсь! Но проучить этот самый народ, все же, немного стоит.

Я перешел в пологое пике, держа направление на толпу. Прибавил скорости. Картинка, с быстро увеличивающимися людьми понеслась навстречу. В лицо вновь ударили плотные струи воздуха. Полминуты и толпа почти подо мной. Увеличиваю угол пике и направляюсь в центр толпы. Над самыми головами резко выхожу на горизонталь. Вижу разбегающийся народ. Несколько человек попадали. Злобно ухмыляюсь - поделом! Закладываю вираж, разворачиваюсь, снижаю скорость и захожу на посадку со стороны пропасти, чтобы эффектно приземлиться на середину площадки.

М-да, все же лихачество до добра не доводит. Конец моего сольного выступления получился смазанным. Немного недограссчитал скорость. С землей-то я соприкоснулся в центре площадки, но скорость оказалась велика и я, еле успевая переставлять ноги, понесся прямо на скамейки випперсонами. От полного позора спас Туробой. Чутье и реакция у человека, все же, феноменальные. Друг-телохранитель успел выскочить мне навстречу и

принял в свои медвежьи объятия, погасив набранную скорость. По-моему, он даже не пошатнулся. Тут же отстранился, одернул на мне рубаху и снова исчез в толпе. Я согнулся, уперевшись руками в колени и переводя дыхание. Да, ребята, с вами никакого здоровья не хватит. Не боитесь уморить посланника?

Ко мне подошла Валентина. Видно было, что полет мой произвел на нее впечатление: глаза, как площадки, губы подрагивают, сама бледнеющая. Однако справилась с собой. Опять толкнула речь с благодарностью богам, пусть и слегка дрожащим голосом. Ну да окружающие, наверное, тоже находились под впечатлением, и речь прошла 'на ура'. Потом толпа снова подхватила меня на руки и понесла к дому-храму, к накрытому столу.

Глава 10

На этот раз отходняк начал колотить меня сразу, как только мы с Туробоем добрались до моей комнатухи. Согласитесь - не мудрено. Вино не брало, и я спросил у друга-телохранителя, водится ли здесь чего-нибудь покрепче этой кислятины. Туробой понял меня с полуслова. Он исчез, буквально минут на пять. Появился с небольшим изящным кувшином, закрытым плотно притертой крышкой. Я открыл кувшин и понюхал содержимое, плещущее у самых краев. Пахло виноградом и чуть-чуть сивухой. Похоже, виноградная водка! Чудесно! То, что доктор прописал! И я начал целенаправленно надираться. Почти не закусывая. Мой немой друг поддерживал меня чисто символически, желая оставаться в форме, дабы контролировать ситуацию, не зная, как поведет себя подопечный, упившись в зюзю. Зря, кстати, беспокоился - в пьяном виде я исключительно миролюбив.

Литровый, примерно, кувшин уже на половину опустел, когда появилась Валька. Видно, положено так - традиция. Даже замутненным хмелем сознанием, я отметил, что на этот раз почтительность, с которой она опустилась на колено, не наигранная. Ага! Прониклась, паразитка! Это вам не хухры-мухры, а посланник богов, понимаешь!

- Ну, что скажешь? - заплетающимся языком спросил я.

- Пришла поздравить вас с успешно пройденным вторым испытанием, господин, - смирения в голосе норовистой жрицы тоже прибавилось.

Ну да - то ли еще будет! Вот закончу со всей этой бодягой, устрою вам тут в храме веселую жизнь. А то, ишь - хозяина не признают. Посланца, понимаешь, этих.... ну да - в смысле, богов, понимаешь. Будете у меня тут строем ходить и честь отдавать. Ну да, честь. Хи-хи. О-о-ой, что-то я набрался не по детски. Что ж она все на колене-то? Жестко, неудобно.

- Ты вставай, Валюша, - подпустив в голос отеческих ноток (так в моем представлении должен был говорить посланец богов, будущий отец народов), - вставай, неудобно же.

Встала. Не просто встала - вскочила.

- Опять коверкаешь мое имя!

Глазенки сверкают, щеки горят! Понятно - опять гневаться изволим. А что я такого сказал? А - опять Валею обозвал. Ну что я сделаю, если так похожа? То, что пьяный, для нее причина неуважительная. Это она мне еще в прошлый раз сказала. Поди ж ты - помню! Хи-хи. Так, побольше серьезности, надежда славного племени славов!

- Прости, Волеслава, - склонил покаянно голову. - Так звали одну из богинь в Ирии, с которой я был близко знаком, - во, это я здорово сказал.

- Не помню, богини с таким дурацким именем, - отрезала разгневанная жрица.

- Много ты понимаешь в ириевой жизни. В смысле - жизни в Ирии. В общем - понимаешь мало. И-к! Ирий он большой и там этих богинь, как диких обезьян в Бразилии.

Так, что-то меня заносит, даже сквозь пелену хмеля, сообразил я. Эдак, пожалуй, в святотатстве, или богохульстве, каком-нибудь обвинят. Инквизиция тут у них есть, интересно? Озабоченно попытался сфокусировать взгляд на Вальке. Получилось. Моя последняя фраза ее, похоже, не разгневала. Скорее, развеселила. Во всяком случае, она ухмыльнулась и сказала:

- Ложись спать, посланник. К утру, глядишь, будешь как раз в форме.

Она подошла к столу, безошибочно из всех емкостей выбрала кувшинчик с водкой, открыла крышку, понюхала, поморщилась. Укоризненно посмотрела на Туробоя. Тот

виновато пожал плечами.

- Ладно, может и правильно - день был тяжелым, - негромко изрекла Валентина и, прихватив кувшинчик, вышла вон.

- Почему прекратили банкет? Я требую продолжения банкета, - для прикола, который некому было оценить, пробурчал я.

А на предмет поспать, кажется, действительно созрел. Ладно, спать, так спать.

На этот раз проснулся сам. Еще затемно. Спать больше не мог - уперлось. Ну, правильно - лег в полдень, а сейчас раннее-раннее утро: за окном темнота только начала меняться предрассветными сумерками. Спал часов четырнадцать-пятнадцать. Сел на кровати. Голова побаливала, но не так, как ожидалось. Очищают, похоже, они зелье, которое вчера потреблял. Со стола все было прибрано. Стояло только два кувшина, покрытых крышками. Так, в одном рассол - живем! Туробой позаботился, не иначе. Во втором, что-то кисленькое, вроде клюквенного морса. Тоже замечательно. Употребил по очереди оба напитка. Прислушался к ощущениям в организме. Заметно полегчало. Прошлепал до выхода, открыл дверь в коридор. Под дверью на овчине спал мой телохранитель. Ну, это не дело! Надо будет позаботиться о бытовых условиях Туробоя. Спящий телохранитель, подскочил на своем жестком ложе - видно услышал скрип двери, узнал меня, поднялся на ноги и поклонился.

- Извини, брат, разбудил, - покался я. - Ты спи, рано еще.

Туробой помотал головой, сбегал в соседнее помещение и вернулся с полотенцем. Пошли к колодцу. Там умылись, сливая друг другу из бадьи. Вернулись в горницу. За время умывания младшие жрицы подсутились и уже накрыли завтрак. Обормот - не дал выспаться девчонкам. Позавтракали холодной бужениной с зеленью и свежим, похоже, утренней выпечки хлебом. Вышли на балкон, уселись на его перильцах, свесив ноги на улицу. Больше заняться было нечем. Разве, что готовиться к третьему испытанию. А чего к нему готовится? И как? Тренироваться дыхание задерживать? Вряд ли поможет. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что на испытании водой меня будут просто и незатейливо топить, по аналогии с испытанием воздухом. И вряд ли будут держать под водой меньше полутора-двух минут, на которые я могу дыхание задерживать. Будут держать долго, чтобы с гарантией понять, помогли мне боги, или как. Но, по поводу воды, я, почему-то волновался мало - почти родная стихия, как-никак. Вот завтрашнее испытание огнем напрягало. Завтра, надо полагать, меня будут жечь, а это, должно быть, неприятно. И придет ли эта странная помощь богов вовремя? И, вообще, что это за хрень? Впервые на трезвую голову, я обдумал эту мою связь с богами, или с чем там, на самом деле? Что на трезвую, что на пьяную голову, результат был тот же - хрен его знает. Ладно, видно, здешнюю мою жизнь надо принимать, как данность и не заморачиваться, иначе свихнуться недолго. Так, пока и решим.

Теперь, надо как-то убить время до испытания, чтобы не сойти с ума от ожидания. Кстати, как с моей способностью к полетам? Ведь умение владеть мечом сохранилось. Почему бы не сохраниться и этому полезному свойству? Надо проверить. Я попытался привести себя в то состояние, в котором находился во время полета. Не получилось. Ничего даже близкого. Может, полететь можно только во время падения? Как те стрижи с короткими лапками, которые с земли не могут взлетать совсем, только с высоты в падении. Надо попробовать. Сколько тут с балкона до земли? Метра три? Ну что, прыгаю? Ноги бы не поломать - внизу булыжная мостовая. Так, сомнения в сторону - вперед! Я прыгнул. Короткий полет, к сожалению, только по вертикали и чувствительный удар ногами о булыжник площади. На ногах удержался и, вроде, ничего не повредил. Хорошо, хоть так. Вот только полет не получился. Может, нужна реальная угроза жизни? Как вчера, когда меня спихнули с обрыва? Проверить можно только одним путем. А именно, самому махнуть в пропасть. Вот только, что-то сейчас не хочется. Как-нибудь в другой раз. Обойдемся пока без полетов. Сзади раздался шум падения чего-то тяжелого. Я обернулся. Это вслед за мной сиганул с балкона Туробой. Технично прыгнул, судя по всему. Молодец - просто кладезь талантов. Хорошая подготовка у мужика.

А как тут обстоят дела с рукопашным боем? Тут же задал этот вопрос Туробою. Он не сразу понял, о чем речь, но потом разобрался и кивнул - мол, есть такое дело. На мой следующий вопрос, владеет ли он сим благородным искусством, мой телохранитель опять кивнул. Правда, несколько пренебрежительно. Я воспылил энтузиазмом и предложил ему

поспарринговаться прямо сейчас. Туробой с сомнением посмотрел на меня, хмыкнул и покачал головой. Понятно - весовые категории у нас отличались очень сильно. Но я был настойчив. Богатырь, наконец, неохотно кивнул, видно, решив, что постарается помять меня не сильно.

- Начали, - скомандовал я и закружил вокруг человека-горы.

Стойка того была похожа на боксерскую - руки, сжатые в кулаки, одна защищает лицо, вторая - солнечное сплетение. Поворачивался мой друг, вроде бы не спеша, но за мной вполне успевал. Ну и как к такому кабану подступиться? А если правой ногой сбоку в левое колено - стоял Туробой в левосторонней стойке. Ап! Ушел. И быстро. Шустрый малый, несмотря на солидную комплекцию. Маваши в левое бедро. Отбил в легкую.левой рукой. Ну, а йоко-гери в солнечное сплетение! Ушел с поворотом и отбивом. Еще и гнусно усмехнулся. Ну да - вполне мог бы контратаковать: я слегка подставился, умышленно, правда. Неужели разгадал? Эмпат - он и есть эмпат. Ах, так! А мы вот так! Я взвился в высоком прыжке - благо в теле легкость была необыкновенная - видно, все еще действовало благословение богов, и нанес прямой, целясь пяткой в лоб. Туробой сбил меня с траектории легкой отмашкой левой руки. Я грохнулся наземь, перекатом ушел вправо и тут же метнулся влево, уходя противнику за спину и подбивая его правое колено. Получилось! Гигант пошатнулся, потеряв на миг равновесие. Этого для меня было достаточно - мощный удар-толчок левой рукой, усиленной правой в спину и Туробой грохнулся ничком. Ну, грохнулся - это я сильно сказал. Упал он довольно мягко, на руки, перекатился и тут же вскочил, поворачиваясь ко мне лицом, в готовности продолжить поединок. Выглядел мой телохранитель весьма удивленным - видно нечасто его сбивали с ног.

- Все! Хорош! - решил я закончить схватку с перевесом в свою пользу. - Молодец, можешь!

Туробой понимающе усмехнулся, раскусив мою маленькую хитрость. Оттряхнул от пыли штаны и махнул рукой в сторону колодца. Ну да - водные процедуры были необходимы: несмотря на скоротечность схватки, мы успели вспотеть. А при падении - вывалиться в пыли. Умылись, отряхнулись. За всеми этими занятиями не заметили, как взошло солнце. Так, скоро начнется. То ли от предвкушения предстоящего испытания, то ли от холодной колодезной воды, по спине пробежал озноб. Невольно передернул плечами. Туробой, ободряюще похлопал меня по плечу. На душе чуть потеплело. Присели на лавочке возле входа в храм в ожидании дальнейшего развития событий.

Заскучать не успели - на дальнем конце площади показалась Валька. Она что - совсем не ложилась? Ну да - организовать же все надо. Интересно, народ на зрелище уже собрался? Судя по тому, что никто на представление, устроенное мной и Туробоем не таращился, все уже занимают места в зрительном зале. Значит, скоро начнется. Я не ошибся. Валька прямым ходом направилась к нам.

- Уже встали, господин, - слегка поклонившись, спросила она.

Вопрос, не требующий ответа, помнится, называется риторическим. Потому я не затруднил себя даже кивком.

- Позавтракали? - проявила заботу Валька.

- Да, спасибо, - решил я все же проявить вежливость. И поинтересовался:

- Что, уже пора?

- Да, можно идти. Все собрались, - словно извиняясь, ответила жрица.

- Ну, идти, так идти.

Ох, неохота-то как! А придется. Закряхтев, как старый дед, тяжело поднялся со скамейки и двинулся вслед за указывающей путь Валентиной. За мной пристроился мой молчаливый телохранитель. Шли вниз по главной улице в сторону больших ворот, прошли через них. Толпу я увидел еще, когда мы шли по городу - благо панорама окрестностей сверху открывалась замечательная. Народ на этот раз собрался вокруг священного колодца. У меня засосало под ложечкой - а там ведь глубоко. Ох, грехи мои тяжкие! За что все это на меня свалилось! Может уже пора молиться богам? А то они все с каким-то запаздыванием срабатывают. Никакого здоровья, ведь, не хватит. Пока я предавался этим невеселым мыслям, мы добрались до колодца.

Ситуация снова повторилась: расступающаяся толпа, образующая проход к площадке у

края колодца, скамейки, с уже рассеянными випперсонами, оцепление из дружинников. Снова мы с Валькой оказались в центре свободной от публики площадки, и снова она разразилась длинной, но пламенной речью. Я не вслушивался - нервы, знаете. Хотя и предполагал, что меня ждет, но.... Наконец жрица закончила говорильню, и началось, собственно, действо. Трое крепких мужичков подскочили ко мне. Один завел мне руки назад и начал их сноровисто вязать. Двое других навесили на грудь и спину по здоровому, каменному кругу с дыркой посредине. Жернова, что ли? Веревками накрепко привязали их ко мне. Понятно - балласт, чтобы посланнику не пришлось в голову поплавать, вопреки воле богов. Потом обвязали подмышками веревкой, и повели к обрывистому краю колодца. Там торчало какое-то сооружение, навроде короткого и массивного колодезного журавля с деревянным блоком на задранном вверх конце. Конец веревки, к которой меня привязали, был перекинут через этот блок. Трое мужичков, обслуживающих меня, ухватились за этот конец и выбрали слабинку. Веревка натянулась, подтащив меня под блок. Один из мужиков ухватил нижний край торчащего бревна и повернул его так, что конец с привязанным мной оказался над провалом этого чертова сенота. Оказавшись в воздухе, я невольно взбрыкнул свободными ногами. Со стороны это выглядело, должно быть, не слишком героически и вызвало в толпе нездоровое оживление. Мужики начали травить веревку, и я поехал вниз, к поблескивающему в десяти метрах подо мной водному зеркалу. Спускался недолго. Секунд через десять с всплеском погрузился в воду. Пока спускался до воды, усиленно вентилировал легкие, хотя вряд ли это помогло бы. Без вмешательства той неведомой силы, которая спасала меня до сих пор, местный народец точно устроит мне утопление котенка в ведерке. В облаке пузырей я быстро погружался на дно. Слишком быстро - на уши давило, а продуваться без зажимания носа, я не привык. Начал делать глотательные движения, но помогало слабо - слишком быстрое погружение. К счастью, каменистое дно находилось на глубине метров семи - все же стенка колодца была совсем рядом. Ткнувшись в дно ногами, не удержался - вес мой с привязанными жерновами, был, все же немал - и мягко плюхнулся на пятую точку. Решил не дергаться и в таком положении ждать продолжения развития событий. Вода была очень прозрачной, но без маски перед глазами все расплывалось, и рассмотреть толком окружающее было невозможно. Последние пузырьки воздуха, застрявшие в одежде, щекоча кожу, весело взмыли вверх, к блестящей амальгамой поверхности. Я постарался максимально расслабиться, успокаивая сердцебиение: реже удары сердца - на дольше хватит воздуха. Ну и как теперь мне будут помогать боги? Одарят способностью дышать водой? Или вообще не испытывать потребности дышать. Однако пора бы им уже хоть что-то предпринять - в голове начало шуметь, а в глазах темнеть. Относительное спокойствие, владевшее мной до сих пор, сменилось тревогой, быстро переходящей в панику. Опять дало знать о себе мое альтер эго. Не смотря на смятенные чувства, загнал его поглубже.

Радужный поток появился, когда я был на грани потери сознания. Как только исчез поток, исчезла вода, окружающая меня, лезущая в уши, рот и ноздри. Не пытаюсь анализировать происходящее, судорожно вдохнул. Ура! В легкие хлынул воздух. Открыл глаза, которые зажмурил при появлении радужного потока и осмотрелся. Интересно девки пляшут.... Меня окружал воздушный кокон, или, если хотите, пузырь. Стенки его были прозрачны, и теперь я мог четко видеть подводный пейзаж. Стенки слегка колебались, то ли от движения воды, то ли, от имевших место быть, моих судорожных дерганий конечностями. Восстановив дыхание, я решил немного поэкспериментировать. С некоторым трудом - жернова, привязанные на торс, весили, все же, прилично - оторвал зад от каменистого дна и поднялся на ноги. Пузырь послушно вытянулся в высоту, сохраняя между головой и верхней стенкой пространство, сантиметров тридцать. Я сделал несколько шагов, выбирая место на дне поровнее - все оно было усыпано обломками известняка, поросшими тиной. Идти было тяжеловато - связанные руки, немалый груз на плечах, неровное дно. Пузырь послушно следовал за мной. Я выбрал обломок покрупнее и аккуратно присел на него. Ну что, ждем-с, когда верхним людям надоест держать меня здесь на дне? Желательно, чтобы не затягивали - как-то тут не жарко. Ну да - семь метров глубины, да подток холодной воды из того подземного тоннеля, из которого я сюда выбрался. По ощущениям не более десяти градусов. Плюс, намокшая одежда. Минут через пять начало знобить до перестука зубов. Были бы свободны руки, подергал бы за, связывающую меня с поверхностью, веревку, чтобы

поторопить. Сколько я уже здесь? Минут десять, не меньше. Они что думают, что я Ихтиандр? Любому человеку и пяти минут захлебнуться хватило бы. Перестраховщики, черт бы их взял. Испытание водой, все-таки, а не холодом. Прошло еще минут пять. От озноба я уже начал подпрыгивать на своем камушке. И только на следующей пятиминутке веревка натянулась и потащила меня наверх.

Пузырь, поднявшийся, было, вместе со мной до половины над поверхностью воды, довольно громко лопнул. По ушам ощутимо ударило перепадом давления. Неприятно. Тем временем, меня подтянули к краю священного колодца, повернули 'нос' журавля, так, что я оказался над площадкой, и опустили на землю. Мужички, обслуживающие журавля, споро подбежали, срезали импровизированные грузила и разрезали веревки на руках. Делали все это они, косясь на меня с восторгом и изрядной долей ужаса в глазах. Руки от холода и веревок онемели и я, тряхнув кистями, засунул их подмышки.

Подскочила Валька и снова разразилась благодарственной речью минут на десять. Я в это время с наслаждением впитывал в себя благодатные солнечные лучи. Дрожь, впрочем, никак не унималась, и выглядел я, должно быть, довольно жалко: скорчившийся, трясущийся, в мокрой одежде. Впрочем, может я сгустил краски, потому что толпа, после окончания Валькиной речи, с уже привычным энтузиазмом, подхватила меня на руки и поволокла в город к месту моего обитания, к накрытому столу.

Глава 11

На этот раз Валька сама принесла заветный кувшинчик с притертой пробкой и согревающим содержимым, сразу, как только мы с Туробоем уселись за праздничный стол. Как обычно, встала на колено, склонила голову и поздравила с успешно пройденным испытанием. Кувшинчик, который она держала в левой руке, я засек сразу и кивнул Туробоем. Мой телохранитель, все, поняв, поднялся из-за стола, подскочил к коленопреклоненной Валентине и аккуратненько изъясил у нее заветный сосуд. К некоторому моему разочарованию емкость была наполнена только на треть. Ну да ладно, друг мой все равно почти не пьет, а мне, чтобы согреться хватит и этих жалких трехсот-четырёхсот грамм, плещущихся в кувшине.

В общем, наелся я быстро. Набрался еще быстрее и, так же как и вчера завалился спать. Проснулся опять довольно рано, с восходом солнца. Туробоем уже не спал и как только я заворочался в кровати, собираясь подниматься, зашел в горницу с полотенцем, накинутым на руку. Что ж, умываться, так умываться. Умылись у колодца, позавтракали и стали ждать Вальку, опять на лавочке у храма. Жрица появилась, как и вчера, на дальнем краю площади. Ждать, когда она подойдет, не стали, поднялись и двинули ей навстречу. Встретились посередине площади. Валька опять попыталась опуститься на колено (почтительности ко мне день ото дня в ней прибавлялось, что не могло не радовать), но я предложил не разводить церемонии и перейти сразу к делу. Как говорится, раньше сядешь, раньше выйдешь.

Валентина кивнула и двинулась к выходу из городка. К той же, что и вчера главной калитке. И опять толпу я увидел издали. Народ сгрудился, на этот раз, неподалеку от священного колодца, там, где дорога расширялась в подобие площади. Посередине толпы уже была свободная от людей площадка, оцепленная воинами. В центре этой площадки возвышалось какое-то непонятное сооружение.

Только добравшись до толпы, миновав ее, и приблизившись почти вплотную, я понял, что это такое. Сооружение представляло собой бревенчатый сруб полтора на полтора метра и высотой около двух с половиной. Он был доверху обложен дровами и хворостом. С боку - короткая приставная лесенка. Хворост и дрова, говорите.... Я, конечно, ожидал чего-то такого, но под ложечкой, все равно, неприятно засосало. Понятно - будут жечь бедного посланца богов. То бишь меня. Кажется, именно так, в срубе, сожгли в семнадцатом веке протопопа Аввакума - известного противника церковной реформы. Типично русский способ сожжения, что ли? Или у славян этот способ известен издревле, судя по тому, что я здесь вижу? Западная инквизиция, насколько помню, обходилась костром со столбом в центре. Кстати, сожжение в срубе, по логике, должно быть гуманнее: сжигаемый должен задохнуться от скопившегося внутри дыма, раньше, чем его всерьез начнет припекать пламенем. Это утешает. Но не

сильно.

Мы с Валентиной остановились рядом с лесенкой, при помощи которой я, надо полагать, должен был забраться внутрь будущего огненного колодца. Валентина задвинула очередную речь, которую не слушал совсем, одно и то же каждый раз - неинтересно. Как только она замолчала, я, почти не дрожа, вскарабкался по лестнице и спрыгнул внутрь сруба. Здесь пахло свежеструганным деревом и смолой. Снаружи послышался топот нескольких ног, который затих рядом с моим костром. Минута, другая и послышалось потрескивание, с которым, обычно, огонь пожирает сухой хворост. Снова раздался топот. Теперь удаляющийся. Еще через минуту в щели между бревнами потекли струйки дыма. В горле запершило. Я кашлянул. Потом еще раз. Количество дыма прибывало. Кашель сделался непрерывным, выворачивающим внутренности. Кто сказал, что смерть от дыма менее мучительна, чем от огня? Сюда этого уroda! 'Я-второй' бился в голове, пытаюсь выбраться наружу. Удерживать его внутри становилось все сложнее.

Радужный поток, на этот раз, я видел только внутренним зрением - глаза, выедаемые дымом, заливали слезы. Но почувствовал. Всей кожей и потрохами. Еще мгновение и дым исчез. Воздух стал свежим и, кажется, даже прохладным, словно пропущенным сквозь кондиционер. Протерев глаза от слез, огляделся. Внутренность сруба была заполнена густым дымом. Густым настолько, что почти не видны были его стенки, находящиеся всего-то сантиметрах в пятидесяти от меня. Снаружи слышался все усиливающийся треск, переходящий в гул, характерный для большого огня. И как меня спасают на этот раз? Присмотрелся, к окружающему меня, внешнему миру. Оказывается я, как и вчера под водой, был окружен оболочкой чистого воздуха. Только в этот раз она была намного тоньше. Не пузырь, а именно оболочка, обволакивающая тонким, сантиметров пять-шесть, слоем все тело. Какое-то силовое поле? Черт его знает! Дым не пропускает, воздухом, каким-то образом, снабжает. Защитит ли от огня? Должно. А как иначе?

Гул снаружи все усиливался, бревна сруба начали потрескивать - видно тоже занялись. Температура внутри, должно быть, уже немаленькая. Я, тем не менее, никакого дискомфорта не ощущал: было вполне прохладно и дышалось легко. Минуту спустя через почерневшие и расширяющиеся на глазах щели между бревнами начали прорываться язычки пламени. А ведь рано или поздно вся эта двухслишниметровая куча бревен прогорит и рухнет. На меня. Интересно - задавит, не задавит? Посмотрим. Еще пять минут, и я уже стоял в огненной клетке, в которую превратился сруб. Прогоревшие почти на половину бревна, были охвачены огнем уже и изнутри. Через расширившиеся щели между ними, сквозь огненное марево, можно было видеть, застывшую в молчании толпу вокруг костра. Пламя лизало мою невидимую оболочку, струилось по ней, не причиняя никакого вреда. Еще пять минут и сруб начал разваливаться. Вначале просело бревно где-то в основании сооружения. Сруб хрустнул и покосился. Верхний венец не удержался и съехал вниз. К счастью, наружу. Еще через минуту прогорели сразу два нижних венца. Сруб перекосился еще больше, и с его верхней части съехало еще несколько почерневших, пылающих бревен. Пожалуй, дальше ждать не стоило. Бревнышки сгорели основательно, дай Бог четверть толщины осталось, почернели, потрескались. Скорее, головешки, а не бревна. Можно попробовать пробить. А что, ломал я, в свое время, полуторадоймовые доски. Так, решено - выбиваю ногой стенку перед собой и пробую выскочить. Сказано - сделано! Удар пяткой вперед! Результат превзошел все ожидания! Остатки сруба разлетелись в стороны, как при небольшом взрыве. Буквально по бревнышку. Похоже, такой эффект произвело, окружающее меня, силовое поле. При ударе, что ли, такое происходит? К счастью, бревна улетели не слишком далеко и, вроде бы, никого из окружающей публики не задели.

И так, завершение испытания получилось весьма эффектным. Я гордо стоял посредине огромного догорающего костра, облизываемый языками пламени. По толпе прошло какое-то движение. Видно сквозь огонь было плоховато, но, присмотревшись, понял, что народ опустил на колени. Я сделал несколько шагов, выбираясь из кострища, и оказался прямо перед скамейками для випперсон. На них, устроенные мной спецэффекты, тоже произвели впечатление. На колени они не встали - видно не приучены были, но со скамеек своих вскочили и тарасились на меня с благоговейным ужасом. Сделал в их сторону еще несколько шагов и, подняв глаза к небесам, вскинул вверх руки - типа, благодарность богам. Местные

боссы один за другим начали опускаться на одно колено и склонять головы. Как это делала Валька при официальном общении со мной. Ага, пробрало и вас! Я опустил руки и огляделся. Стоящие на коленях и смотрящие с обожанием, люди, мертвая тишина, нарушаемая только треском догорающего костра, мурашки невыразимого восторга и облегчения, бегающие по телу. Кажется, я теперь понимаю, что чувствовали боги древности при явлении своего божественного тела восторженной пастве. Этак можно и вознестись до невменяемости. В таких случаях помогает здоровый цинизм.

Однако народ стоит на коленях и, явно, чего-то от меня ждет. М-да, похоже, без речи не обойтись. А я, как-то не спец в этих делах. Ну, никакого опыта произнесения речей перед восторженной толпой - политикой заняться, как-то не сподобился. Ладно, будем импровизировать. Главное - не затягивать, а то запутаюсь. Кратенько, но энергично. Опять вскинул руки к небу и, по максимуму напрягая связки, проорал:

- Радуйся, народ доблестных славов! Посланец богов пришел к вам с небес и поведет вас к победе!

Кажется, получилось немного коротковато. Открыл, было, рот, чтобы еще что-то добавить, но, видно, затянул паузу. Народ решил, что я закончил, восторженно взревел, вскочил на ноги, бросился ко мне и вскинул меня на руки.

Потащили на этот раз, вопреки уже сложившейся традиции, не к моему месту обитания, а к раскинувшемуся у подошвы городского холма, палаточному стану, в котором, на сегодняшний день, народу обитало в несколько раз больше, чем в городке. Во время этого пути мое божественное самоощущение несколько подрастряслось и я снова почувствовал себя почти человеком. Ого! Оказывается на краю палаточного городка, в лощинке были расставлены и уже накрыты столы. Много столов. Рассчитывали, должно быть, на всю кучу съехавшегося народа. И, что характерно, не сомневались, что я пройду это чертово последнее испытание. Мне бы с утра такую уверенность, глядишь, нервы целее бы были.

Сгрузили у главного, как я понял, стола, который стоял на сколоченном из досок помосте. К нему было приставлено десятка полтора довольно удобных на вид кресел. Рассудив, что центральное кресло предназначено для меня, с облегчением плюхнулся в него: ноги начинали подрагивать - отходняк, однако. Туробой, неслышной тенью устроившийся позади меня, светился от счастья и гордости. Стол, покрытый богато вышитой скатертью, буквально ломился от яств. Есть пока не хотелось - завтракали недавно, а вот выпить, чтобы снять стресс, хотелось и очень. Толпа, растекаясь на человеческие ручейки, рассаживалась за столы. Моих будущих соседей пока видно не было. Интересно, если приложусь вон к тому кувшинчику, близнецу тех, в которых мне приносили местную чачу, они не обидятся? Ничего, переживут. Посланник я, в конце концов, или как? Отбросив сомнения, налил хорошую дозу местного антидепрессанта и решительно его употребил. Закусил и предложил присоединиться ко мне Туробою. Тот так решительно замотал головой, что стало ясно - не будет. И уговоры на этот раз бесполезны. М-да, по его понятиям, слуга должен знать свое место. Во всяком случае, на публике. Нужно будет подумать, как приподнять его социальный статус. Ну, не пьет его дело, а мы, пожалуй, повторим, а то, что-то не забирает. Пока занимался этим приятным делом, откуда-то вынырнула Валентина и без особого почтения зашипела на ухо:

- Не увлекайтесь, господин. В ближайшие несколько часов вам нужно быть в форме.

- Спокойно, Валя, спокойно. Все под контролем, - снисходительно похлопал я ее по предплечью и прикусил язык. Опять обозвал девицу не тем именем. И ведь, вроде, почти трезвый.

Возмущаться и блажить на этот раз она не стала. Только поджала губы, посуровела лицом и отошла за спинку моего кресла, пристроившись рядом с моим другом-телохранителем.

Тем временем, от палаточного городка отделилась какая-то процессия, двинувшаяся в нашу сторону. Приближалась она к нам сзади и, чтобы что-то разглядеть, мне пришлось повернуться боком и вывернуть шею. Судя по богатой одежде и толпе вооруженного народа, в качестве сопровождения, это были те самые випперсоны, сидящие во время испытаний на почетных местах. Процессия приблизилась к столу с сидящим мной, во главе. Наверное, нужно было проявить вежливость. Я поднялся с кресла, повернулся к подошедшим лицом и стал ждать развития дальнейших событий.

Так, а поголовье местной знати возросло. Это было заметно сразу. Хотя, в отношении того, что прибавилась знать местная, похоже, я ошибаюсь. Одежда и внешний вид новых персонажей заметно отличались, от уже ставших привычными, одежды и внешности славов. Первой бросилась в глаза колоритная группа явных азиатов-кочевников. Такие печенеги-половцы с широкими скулами, узкими глазами, смуглыми лицами, разодетые, не смотря на жару, в пышные меха. Были они вооружены: в чешуйчатых, вороненых доспехах, с тяжелыми саблями и кривыми кинжалами на поясе, металлическими легкими шлемами на головах. Главным был, сразу видно, молодой, лет двадцати с небольшим парень, одетый побогаче остальных, и держащийся чуть впереди своих людей. Симпатичный малый. Красивый, можно сказать. Своеобразной восточной красотой. Длинные до плеч прямые черные волосы, высокие, пусть и широковатые скулы, прямой нос с тонкими ноздрями, темные усы, обрамляющие верхнюю губу и спускающиеся к волевому подбородку. Опять же, весьма харизматичный товарищ.

Вторую группу представляли типичные викинги, или по-здешнему - варанги. Точь в точь, как я их себе представлял по книгам и фильмам. Кстати, тоже в доспехах и при оружии. У этих во главе так же был довольно молодой парень. Правда, росточком он превосходил руководителя кочевников головы на две. А тот был мужик не мелкий. В плечах и шее тоже весьма объемист. Сопровождающие его викинги, так же отличались хорошим ростом, но и среди них вожак возвышался минимум на полголовы. Был он белобрыс, насколько позволял видеть, глубоко сидящий на голове конический шлем с полумаской. С крупными чертами лица, несколько жидковатыми, еще юношескими, усами и бородкой.

Третью группу, состоящую из уже виденных мной, воинов-славов возглавлял тот самый харизматичный индивидуум, славский, то ли князь, то ли вождь, который присутствовал на всех моих испытаниях с самого начала.

В каждой группе было человек по пять-семь. Не доходя до меня пары метров, все они дружно опустились на колено и склонили головы. Знакомая поза. Начинаю привыкать. Надо их, как-то поднять и к столу пригласить. Хотя, я тут, вроде, не хозяин. И Валька, зараза, молчит, как воды в рот набрала. Хоть бы подсказала, что делать. Нет - молчит. Что ж, видно придется самому разруливать. Чего сказать-то?

- Встаньте, - ничего другого в голову не пришло. Хорошо хоть удержался и не добавил, так и рвущееся с языка 'пожалуйста'.

Наверное, со стороны это выглядело не слишком величественно. Ну да ладно. Как можем, так и можем. Потом добавил:

- Присаживайтесь.

В этот момент, слава Богу, подключилась Валентина и занялась рассаживанием прибывших за стол. В определенном порядке, судя по всему. В итоге, в центре стола оказался я. Справа от меня уселся славский князь. Слева - вождь викингов. Слева от викинга - вождь кочевников. Дальше вперемешку представители свиты всех троих. Между мной и князем, чуть позади, на легком стуле устроилась Валька-Волеслава. Туробой застыл за моей спиной. Князь с лукавой улыбкой покосился на початый кувшин и произнес:

- Посланник уже начал пир, я вижу?

Что тут скажешь. Я покаянно кивнул.

- Ну, раз посланник богов начал, можно и нам, - громогласно провозгласил мой собеседник. Встал и поднял, наполненный прислужгой, объемистый серебряный бокал.

Присутствующие за моим столом, дружно встали на ноги и тоже подняли свои емкости с вином. Люди за другими столами волной, начинающейся от нас, поднялись и замерли в ожидании. Сидеть, вроде, было неудобно, и я тоже поднялся с облюбованным мной кубком. Мимоходом нюхнул, выясняя, что туда плеснули шустрые слуги. Оказалась все та же виноградная водка. Это хорошо - лучше не мешать. Тем более на понижение градуса. Однако, как правильно посоветовала Валька, надо притормозить: пир, только начинается и если я буду продолжать в том же темпе, скоро свалюсь под стол, или мордой в салат. А это для посланника богов будет несколько несолидно.

Так, мне что, опять нужно что-то говорить? К счастью, оказалось - нет. Задачу по произнесению первого тоста взял на себя Князь. Вернее, это была целая застольная речь. Начало и середина ее почти не отличалась от речей Вальки, произносимых после каждого

моего испытания. А вот концовка малость напрягла. Почему? Да так, ничего особенного, кроме того, что этот местный пахан объявил о начале восстания против румийских порабощителей, как о чем-то уже свершившемся. А я за всеми своими проблемами, связанными с испытаниями на мою истинность, совсем позабыл, что посланник, по мнению аборигенов, послан им, чтобы это самое восстание возглавить. Ну, а раз посланник истинный - вот оно и восстание, чего тянуть. Блин! Вот так сразу: без подготовки, понимания местных реалий, оценки соотношения сил. Не говоря уж о моем слабом представлении, о стратегии и тактике средневековых (или еще античных?) войн. В общем, огорошил князь так, что я впал в глубокую задумчивость, и вывел меня из нее только восторженный рев, присутствующей на пиру публики, раздавшийся по завершении речи.

Мои соседи по столу потянулись ко мне со своими чашами, чтобы чокнуться с новым мессией. С довольно растерянной, надо полагать, улыбкой, я чокнулся со всеми, до кого смог дотянуться, выплеснул в рот все содержимое кубка, забыв, что собирался притормозить с выпивкой и плюхнулся на свое место. Обдумать очередную, свалившуюся на меня проблему не дал все тот же князь. Черт! Как хоть его звать-то? Я уже, было обернулся с этим вопросом к Вальке, но князь его предвосхитил, сообщив:

- Я - Великий Князь Царских Славов Велимир.

Именно так и сказал - все слова с большой буквы. Тем временем, Велимир продолжал:

- Под моей рукой находятся двенадцать удельных князей со своими людьми и землями. Стольный град славов - белокаменный Кийград на Донебре и все земли и селения вокруг него - в моей безраздельной власти. Великие князья других племен славов прислушиваются к моим словам, а кто-то и просто слушается во всем.

Мой собеседник сделал многозначительную паузу, надо полагать, чтобы я проникся его величием и значимостью. Понятно, мужик набивает себе цену. Ну да, близость к посланнику богов сулит, должно быть, солидные бонусы. Хотя, грядет восстание, вернее формально оно уже началось, а учитывая крутость князя, он, возможно, хочет подмять меня под себя. Сделать просто знаменем, послушной марионеткой в своих руках. Опять же, кроме обретения независимости можно, заодно, подгрести под себя все остальные славские племена. А что, очень даже похоже. Только вот меня такой расклад не слишком устраивает. Ну не люблю я быть под кем-то. Понятно, что я мало что смыслю в местных реалиях, и советы знающего человека мне вовсе даже не помешают. Но сотрудничество должно быть на паритетных началах. Надо будет дать это понять.

- Тебя зовут Виктор. Моя дочь Волеслава - главная жрица мне это сказала, - продолжал говорить Великий князь. - Странное имя для посланца славских богов. Румийское имя. - Велимир многозначительно помолчал. - Нужно, чтобы народ славов знал тебя под другим именем. А твое настоящее никто, кроме меня, моей дочери и Туробоя знать не должен. Ни к чему это простому народу. Не надо вызывать ненужных толков.

Ага, похоже, меня просто и без затей сажают на крючок. Мол, если будешь вести себя неправильно, вбросим в массы компромат, который снова вызовет сомнения в истинности посланника. Со всеми вытекающими. А Валька, значит, князева дочка. Понятно, теперь, откуда столько гонору.

- Ну и как меня назовем? - откинувшись на спинку кресла и иронично прищурившись, спросил я.

Велимир оценил мой вопрос. Вернее, интонации, с которыми он был задан. В свою очередь прищурившись, он глянул мне в глаза. Пока без угрозы. Скорее, с легкой насмешкой. Крепкие нервы у мужика, однако. После всего того, что я вытворял на испытаниях и никакого страха. Или тут к таким фокусам привыкли? Может это мир магии? Взгляд князя был тяжел. Тем не менее, я его выдержал. Водка помогла, или злость? А может 'я-второй', которому я позволил чуть-чуть выглянуть наружу. Давно не выпускал. Пусть глянет и оценит новые реалии. Одним глазком. Так, или иначе, но Велимир первым отвел глаза. Отвел грамотно - влево и вверх. Чтобы не показаться побежденным. Интересно - кто-то учил, или сам дошел? Может и сам: мужик опытный, а, главное - умный.

- Вот что, князь Велимир, пожалуй, останусь я Виктором, - сделав паузу, протянул я. - А народ поймет. Не поймет, я сумею объяснить.

Глаза собеседника снова уперлись в мои и опасно потемнели. Безмятежно

улыбнувшись, на этот раз отвел взгляд я. По той же методе. Правда, меня-то этому учили. Потом взял свой, уже вновь наполненный кубок, и повернулся к князю.

- Ну что, мы договорились, князь Велимир.

Взгляд Велимира стал задумчив. Он взял свой бокал, стукнул им о мой, отхлебнул и буркнул:

- Великий князь.

- Что? - ступил я.

- Великий князь Велимир, так ко мне обращаются.

- Предлагаю в узком кругу все упростить. Меня ведь тоже, видимо, надо титуловать посланцем богов. А это утомительно.

- Договорились, - ухмыльнулся Велимир.

Он откинулся на спинку кресла, допил то, что оставалось в бокале, поставил его на стол и сказал, перейдя на официальный тон:

- Позволь представить тебе Хулагу-бека, старшего сына владыки Северотаврийских степей Менгу-хана.

Сидящий за предводителем викингов молодой вождь кочевников, поднялся на ноги. В руках он держал чашу с вином. Я тоже встал и поднял свой кубок. Степной принц начал приветственную речь. На чистом русском языке. Без всякого акцента, который я подсознательно готов был услышать. Так же, как и у Велимира две трети речи сводились к похвале богам, за неслыханное счастье лицезреть мое здесь присутствие. Потом последовали заверения во всемерной поддержке племенного объединения северотавров, полномочным представителем которых он здесь являлся, восстания славов против румийских поработителей. Похоже, имперцы и кочевникам успели досадить. Хотя, кто первым начал войну еще надо разобраться. Плохо верится, что злые румийцы вот так просто обидели добродушных мирных кочевников. Хулагу, тем временем, закончил свою речь, провозгласив в конце здравицу в мою честь, и опрокинул содержимое чаши в рот. А здесь кочевники пьют вино, вяло удивился я. Не кумыс. Впрочем, кумыс, возможно, у себя в кочевьях и пьют. А здесь в гостях - вино. А им можно? Почему нет? Они, судя по всему, не мусульмане. Христиан, кстати, я здесь тоже не видел. Пока только многобожие, сиречь - язычество. И кочевники, похоже, верят примерно в тех же богов, раз приехали поприветствовать меня. Похвальное единообразие. Религиозных войн здесь, видно, не бывает - обосноваться не на чем.

- А теперь - дар народа северотавров посланцу богов, - проглотив жидкость из чаши, провозгласил Хулагу.

Он трижды громко хлопнул в ладоши. Со стороны палаточного городка отделилось три человека, ведущего под уздцы коня. Идти было совсем рядом, и через минуту процессия подошла к нам вплотную. Подошли со спины. Поэтому мне пришлось встать и развернуться. Все сидящие за нашим столом, тоже поднялись навстречу троице с конем. Вот это был конь! Хоть я в лошадях совсем не разбираюсь, но понял, что такой подарок дорогого стоит. Черный до синевы, тонкие, точеные ноги, изящная сухая голова, гибкая гордая шея. Не конь - картинка! Похоже, мой восторг разделяли все присутствующие. Народ за столами издал одобрительный гул. Велимир восхищенно поцокал языком. Вождь викингов ошеломленно покачивал головой. Похоже, подарок был, действительно, царским. Очарованный красотой коня, я двинулся к нему. Тот прижал уши и злобно оскалил белоснежные зубы. Чистят ему их, что ли? С опаской протянул к оскаленной морде ладонь. И тут же почувствовал рывок за рубаху на спине. Еле удержавшись на ногах, сделал пару шагов назад. В тот же миг жеребец издал полувибрирующее полуржание и, взвившись на дыбы, ударил копытами передних ног по тому месту, где я только что стоял. Двое узкоглазых конюхов повисли на поводьях, пытаясь успокоить взбесившееся животное. Оглянувшись, увидел довольную физиономию Туробоя. Мой безмолвный телохранитель опять оказался на высоте.

- Конь - огонь! - усмехаясь, произнес Велимир. - А в Ирии, похоже, не слишком много лошадей. Ты, во всяком случае, так близко видишь коня впервые. Мне так кажется.

- Их там вообще нет, - переводя дух, отозвался я. - Не попадают лошади в Ирий.

- Как же так, - вроде бы искренне огорчился князь, - а мы на похоронах знатных людей отправляем с ними в загробный мир их любимых коней. Чтобы там им служили. И куда же

попадают лошади воинов после смерти?

- В другое место, - туманно ответил я.

- Расскажешь, как-нибудь попозже, - попросил Велимир.

- Обязательно.

Мы выпили за подарок Хулагу.

- Теперь представляю тебе сына короля Северо-западных фьордов - Лотара, - снова поднявшись, провозгласил Велимир.

На этот раз, заздравную чашу поднял молодой предводитель викингов. То бишь - варангов. Речь его почти в точности повторяла речь кочевника. Только была более цветиста и витиевата. Ну да у викингов, помнится, умение красиво говорить ценилось наравне с ратными подвигами. Здешные варанги, похоже, так же любили говорить красиво. Кстати, интересно - говорят в этом мире все по-русски, а имена очень похожи на имена аналогичных здешним, земных народностей. Хулагу, Лотар.... Определенно, там, в прошлой жизни, я их слышал, или где-то читал. А ведь на языке земных кочевников, или викингов их имена что-то значили. Не знаю, что значит слово хулагу. Ну, допустим, храбрец. Здесь все говорят по-русски. Почему же имя вождя здешных кочевников не Храбрец, ну, или Хоробрит, какой-нибудь - производное от русского, а непонятно откуда взявшееся - Хулагу? По-моему, вообще - монгольское имечко. То же самое с Лотаром. Подозреваю, что имена воинов из свиты степняка и викинга, тоже вовсе не славянского звучания. М-да.... Очередная непонятка этого мира.

Тем временем варанг, наконец-то, закончил свое сольное выступление, заверив в конце речи о всемерной поддержке варангами Северо-западных фьордов славского восстания и так же, как предшествующий оратор трижды хлопнул в ладони. Так, сейчас опять будут чего-то дарить. Надеюсь, подарок будет не такой опасный, как предыдущий? К столу подбежали двое варангов, несущих что-то вроде легких носилок. На носилках лежало несколько предметов, завернутых в материю. Варанги поставили свою ношу на землю и отошли в сторонку. Лотар вышел из-за стола, подошел к носилкам, взял один из предметов и снял с него ткань. Предмет оказался коническим шлемом с полумаской, закрывающей верхнюю часть лица. Красивый, блестящий полировкой, с золотой насечкой. Судя по одобрителному гулу собравшихся, хороший шлем.

- Позволь преподнести тебе эти доспехи от варангов Северо-западных фьордов.

Лотар поклонился и протянул шлем мне. Я подержал его и передал Туробою. Вождь варангов, тем временем, распаковал самый крупный предмет, лежащий на носилках, оказавшийся кирасой с прикрепленными к ней оплечьями. Он поднял ее вверх, демонстрируя присутствующим, и так же отдал мне. Потом последовали наручи, поножи, что-то вроде латной юбки, еще какие-то железно-ременные мелочи. Во мне проснулся мальчишка, зачитывающийся в детстве рыцарскими романами и бредящий всякими разными железками в виде мечей и доспехов. Потому восхищение на моем лице было не наигранным. В голове уже во всю гулял хмель и я в пьяном восторге попытался обнять Лотара. Тот в ответ облапил меня, так, что затрещали ребра. Макушка моей головы, при этом, едва доставала гиганту до ключиц. Дружески похлопав друг друга по спине и плечам, мы уселись на места. Выпили за подарок Лотара.

Тут снова поднялся Велимир. Хлопать в ладоши он не стал, но я понял - настал черед делать подарки Великому князю. Тот поднял свой кубок и заговорил:

- От народа доблестных царских славов я - Великий Князь Велимир передаю в дар посланнику богов град Святый со всеми окрестными землями, селами и весями и доходами с них в вечное пользование ему и его потомкам, если таковые появятся.

После секундного молчания народ взорвался бурей оваций. Забыл сказать, град Святый - это тот самый городок, в храме которого я до сих пор жил. Получается, я заделался в самые настоящие феодалы. Хотя у славян феодалы, кажется, назывались боярами. Тут же Велимир подтвердил эту мою догадку. Переждав вопли восторга, он продолжил:

- И к этому ему даруется звание потомственного боярина. Ему и детям его.

Снова буря восторга. Переждав ее и раскланявшись на все стороны, я уселся на место. Опять выпили. Голова соображала уже с трудом - хмель уверенно заливал извилины мозга. Тем не менее, я еще пытался завязать беседу с моим соседом по столу - Лотаром: варанг

становился мне, все более симпатичен. В процессе беседы вспомнил другого варанга, того с которым у меня был поединок во время первого испытания и который должен был сейчас сидеть где-то в местном узилище. Отвлекаясь от беседы с Лотаром, я повернулся к Волеславе-Вальке и попросил ее распорядиться доставить горемыку сюда ко мне перед ясны очи.

Когда Варанга доставили на пир я уже, признаться, о нем подзабыл. Немало тому способствовала увеличившаяся концентрация алкоголя в моей крови. В общем, Вальке пришлось объяснять, что за мужика привели два дюжих стражника. Собрав волю в кулак, сконцентрировался и поинтересовался как того звать.

- Хегни, - назвался варанг.

- Дарую тебе свободу, Хегни, - икнув, объявил я. И, собрав разбегающиеся мысли, продолжил:

- Ты волен идти куда хочешь. Припасы, оружие и коня тебе дадут. Если хочешь, можешь присоединиться к дружине Лотара.

На этом месте обернулся к предводителю варангов и, на всякий случай, спросил:

- Может?

- Может, - одобрительно кивнул Лотар.

- Да, можешь, - продолжил я. - Или можешь остаться при мне и начать формировать мою ближнюю дружину.

Эта светлая мысль пришла в голову только что, буквально во время произнесения этого монолога. Мысль понравилась и я, замолчав, стал ждать, что ответит варанг. Тот, немного подумав, встал на колени, склонил голову и что-то быстро забормотал.

- Варанг приносит тебе вассальную клятву, - пояснила из-за моего плеча Валька.

Я важно кивнул и, дослушав до конца клятву, предложил новоявленному командующему моего, еще не созданного войска, занять место за пиршественным столом.

Окончание торжества запомнилось весьма смутно. Хотя я и старался при каждом очередном тосте отпивать из кубка совсем малость, но и этих малостей хватило. Верный Туробой, к счастью, не дал свалиться под стол, а, поняв, что я уже дошел до кондиции, бережно извлек меня из-за одного и на пару с Хегни оттранспортировал в мою горницу. Там, даже не раздевшись, я рухнул на кровать, еще почувствовал, что кто-то снимает с меня сапоги, и перед тем, как провалиться в сон, подумал: надо завязывать с местной чачей, а то ведь сопьюсь на фиг и не выполню, возложенную на меня богами миссию.

Глава 12

Пробуждение было резким и весьма неприятным. Меня, как грушу тряс Туробой. Глаза разлепляться не хотели, голова трещала, в пересохшем рту - клочет. Я попытался повернуться на бок, к стенке. Туробой замычал и затряс меня с удвоенной силой, так, что застучали зубы. Никакой почтительности к посланцу богов. Прошедшему испытания посланцу. То бишь, доказавшему свою истинность. Да еще и боярину, по совместительству. Мне же вчера присвоили это звание, помнится.

Нет, спать совершенно невозможно. С трудом приподнялся и уселся на краю кровати. С усилием разлепил глаза. Через стеклышки окна в горницу сочился голубоватый свет местной луны. Похоже еще вполне себе ночь. И какого, спрашивается, меня будят? В этот момент дверь с грохотом распахнулась, и в комнату влетел Хегни - мой новоиспеченный командир дружины. Правда, несуществующей, пока. Варанг тащил охапку какой-то поклажи, которую со звоном свалил у моих ног. В сумраке, царящем в помещении, я не сразу разобрал, что это такое. Нагнулся, пригляделся и опознал в куче предметов на полу комплект, подаренных мне вчера вождем варангов, доспехов.

Не церемонясь, Туробой вздернул меня на ноги и на пару с Хегни они начали облачать мою тушку в доспехи, предварительно пособив надеть штаны и рубаху. Вначале накинули и застегнули безрукавную, войлочную, по ощущениям, куртку. Поддоспешник, с некоторой задержкой, дошло до меня. Поверх него натянули кольчугу, зашнуровали ворот, надели широкий пояс. К поясу, при помощи каких-то ремешков, крепились набедренники. Потом навесили кирасу с оплечьями. Кираса, оказывается, открывалась на две половинки, как

ракушка. С другого, не открывающегося бока, половинки соединялись, чем-то вроде маленьких дверных петель. После надевания, открывающаяся сторона стягивалась ремнями с пряжками. Пока Хегни крепил к моим ногам наголенники в комплекте с наколенниками (если я правильно помню названия этих железных штук), Туробой занимался крепежом к моей кирасе короткой металлической юбки (убейте - не помню ее названия). Потом на предплечья - наручи (это помню). Завершили экипировку водружением, на трещащую с похмелья голову, красавца шлема. Завершили? Я пошевелил босыми пальцами ног. Ага, заметили. Меня толкнули в грудь и я, потяжелевший пуда на два, плюхнулся задом на край кровати. Туробой и Хегни, ухватив каждый по моей ноге, сноровисто намотали на них портянки и натянули сапоги. Потом помогли подняться. Туробой снял со стены мой меч и прицепил его к поясу на кирасе. Вот теперь - действительно все.

- Бежим, мой господин, - подтолкнул меня к двери Хегни.

- А, что, собственно... - попытался я выяснить ситуацию.

Фразе не суждено было быть законченной. Меня подхватили под руки и, буквально, вынесли в дверь. Потом через коридор на балкончик и по боковой лесенке на площадь.

Крики и лязг со стороны палаточного городка и какие-то глухие равномерный удары со стороны главных ворот города я услышал, вернее, обратил на них внимание, когда меня вытащили на балкон. Глянув в сторону палаточного стана, увидел там разгорающееся зарево. Враги напали - родил гениальную мысль мой, отравленный алкоголем, мозг. На площади перед храмом стояла небольшая кучка народа. Туробой и Хегни подтолкнули меня к этим людям и куда-то исчезли. Народ на площади пришел в движение и быстренько окружил меня плотным кольцом. Только теперь разглядел, что это были двенадцать, вернее, одиннадцать - Вальки среди них не было - жриц храма моего имени. В смысле, жриц храма посланца богов. Были они облачены в легкие, какие-то единообразные, я бы сказал, форменные, кольчуги. Вороненые, не дающие бликов. Я, в своих поблескивающих под лунным светом дареных доспехах, смотрелся между ними весьма импозантно. На головах такие же легкие, полусферические, вороненые шлемы, с прикрепленными к ним бармицами, закрывающими шею и нижнюю часть лица. На бедрах были видны кольчужные же штанишки. На ногах мягкие сапоги. На поясах висели легкие мечи в ножнах, за спиной колчаны, щетинящиеся перьями стрел, в руках луки, примерно в половину их роста. Рассмотрел все эти детали довольно хорошо - света голубой луны вполне хватало.

Новоявленные амазонки стояли молча и сурово. С момента моего появления, ими не было произнесено ни слова. Даже между собой. Вот такие вот крутые воительницы. Кстати, а ведь с ними, с этими одиннадцатью довольно симпатичными девчонками я за все время пребывания в этом мире, практически не общался. Да и видел-то их нечасто. Все мое общение ограничивалось Валентиной-Волеславой да Туробоем. Так что нечего удивляться такой вот метаморфозе. Может жрицы здесь по совместительству выполняют функцию спецназа. Вполне возможно - количество вооруженных формирований оккупанты ограничивают, вот и приходится местным приспособляться к ситуации.

Со стороны ворот послышался особенно громкий удар, переходящий в треск и грохот падения чего-то массивного. Грохот заглушил хор ликующих воплей, а затем раздался топот ног и звон стали. Этот звук я уже научился распознавать. Окружавшие меня жрицы ощутимо напряглись. Так, похоже, сломали ворота. Хотя, чего там было ломать-то - калитка, а не ворота! Похоже, неведомые агрессоры сейчас будут здесь. Впрочем, мечи звенят, значит, кто-то ворота обороняет. Может какое-то время у нас есть. Только вот, время для чего? Тут одно из двух: или идти на помощь защитникам ворот и попытаться перебить всех плохих, или, при явном неравенстве сил, драпать, заложив уши. Вот только как эти силы оценить? И кому принимать решение? И куда делись мой телохранитель и командир несуществующей дружины? А, вот и они - легки на помине.

Туробой и Хегни, оказывается, исчезли не просто так. За время своего отсутствия они успели экипироваться для боя. Оба были в кольчугах, конических шлемах и при мечах на поясе. У Туробоя, кроме того, за спину был закинут какой-то цилиндрический предмет длиной больше метра и сантиметров тридцати в диаметре. Чем-то он был немного похож на тубус для чертежей, только размером побольше и без верхней крышки. Из его открытого верхнего конца торчал пук каких-то ровных палок, вроде древков небольших копий. К

'тубусу' крепились две лямки, как у рюкзака. С помощью этих лямок сооружение и держалось на плечах моего телохранителя. Хегни сжимал в руках копьё. Не такое, как я видел у дружинников - у тех, должно быть, были кавалерийские версии. Пики, что ли? Другое дело - копьё Хегни. Не слишком длинное - метра два с половиной, с толстым древком. Но главное - наконечник. Наконечник был длинным и широким. Обоюдоострым. Таким наконечником, наверное, можно было не только колоть, но и рубить. В памяти всплыло где-то вычитанное название такого копья - рогатина. Помню, прочитав его описание, я еще тогда удивился. В моем представлении с рогатиной наши предки ходили на медведя, и представляла она из себя такую двурогую хрень. Оказывается - нет. Рогатиной называлось именно такое вот копьё, которое держал сейчас мой командир дружины.

Туробой и Хегни встали справа и слева от меня внутри кольца из жриц. Встали молча. Ну, с Туробоем понятно, а вот Хегни мог бы, и прояснить ситуацию своему шефу. Мне, то бишь. Мы стояли и чего-то ждали. Прошла минута, вторая. Ну и чего стоим? Кого ждем? Я уже открыл рот, что бы задать этот вопрос вслух. В этот момент, от скрытого сумраком дальнего конца площади, отделилась бегущая человеческая фигура, которая, приблизившись, оказалась Волеславой. Облачена она была так же, как и ее коллеги, с единственной разницей - ее талию стягивал серебряный пояс, ярко блестящий в свете луны.

- Румийцы прорвались в город, - задыхаясь от бега, сообщила она. - Сейчас будут здесь - воротная стража не удержит. Уводим посланника через западный выход. Жрицы, вам задерживать погоню любой ценой.

Так, это она, окружающим меня девицам. Это что получается: мой драп ценой своей жизни будут прикрывать вот эти симпатичные молоденькие девчонки? Да я ж себя после такого уважать перестану!

- Не согласен... - начал я.

- Не время! - прервала мое блеяние властным тоном Валька. - Туробой, Хегни, взяли посланца и за мной!

Ухватив тем же манером, что и при транспортировке из горницы, мужики потащили меня за главной жрицей, в быстром темпе рванувшей к калитке, ведущей к обрыву. Тому, где проходило мое испытание воздухом. Пару раз, дернувшись и поняв тщетность попыток освободиться, я оглянулся на остающихся девчонок. Те, вытаскивая из колчанов по две-три стрелы, сноровисто разбегались по краям площади, маскируясь в тени строений.

Мы преодолели примерно половину пути до калитки, когда позади послышался цокот копыт. Копыт, по ощущениям, было много.

- У них еще и кавалерия, - пропыхтел Хегни. - Плохо.

И ускорил бег. Кто напал, я уже понял. По реплике, произнесенной Валькой. Куда напали - вроде тоже понятно. Нападению подверглись палаточный лагерь и главные ворота города. Зачем напали? Кажется, догадываюсь. Судя по всему, румийцы прибыли по мою душу. Не удивительно - пророчество это, да заявление Велимира о начале восстания. Разве же может такое понравиться оккупационному режиму. Странно, что не ударили раньше. Шпионов-то, думаю, здесь хватает. Надеялись, что не пройду испытания и ситуация рассосется сама собой? Вполне возможно. Зачем дразнить гусей, без крайней необходимости.

Позади послышалось какое-то щелканье и через секунду раздались крики боли и ярости. Потом ржание нескольких лошадей. Щелканье - это от тетивы лука, сообразил я. Девчонки вступили в дело.

- Быстрее, быстрее! - задыхаясь, крикнула Валька.

- Да пустите уже, сам побегу! - опять рванул из рук своих сопровождающих.

Хегни и Туробой ослабили хватку и я смог выкрутиться из их объятий. Остановился и оглянулся в сторону площади. Похоже, там все двигалось к финалу. Щелканье тетив прекратилось. Топот копыт, лязг мечей, торжествующие крики напавших. Женский вскрик от нестерпимой боли.

- Не стоять! Бежать! - яростно прошипела Валька.

- Да пошла ты! - негромко буркнул я и, вынув из ножен меч, пошел назад, к площади.

- С ума сошел! - взвизгнула главная жрица. - Остановите его! - это уже к Туробой и Хегни.

Мужики двинулись, было, ко мне.

- Только попробуйте коснуться! - рявкнул я. - Я посланец богов, или хрен собачий!

Видимо, убедил. По крайней мере, остановить больше не пытались. Телохранители двинулись за мной, быстро обогнали и вышли вперед. Один приготовил к бою свою рогатину, второй вытащил из громадного заспинного колчана два небольших, метра по полтора длиной, копьейца. Дротики, сообразил я, или, вернее, у славян такие метательные копья назывались сулицами. Одно копьейцо Туробой приготовил для броска, второе держал в левой руке, наготове. За моей спиной слышались шаги и дыхание запыхавшейся Вальки. Я оглянулся. Жрица двигалась метрах в двух позади и чуть правее меня, держа перед собой лук с наложенной стрелой.

Шум и крики на площади затихали. Еще немного и помогать там будет некому. Я ускорил шаг, потом побежал. Мои спутники тоже ускорились, сохраняя тот же порядок построения - Хегни и Туробой впереди справа и слева, Валька сзади, правее. Но добраться до площади, нам было не суждено. Впереди слышался цокот множества копыт и через секунду, из-за поворота, метрах в двадцати от нас, выскочило с десятков всадников, в поблескивающих под ярким лунным светом, доспехах.

Увидев приближающуюся к ним странную компанию, всадники пришпорили коней и понеслись по мостовой, нацеливая на нас длинные кавалерийские копья. Позади меня заскрипел натягиваемый лук. Щелчок тетивы и головной всадник, всхрапнув, схватился за горло с торчащей в нем повыше кирасы стрелой. Туробой, как-то хитро скрутив корпус, метнул первую сулицу в следующего врага. Копье летело по прямой снизу вверх очень быстро, на мой неискушенный взгляд. Всадник, все же успел прикрыться круглым металлическим щитом. Помогло это ему слабо. Сулица пробила щит и, пронзив кирасу, глубоко вошла в грудь румийца. Вот это силища, успел я еще подумать, прежде чем до меня добрался следующий всадник.

От удара копьем я увернулся. Броском сблизился с врагом вплотную, рубанул по незащищенному, оказавшемуся в пределах досягаемости, бедру и метнулся к следующему всаднику. Здесь меня опередила Валька, тот уже заваливался навзничь со стрелой в горле. В моем организме намечались позитивные сдвиги: все последствия похмелья улетучились, тело налилось силой, появились приятная легкость и гибкость. Следующего врага встретил в великолепном прыжке, загоняя острие меча ему в боковую поверхность шеи. Приземляясь, размашистым движением, чтобы расширить рану, вырвал клинок. Сверху по шлему и кирасе застучали тяжелые капли, хлынувшей фонтаном крови. В следующее мгновение, пышущая жаром и забивающая ноздри запахом лошадиного пота, грудь коня сбила меня с ног. Загремев доспехами, рухнул на мостовую и тут же, повинаясь прорезавшемуся в последнее время звериному чутью, откатился в сторону. В то место, где только что находилась моя одоспешенная тушка, вонзился наконечник копья, выбив искры из камней вымостки. Я быстро, насколько позволяла тяжесть брони, вскочил на ноги, намереваясь разобраться с обидчиком. Но с ним уже разобрался Хегни. Пробив пластинчатую броню на животе румийца своим страшным копьем, он приподнял того в воздух, словно сноп сена вилами и, зарывчав, отбросил к краю мостовой. Тут же перед моим лицом взметнулись, сверкая отполированными подковами, копыта вставшей на дыбы лошади. Ждать удара не стал, ныряя ей под брюхо и уходя вправо, чтобы не быть придавленным опускающейся тушей. Лошадь с всадником оказались слева. Пока коняшка опускалась на все четыре копыта, я перехватил меч обратным хватом и ткнул им из-под локтя, не разворачиваясь, в незащищенную подмышку румийца, которую тот приоткрыл, подняв руку со щитом при приземлении лошади. По оскаленной лошадиной морде, возникшей передо мной в следующее мгновение, без затей ударил мечом. Повернув в последний момент оружие, плашмя - ну не люблю обижать зверушек, особенно лошадок. Зверушка завизжала и прыгнула вправо, сбивая с линии атаки соседнего всадника. В следующий миг всадник с ушибленной мной лошади и всадник другой, с которой она столкнулась, вывалились из седел, пораженные один Валькиной стрелой, второй сулицей Туробоя. С конным румийцем, пытающимся достать меня справа, разобрался Хегни, воткнув наконечник копья тому под подбородок.

На этом конница закончилась. Потерявшие всадников лошади, возмущенно пофыркивая, проскакали дальше по улице. Мы стояли среди живописно раскиданных трупов всадников. Один, правда, еще пытался приподняться. Хегни подошел к нему и сноровисто

ткнул копьем в незащищенное горло. Вмешаться я не успел. Да и не очень хотел: оставлять за спиной врагов, пусть и раненых, война отучает быстро. Трупов было двенадцать. Четверо - Валькины: из них торчали стрелы. Трое - Туробоя: их тушки украшали древки сулиц. Двоих, помнится, зарезал я. Получается, на долю Хегни приходится трое, один из которых мой подранок с разрубленным бедром. Метательное оружие, в данном случае, показало большую эффективность.

Снова послышался топот ног. На этот раз человеческих, и из-за того же угла показалась пехота. Типичные такие римские легионеры. Как с картинки из учебника истории древнего мира. В специфических полусферических шлемах с какими-то пимпочками на макушках, пластинчатых кирасах и юбочках из чего-то навряд ли кожаных лент. В руках прямоугольные, с оковкой по краям, щиты. Из-за щитов виднеются короткие, видимо метательные, копья. Пилумы - всплыло в памяти. Легионеры, увидев, какая участь постигла их кавалерию, сноровисто сбились в плотный строй, закрывшись сплошной стеной щитов, и с нехорошей целеустремленностью двинулись в нашу сторону.

Я глянул на соратников, переводящих рядом со мной дыхание. Футляр для сулиц за спиной Туробоя опустел. Последнее копьё он держал в руке. Количество стрел в колчане Вальки, тоже изрядно поубавилось. Мой немой телохранитель повел плечами, сбрасывая, ставшее ненужным, вместилище метательных копий и вынул из ножен левой, свободной рукой меч. За спиной заскрипел сгибающийся лук, и у моего правого уха свистнула стрела, посланная жрицей. Валька, метила, в стоящего на правом фланге строя румийца, с поперечным гребнем на шлеме. Центуриона, что ли? Стрела летела повыше верхнего края щита, туда, где между щитом и шлемом белело его лицо. Однако вояка попался опытный: не замедляя шага, румийский центурион чуть приподнял skutum (надо же - и это помню) и стрела, ударившись в металлическую оковку, отскочила в сторону, зазвенев по камням мостовой. Следующим было выступление Туробоя. Мой телохранитель, опять, как-то по-хитрому скрутил корпус и запулил сулицу, в приближающийся строй врагов. Копье ударило в щит, идущего в середине строя воина. Удар был страшен. Но щит легионера представлял собой сооружение более основательное, чем легкий щит кавалериста. Такого эффекта, как с всадником не произошло. Сулица ушла в skutum, где-то, на треть, и ее наконечник, судя по всему, высунулся с внутренней его части достаточно далеко, похоже, серьезно зацепив румийца. Во всяком случае, воин пошатнулся, сбился с шага и тут же был заменен воином из второго ряда. Смена эта была произведена так слаженно и четко, что я только подивился. М-да, железные римские когорты в действии. Где бы еще такое увидел.

Мужик с поперечным гребнем что-то протяжно прокричал. Румийский строй приостановился.

- Щиты! Быстро берите щиты кавалеристов! - рявкнул Хегни.

Видимо, варанг знал о чем говорил. Потому я, не раздумывая, схватил ближайший ко мне щит убитого кавалериста, надел его на предплечье и приготовился к очередным неприятностям. Центурион прокричал следующую команду. Строй румийцев вполне явственно вздохнул и метнул в нашу великолепную четверку целый рой пилумов. Мое тело, хвала местным богам, среагировало без всякого вмешательства изнеженного цивилизацией разума. Я упал на правое колено, выставил впереди себя щит и съехал за ним, максимально уменьшая поражаемую площадь тела. Дальше последовало три удара в щит, один в левый наголенник, один в оплечье и, самый неприятный - в шлем. От последнего удара в голове зазвенело и меня повело вперед, так, что с трудом удержал равновесие. Сзади послышался глухой вскрик. Поборов головокружение, я обернулся и увидел падающую Вальку. Щита у нее не было. Видимо, не успела среагировать на команду Хегни и заполучила удар пилумом. Может даже не один. Кольчугу метательное копьё не пробило, но травма подлежащим тканям была нанесена, судя по всему, чувствительная. И не спас даже поддоспешник, если таковой вообще имел место быть. Валька потеряла сознание, скорее всего, от болевого шока. Куда пришелся удар, выяснять было некогда.

Хегни и Туробой, вроде бы не пострадали, вовремя прикрывшись щитами. Пробиваться на помощь жрицам, оставшимся на площади, похоже уже не имело смысла - с ними все было кончено. Да и вряд ли возможно: монолитный строй румийцев перегородил всю улицу, и пробить его нам вряд ли было по силам. Хотя, я бы попробовал: кровь бурлила

от переполняющей тело энергии. Казалось, если разбежаться, удалось бы просто перепрыгнуть строй легионеров, а там со спины пошел бы гулять мой меч по головам врагов. Раззудись плечо, размахнись рука. Так, вроде бы, говаривали предки. Однако голос рассудка взял верх: надо вытаскивать Вальку, да и Хегни с Туробоем угроблю понапрасну. Кстати, и сам я, судя по всему, для стали вполне уязвим. Местные боги, как-то не озаботились этим вопросом. Как бы то ни было, лучше не искушать судьбу.

Так, а решение надо принимать побыстрее: строй румийцев, сразу после залпа пилумами, перешел в решительную атаку, быстрым шагом, почти бегом, приближаясь к нам.

- Туробой, бери Волеславу и к западной калитке. Мы с Хегни за тобой!

Мой безмолвный телохранитель подхватил бесчувственную Вальку и весьма проворно рванул в глубину улицы. Я и варанг припустили следом. До выхода добрались в минуту. Туробой к моменту нашего прибытия, уже открыл калитку. Погони пока не было. Видно, румийцы, стараясь сохранить строй, не смогли развить сравнимой с нами скорости. Немой телохранитель мотнул головой, предлагая следовать за ним, и мы, стараясь не сильно топтать, побежали вниз по тропинке, ведущей к достопамятному обрыву. Добежали до площадки на его краю, свернули направо и по еле заметной тропке, петляющей между скальными выходами, продолжили спуск к подошве холма. Тропинка вывела нас к краю широкой лощины, в которой расположился палаточный городок.

Лагерь раскинулся метрах в двухстах правее того места, где мы остановились. Затаились в зарослях довольно высокого - в рост человека - кустарника, разросшегося по краю лощины. Преследователи, судя по всему, потеряли нас окончательно, и мы сосредоточили внимание на происходящем в палаточном городке. В лагере все еще шел бой. Огонь от горящих костров и подожженных палаток вкупе с ярким лунным светом, позволял довольно хорошо рассмотреть и оценить, происходящее. Между палатками группами по пять-шесть всадников резвилась румийская конница, добывая оставшиеся очаги сопротивления. Шансов у обороняющихся славов не было: без доспехов, вооруженные чем попало, они гибли один за другим, почти не нанося потерь нападающим. Большая часть, видимо, просто разбежалась, понимая бессмысленность сопротивления. Хотя трупов, белеющих исподними рубашками, между палатками было накинато изрядно - разбежались далеко не все.

В настоящий момент, однако, основные события разворачивались метров на сто левее нашего наблюдательного пункта. Там лощина сильно сужалась и становилась глубже. Края ее были более обрывистыми. Еще двумястами метрами дальше лощина опять расширялась и выходила к берегу реки, к пристани, у которой покачивалось на воде множество суденышек, на которых прибыли гости, желающие почествовать посланца богов. Поскольку дно узости скрывалось в тени, я не сразу разглядел, что же там происходит. Пришлось присматриваться.

А происходило там следующее: дружинники из охраны князя Велимира и варанги Лотара, почти все в кольчугах и бронях, сбившись в кучу (скорее даже в плотный строй) прикрывшись щитами и оцетинившись копьями, медленно продвигались по дну лощины к пристани. Было их, навскидку, человек семьдесят-восемьдесят. Вокруг этой кучки отчаявшихся, готовых на все людей, кружило сотни полторы румийских всадников, периодически насакивающих на варанго-славов и пытающихся разбить их строй. Получалось плохо: натываясь на щетину копий, кавалеристы откатывались назад, оставляя на земле трупы людей и лошадей.

Решение напрашивалось само собой. Нужно было двигаться по краю лощины параллельно отбивающимся славам и варангам, стараясь не попасться на глаза крутящимся вокруг них румийцам. И когда наши доберутся до кораблей, попытаться пробиться к ним и забраться вместе с ними на какое-нибудь суденышко. Или, даже не так. Нужно их опередить и пробиться на корабль самим, пока там нет никого из врагов. Отчалить, а там - посмотрим. Сказано - сделано. Я быстренько объяснил свой план спутникам. Никто не возразил. Валька, пока я наблюдал за происходящим в лощине, пришла в себя. Досталось ей крепко. Копье угодило в правую верхнюю часть груди и сломало одно, или два ребра. Осколки воткнулись в легкое. Валька покашливала и по подбородку ее стекала кровь изо рта. Хреново.

- Туробой, Волеслава на тебе, - обратился я к своему телохранителю. - Занимайся только ей. Вытащи любой ценой.

Видно было, что гигант колеблется. Ну, правильно, изначально ему была поставлена

задача, охранять меня. Надо было снять все сомнения и, заодно, прояснить, кто теперь главный и чьи приказы следует выполнять.

- Перед тобой посланец богов, - четко, глядя Туробою в глаза, произнес я. - Прошедший испытание посланец. И только мои приказы ты теперь должен выполнять. Ты понял меня.

Последняя фраза была сказана с металлом в голосе, не отводя взгляда от его глаз. Туробой моргнул и склонил голову. Я повернулся к Хегни.

- К тебе это тоже относится.

- Лишние слова, господин - я дал клятву.

- Хорошо. Пошли.

Туробой подхватил Вальку на руки и, стараясь держаться зарослей кустарника, двинулся к берегу реки. Мы с варангом зашагали следом. Обогнали сражающихся довольно быстро: строй обороняющихся периодически останавливался, для отражения очередного наскока кавалеристов. Наскока, не приносящего нашим, видимого ущерба. Я еще подивился видимой бессмысленности такой тактики румийцев. Мы добрались до устья лощины, когда стало понятно, для чего кавалеристы, не смотря на жертвы, задерживали варанго-славов. Со стороны лагеря по лощине их бегом догоняла румийская пехота. И ее было много. Несколько сотен. Но, самое страшное: вдоль берега реки к устью лощины приближался еще один отряд пехоты. Примерно той же численности, что идвигающийся по лощине, и этот отряд должен был, буквально через несколько минут этого устья достичь и отрезать наших от реки и кораблей. Потом два этих отряда зажмут их с двух сторон и неизбежно раздавят. Какая-то часть, возможно, сумеет взобраться по крутым стенкам, но их выловят и истребят, рассыпавшиеся по округе кавалеристы.

Надо было как-то помочь. Попробовать задержать, заходящий им в тыл вдоль реки отряд, и дать им добраться до кораблей. Но и Вальку надо спасать. По прямой до ближайшего деревянного причала было сотни полторы метров. У причала покачивалась пара, то ли больших лодок, то ли маленьких корабликов. Я показал на них Туробою.

- Видишь лодки?

Телохранитель кивнул.

- Берешь Волеславу и, что есть духу, мчишься к этим лодкам. Грузитесь в одну из них, и ты сразу отчаливаешь. Нас не ждешь. Понял меня?

Помедлив, Туробой снова кивнул.

- Все, давай!

Телохранитель, после секундного колебания, подхватил, застонавшую жрицу на руки и начал спускаться по склону лощины, целясь на указанный причал.

- Теперь с тобой, - обернулся я к Хегни. - Твоя задача бежать сейчас к соседней лодке у той же пристани. Отвязать ее и приготовить к отплытию. Весло там, в руки возьми, что ли, что бы было чем оттолкнуться. Ну да не мне тебя учить. И ждешь меня. Как только я к тебе запрыгну - отчаливаем. Пошел!

Варанг, однако, выполнять приказ не спешил.

- Ну, чего стоим, кого ждем!?

- А, что собрался делать ты, господин? - спокойно и негромко спросил он.

Было понятно, что ответить нужно - упрямый варанг не сдвинется с места, пока не услышит внятный ответ. Ну, хорошо.

- Я попробую задержать вон тот отряд румийцев, идущий вдоль берега. Надо дать нашим добраться до кораблей.

- Ты собираешься сделать это в одиночку? Думаешь это возможно? - задал, в общем-то, вполне резонный вопрос Хегни.

- Попытаюсь. Опять же, ты забыл: перед тобой посланник богов, вообще-то.

- Это так... - уронил мой будущий воевода. Особого воодушевления в его голосе слышно не было. Секунду помолчал, видимо, что-то прикидывая, и потом выдал:

- Я с тобой. Отчалить успеем вместе.

Стало ясно, что спорить бесполезно, а времени уже не остается.

- Ладно, пошли.

Я прыгнул вниз и, обрушивая глыбы глины, съехал на дно лощины. Бой заметно

приблизился. Небольшая кучка румийских всадников гарцевала не более чем в пятидесяти метрах. К счастью, все их внимание было обращено в сторону приближающейся кучки варанго-славов, и нас они не заметили. Со всей возможной скоростью я и Хегни рванули к выходу из лощины, миновали его, свернули направо и, пробежав еще с сотню метров, остановились. До бегущих к нам, гремящих доспехами румийских пехотинцев, оставалось метров пятьдесят, и это расстояние быстро сокращалось. Похоже, они не собирались даже приостанавливаться, чтобы разобраться с двумя, не весть, откуда взявшимися сумасшедшими славами, предполагая просто сбить их с ног своей массой и затоптать в прибрежный песок. Надо было как-то их притормозить. Я вскинул руки с сохраненным кавалерийским щитом в левой и мечом в правой и заорал так, что даже у самого в ушах зазвенело:

- Стоять, каналы!!!

Мне очень нужно было остановить этот железный поток. И он остановился: видно, была в моем вопле некая энергетика. А что вы хотите - посланник богов, все же! Бегущие впереди воины, встали метрах в двадцати от нас. Уткнувшись им в спины, остановились задние ряды. Шумно дыша, несколько сот разгоряченных бегом и предстоящим боем мужиков, с удивлением разглядывали, вставших у них на пути наглецов. Ждать, когда румийцы опомнятся и сметут нас роем пилумов, было нельзя.

- Стой здесь, - негромко посоветовал я Хегни.

Сам же начал действовать чисто по наитию. Энергия в теле все еще продолжала бурлить и это самое тело, не смотря на отягощенность доспехами, казалось непривычно легким. Хвала местным богам! Ну, поехали! Резкий старт, хороший разбег, толчок ногами, в паре метров от уже выстроившихся в линию легионеров, прыжок вверх и вперед. Потом был короткий полет над первыми тремя шеренгами и приземление в самую гущу румийцев. Двоих из них удалось подмять под себя. Судя по хрусту костей, сопровождающих процесс, эта пара надолго, если не навсегда, вышла из строя. При всем при этом, мне даже удалось устоять на ногах. Такой прыти румийцы явно не ожидали. Вокруг меня мгновенно образовалось кольцо свободного пространства метра три шириной, правда стена воинов, это кольцо образующее, неприятно оцетинилась острыми железками.

Двигаться, двигаться! В непрерывном движении мой единственный шанс выйти целым, или, по крайней мере, живым из всей этой передраги. В перекате метнулся вперед, под ноги опешившим солдатам, оставляя сверху, нацеленные на меня мечи и копья. Похоже, подобная тактика ближнего боя румийцам была не слишком привычна и они не успели пришпилить мою тушку к влажному, хрустящему под моими бронированными боками, песку. Мне же, благодаря дополнительной массе, приобретенной за счет доспехов, удалось, как кегли, сбить с ног еще двоих. При подъеме на ноги я успел ткнуть острием меча под кожаную юбку ближайшего, устоявшего на ногах легионера. Этот, теперь, тоже не боец, да еще, возможно, и не мужчина. Рывок вперед, краем щита в лицо следующему противнику и острием меча в горло его соседу. Остальные отшатываются, стараясь держаться подальше от взбесившегося слава, то бишь меня. Разворот на сто восемьдесят градусов. Во время: здесь враги успели немного очухаться и приготовились проверить на прочность мою шкуру. Рывок вперед, переход в низкий сед, рубящий удар по бедру, между юбкой и поножем самому здоровому и шустрому, уход перекатом от летящих в меня нескольких копий, подъем на ноги с отбивом двух, целящих мне в грудь мечей, на обратном ходе полоснуть по неосторожно подставленному предплечью руки, сжимающей меч. Снова кувырок в сторону, уход от ударов, прыжок вверх, с вертикальным рубящим ударом при приземлении в плечо. Хороший меч - кираса прорублена, ну, да и удар был неплох.

Такая вот карусель продолжалась довольно долго, минуты полторы-две. За это время мне удалось вывести из строя больше десятка румийцев, самому, при этом, не получив даже царапины - слава местным богам! Через означенное время в сражении возникла пауза. Румийцы разорвали дистанцию между собой и мной, метров до десяти и как только я пытался это расстояние преодолеть, отскакивали еще дальше. Периодически летели пилумы, от которых я довольно легко уклонялся, а чаще отбивал щитом или мечом. Несколько штук, правда, в меня угодили, но спасли дареные доспехи. В конце концов, легкости в теле поубавилось, почувствовался вес щита и доспехов. М-да, до кондиций супермена местные боги в отношении меня, что-то не дотянули. Спокойно стоять, чертовы румийцы, естественно,

не давали: поток пилумов, летящих в меня, усиливался. Причем, норовили запустить копьецо, по большей части, в спину. Приходилось вертеться, как юле, пригибаться, уклоняться, в общем, служить подвижной мишенью.

Как там Хегни, кстати? Надеюсь, ему достало ума не переть в одиночку на румийский строй - хватит здесь и одного такого придурка. С той стороны, где остался варанг доносились крики и лязг металла. Да, похоже, мой несостоявшийся воевода не внял голосу разума. И насколько его хватит? Вряд ли надолго. Надо помочь. Следующую атаку я предпринял в направлении шума схватки. Румийцы опять, было, подались назад, но тут же, подстегнутые чьей-то отрывистой командой, остановились и, сомкнув щиты, ошетинились острыми железками. На это раз атака по нижнему уровню едва не закончилась для меня плачевно. Легионеры выработали контрприем, опустив длинные щиты на землю. В их нижний край я и врезался. Хорошо сумел сразу сгруппироваться и отскочить назад, заработав, все же, при этом колотую рану наконечником копья, проникшим в сочленение пластин правого набедренника. Болело несильно, но кровило, насколько я успел заметить, изрядно. А это не есть хорошо - с солидной потерей крови долго не попрываю. Легионеры сразу просекли, что сумели меня зацепить. Опять же, выработали тактику против моих непривычных атак. Щиты, их сомкнулись еще плотнее, и они, не спеша, начали сжимать кольцо. Если бы не рана в бедре, можно было бы повторить фокус с прыжком через головы врагов, но нога быстро немела и я, если бы попытался повторить такое, рисковал повиснуть на копьях первых же двух рядов легионеров. Тем более те уже ожидают от меня чего-то подобного. Кольцо сжималось. Похоже, приключения мои в этом мире подходили к концу.

Дальше события разворачивались, как в дешевом боевике. Это когда помощь к гибнущему герою приходит в самый последний момент. Откуда-то с тыла румийского отряда, послышались дикие вопли и какое-то волчье завывание. Потом раздался топот копыт, смягченный рыхлым песком, дальше - лязг стали, крики боли, конское ржание. Еще через десяток секунд стальное кольцо, окружающее меня, было прорвано плотным строем из нескольких десятков всадников на низкорослых, но коренастых и мускулистых лошадках. В кричащих и улюлюкающих, щедро раздающих направо и налево удары кривыми мечами, всадниках, я опознал степных воинов Хулагу-бека. Сам командир степняков прорубился сквозь румийцев в первых рядах, окинул взглядом открывшуюся перед ним картину и, быстро сориентировавшись, крикнул:

- Посланник, на коня! На круп!

Он осадил своего вороного жеребца рядом со мной. Молясь, чтобы не подвела раненая нога, прыгнул за спину Хулагу и вцепился в него левой рукой (щит пришлось бросить), правой продолжая сжимать меч. Все это заняло, буквально, несколько секунд. Степняки, тем не менее, успели опередить своего вождя и врубались в румийцев, образующих противоположную сторону, окружающего меня кольца. Четверо самых мощных и хорошо вооруженных, окружили лошадь, на которой теперь восседали мы вдвоем. Удостоверившись, что я прочно обосновался позади него, Хулагу прищипорил жеребца. Его воины, тем временем, прорвали строй румийцев, образовав и изо всех сил удерживая коридор для того, чтобы мы могли вырваться из смертельного кольца. Жеребец Хулагу, хоть и отягощенный двойной ношей, стремительно промчался через этот коридор и вырвался на оперативный простор. Где-то в полусотне метров за румийским строем вождь степняков дернул повод, останавливая его и поворачивая боком к врагам. Тут же, приложив согнутую ладонь ко рту, завыл волком. Степные воины, где поодиночке, где группками по три-четыре человека, начали выходить из боя и скапливаться за своим вождем. Сразу же, достав из налучей, прикрепленных к седлам, изогнутые луки, начали засыпать строй румийцев стрелами.

К своему облегчению, я разглядел на крупе коня одного из последних степных всадников, вырвавшихся из схватки, живого и, похоже, невредимого Хегни. Всего прорвалось около сорока степняков. Все они, и Хулагу, в том числе, увлеченно метали стрелы в, пытающихся восстановить разорванный строй, румийцев. Удалось последним это невероятно быстро. Не прошло и минуты, как в полусотне метров от нас возникла сплошная стена плотно сбитых щитов, с торчащими над верхними их краями, макушками шлемов. Из под нижних кромок щитов были видны только ноги ниже колен, прикрытые поножами и калигами.

Через секунду послышалась протяжная команда, и строй медленно двинулся к нам.

Степняки увеличили темп стрельбы, хотя, казалось, быстрее стрелять уже невозможно. Стрелы находили щели в, кажущейся монолитной, стене. Время от времени, то один, то другой легионер, или валился с ног, или, корчась, отступал назад, прикрываясь щитами своих соратников. Прорехи в строю тут же заполнялись воинами из задних рядов. Румийцы не слишком быстро, но вполне себе уверенно, приближались. Степняки, впрочем, на своих пляшущих лошадках, подавались назад, сохраняя все ту же дистанцию метров в пятьдесят-шестьдесят. Видимо, на меньшем расстоянии они рисковали попасть под убойный залп пилумов.

Я оглянулся в сторону устья лощины, откуда должны были показаться, отступающие к реке славы и варанги. Шум сражения раздавался совсем рядом. Скорее, ребята, скорее! Долго мы их не продержим! Наконец из лощины выметнулась группа, примерно, из трех десятков румийских всадников, сдерживающих отход варанго-славов. Остановились они буквально метрах в пятидесяти от нас, водимо, не сразу поняв, что к чему. По команде Хулагу, степняки ударили стрелами, по не ожидавшим такого сюрприза, румийцам. Щелканье тетив, крики гибнущих людей, ржание раненых лошадей. С всадниками было покончено в десяток секунд - стрельба в упор из мощных, очень похожих на монгольские луков, страшное дело. До рукопашной даже не дошло - румийцев выкосили вместе с лошадьми. Пехота, наступающая нам на пятки, увидев почти мгновенную гибель своих кавалеристов, перешла на бег. Всадники Хулагу вновь ударили по ней стрелами. Потерявший, было, плотность строй, снова уплотнился, правда, для этого легионерам пришлось опять перейти на размеренный шаг, давая отступающим нашим, так необходимую фору по времени.

Еще несколько, кажущихся бесконечными, минут, и из лощины, наконец-то, появилась плотная кучка, отступающих варанго-славов. Их уже догнал отряд пехоты, двигавшийся от палаточного городка и теперь нашим приходилось, отступая, отбиваться от наседающих легионеров. Увидев эту картину, румийцы, наступающие на нас, снова попытались ускориться, но потеряв сразу десятка полтора человек из первой шеренги, опять перешли на прежний темп. Однако стрел в колчане Хулагу, как я хорошо видел - висел тот у него за спиной, прямо перед моим лицом - осталось совсем чуть. Надо было поторопить наших. Спрыгнув с крупа коня, я, как мог быстро, подволакивая раненую ногу, бросился к пятащемуся строю варанго-славов. Тут же услышал за спиной глухой топот бегущего человека. Оглянувшись, увидел, догоняющего меня Хегни. Он даже сохранил свою рогатину. Молодец мужик! Разглядев среди варангов, возвышающегося над всеми Лотара, заорал:

- Быстрее к кораблям! Враги с тыла!

Тот оглянулся, быстро оценил обстановку и что-то крикнул своим соратникам. Они начали, было, пятиться быстрее, но сцепившиеся с ними румийцы, усилили натиск и отступление опять замедлилось. Я попытался дернуться на помощь, но Хегни придержал меня за локоть.

- Ты им не поможешь, господин, скорее помешаешь - они начнут биться за тебя, а не за себя, как сейчас.

Резон в словах варанга был, и я остался стоять на месте, в бессильной ярости сжимая рукоять меча. Глянув в сторону степняков, сдерживающих второй отряд румийцев, увидел, что стрелы у них кончились. Легионеры опять перешли на бег. Отступающие из лощины, вырваться из смертельных тисков явно не успевали. Попытался дернуться уже к степнякам - нужно было любой ценой затормозить бегущих румийцев. Хулагу опередил. Опять волчий вой, правда, в несколько иной тональности, чем в прошлый раз и его всадники быстро сбились в плотный - колено к колену - строй. Опять крик вождя степняков, переходящий почти в визг. Степняки, подхватив этот крик-визг, прищипорили лошадей и бросились в атаку, на остановившихся и снова уплотнивших строй, наступающих вдоль берега, легионеров. Атака была самоубийственной, как стало понятно мгновение спустя. Атака на готовых к ней румийских пехотинцев, это не атака на них же с тыла на марше, как было несколько минут назад. Метров за двадцать до строя, степняков встретил залп пилумов. Первые ряды всадников с грохотом доспехов, предсмертными воплями и диким конским ржанием рухнули на землю, взметывая в воздух рыхлый песок. Скачущие за ними, по большей части, сумели перемахнуть через сраженных товарищей, но плотный строй, при этом, неизбежно расстроился, да и скорость разбега основательно замедлилась. Поэтому до первой шеренги

румийцев доскакала уже рыхлая кучка всадников числом чуть больше половины от, начавших атаку. Здесь их встретил плотная стена щитов с торчащими из-за них копьями. Степняки честно пытались пробить лошадьми эту стену, но, оставив на копьях еще десятка полтора своих товарищей, откатились назад. Остановились они рядом со мной и Хегни, с бессильным ужасом, следящими, за развернувшейся трагедией. Уцелело их не больше десятка.

Хулагу осадил своего пошатывающегося вороного прямо передо мной и быстро соскочил с седла. У жеребца, словно только этого и ждавшего, подогнулись ноги, он издал ржание, полное боли и упал на бок. Из двух глубоких ран на его груди, пузырясь, струились потоки крови. Вождь степняков обхватил голову умирающего коня и что-то зашептал ему в дрожащее ухо.

Атака, обошедшаяся степнякам так дорого, дала главное - время. Отступающие варанги и славы почти допятились до корабельных причалов. Бой теперь шел правее нас. Но из лощины показался еще один отряд пехоты, где-то в сотню человек, который бегом направился в нашу сторону. Легионеры, наступающие вдоль берега, так же перешли на бег. Пора было подумать о спасении оставшихся в живых, степняков, Хегни, ну и себя, любимого. Я оглянулся на реку, прикидывая, какой корабль для этого выбрать. У ближнего к нам причала покачивалось довольно крупное судно, на нем, пожалуй, должны были уместиться даже лошади. Но, самое главное, с корабля нам призывно махали какие-то люди, то ли, остававшийся на нем экипаж, то ли, спасшиеся из палаточного городка, беглецы. Разницы, в общем-то, не было, главное - судно готово к отплытию. Тронув за плечо, стоявшего на коленях рядом с умирающим жеребцом, вождя кочевников, я сказал:

- Надо уходить, Хулагу. Быстро уходить.

Тот поднял голову. По щекам степняка текли слезы. Вытерев лицо рукавом, он кивнул, вынул из ножен на поясе кривой кинжал и быстро, с силой вонзил его вороному куда-то под ухо. Конь всхрапнул и судорожно вытянулся. Хулагу вскочил на ноги и скомандовал:

- Спешиться!

Степняки спрыгнули с лошадей в готовности выполнить следующую команду вождя. Тот вопросительно глянул на меня. Я показал на судно, с размахивающими руками, людьми. Хулагу кивнул, гаркнул команду и махнул рукой в сторону корабля. Степняки, не мешкая, двинулись в указанную сторону, ведя лошадей в поводу. Последний вел сразу двух коней, в одном из которых, я с удивлением опознал подаренного мне вчера вороного жеребца. Надо же, сберегли коняшку. Румийцы, которых мы, не безуспешно сдерживали, тем временем, уже приблизились на расстояние броска пилумов. Пора было ретироваться. Понимая, что первыми ни Хегни, ни Хулагу не побегут, пришлось возглавить драп. За спиной я с облегчением услышал топот двух пар ног. А то, в голову моим новым друзьям вполне могла прийти самоубийственная идея прикрыть отход посланника богов. Прогрохотав по доскам причала, мы перепрыгнули через борт, уже начинающего отваливать, корабля. Довольно сильное течение подхватило суденышко и, разворачивая его носом вперед, потащило за собой. Подбежавшие к берегу румийцы, издали крик ярости и разочарования.

- Пригнись! - рявкнул Хегни.

Укрывшись за бортом, я услышал частый стук, втыкающихся в него, метательных копий. Потом раздался вскрик боли и ржание нескольких, видимо, тоже раненых лошадей. Оглянувшись, я увидел вставшего на дыбы, пятящегося степного коня, с торчащим из бока копьем. Он допятился до борта, с диким ржанием превалился через него и, взметнув фонтан брызг, рухнул в воду. Вторая лошадь билась в агонии на палубном настиле. Досталось и молодому парню, из экипажа судна. Пилум попал ему в солнечное сплетение и тот, беззвучно открывая рот, корчился на палубе.

Второго залпа не последовало - течение унесло наш корабль уже достаточно далеко. Я высунулся из-за борта - посмотреть, как дела у варанго-славов. Человек десять из их отряда сдерживали у причала, наседающих легионеров, а остальные заканчивали посадку на судно, вроде драккара. Такие корабли я видел дома на картинках в исторических книжках. Осталось их, похоже, не более полусотни. Как только основная группа забралась на корабль, воины, сдерживавшие румийцев - кажется, это были варанги - одновременно развернулись, закинули щиты за спины и припустили, к начинающему отчаливать, кораблю. Трое не добежали, настигнутые пилумами. Остальные, перескочив через расширяющуюся полосу воды между

судном и причалом, укрылись за высоким бортом. Драккар, подхваченный течением, понесло вслед за нашим судном. У преследователей, похоже, не осталось сил даже на крик разочарования. В след полетело только несколько копий, никого, вроде бы не задевших.

Нам пилумов можно было уже не опасаться. Я поднялся во весь рост и осмотрелся. Кораблик, на который погрузился Туробой с раненой Валькой несло течением метрах в ста впереди нас. Начинало светать. Ночь, которой, казалось, не будет конца, уходила, давая дорогу раннему утру. Маленькая желтая луна пропала - видимо, зашла. Голубая луна в предутренних сумерках поблекла и тоже клонилась к горизонту. Еще были видны самые яркие звезды. Корабль наш, вслед за речным руслом повернул направо и мне стал очень хорошо виден городок Святый, казавшийся теперь, почти родным. Городок горел. Горел весь. Румийцы, похоже, не поленились поджечь каждое здание. Языки пламени метались над гибнущим городом, сталкивались, выбрасывая в сереющее утреннее небо, рои искр, которые в горячих восходящих потоках воздуха взлетали, казалось, выше редких, розовеющих в лучах пока невидимого солнца, облаков.

Глава 13

Под копытами Воронка чавкала грязь. Черная, жирная. Вся почва вокруг Кийграда сплошной чернозем. Тот самый образец, которого хранится в моем мире в качестве эталона, кажется, в Париже. Вот только под дождем, да еще перемешанный тысячами ног и копыт этот самый чернозем превращается вот в такую, налипающую на ноги в виде безобразных лаптей, тестообразную массу. А дождь лил, почти не переставая, пятый день. Местные старожилы говорят, что такое было в последний раз лет тридцать назад. Ну, правильно - еще только конец лета, даже не начало осени, а зарядили такие, типично осенние дожди. Да и южнее стольный град, привычной мне средней полосы России. Тем более, рановато для осени. Но дождь лил. Мелкий, промозглый, переходящий, периодически, в ливень. Местный плащ, в который я пытался кутаться, почти не помогал. Промокшая одежда неприятно холодила спину. С капюшона, пришитого к плащу и наброшенного сейчас на мою голову, капали, разбиваясь о переднюю луку седла, крупные капли. Бр-р-р! Мерзость! Может попробовать разогнать эту серую пелену, закрывшую небо. Вдруг местные боги даровали мне и такую способность? А ну-ка! Я представил, как, появившийся откуда-то ветер, разметывает тоскливую небесную хмарь, открывая чистое голубое небо и еще теплое летнее солнце. Ветер не появился, облака остались на месте. М-да.... Здешняя погода мне явно неподвластна.

Ехал на дарённом Хулагу вороном жеребце. За прошедший месяц, мы с ним подружились (с жеребцом, в смысле, Хулагу уехал собирать степное войско нам в помощь), и я даже научился держаться в седле, водруженном на его спине - благо, стремена здесь уже придумали. Держался, правда, не слишком уверенно. В том смысле, что особо резких движений старался не делать, галопом не скакать, про то, чтобы верхом повоевать, даже не думал. Туробой каждый день тренировал меня, но успехи были весьма скромными.

Ехал по главной улице лагеря ополченцев, собирающихся у Кийграда. Меня сопровождали десяток воинов из ближней дружины, Хегни - их командир, ну и, конечно, мой безмолвный и преданный друг-телохранитель - Туробой. Выбираться из теплого сухого жилья нам пришлось для торжественной встречи очередного крупного воинского контингента, прибывшего издалека - из самого северного славского княжества Новугородского. Со столицей, расположенной на реке Волхв и носящей до боли знакомое название - Новуград. Ну да я уже перестал удивляться таким совпадениям - Новуград, так Новуград. Москвы здесь нет, интересно? Не слышал. Наверное, еще рано для нее. Пока все окружающее до боли напоминало языческую Киевскую Русь.

Новуградцы у славов считались крутыми воинами. Чуть слабее кийградцев, как считали жители южной столицы. Считали ли так северяне, не знаю. Надо будет спросить. С ними шел довольно многочисленный отряд варангов-добровольцев. Большая редкость, надо сказать: местные викинги предпочитали выступать в качестве наемников, а в идеале - в качестве вольных пиратов. В крайнем случае, торговцев. Платить этим добровольцам, конечно, все равно придется. Об этом мне намекнул Велимир, уцелевший в ту ночь, когда был сожжен, городок Святый и перебита куча народа. Остался жив и Лотар, хоть и получивший

несколько ран. Не слишком тяжелых, впрочем. Под его команду я и предполагал отдать, прибывающих с Новуградцами, варангов. Под воеводу-слава они не пошли бы - неуместно. Блин! Вообще, собирающееся ополчение войском назвать можно было весьма условно. Каждый князь, князек и князишка мнил себя охрененным полководцем, даже если приводил полсотни человек, причем, иногда кое-как вооруженных. Шли в подчинение к кому-то они весьма неохотно. Но и влившись в какой-либо отряд, периодически учиняли свары, которые приходилось разбирать мне лично. Для этого не хватало авторитета даже у Велимира. Не смотря на всю похвальбу, тогда на пиру, влияние его ограничивалось только княжеством царских славов. И влияние это было весьма относительным. Беспрекословно повиновались князю Кийград и его окрестности, отстоящие от столицы километров на семьдесят-сто. Справедливости ради надо сказать, что войско, им собранное, было пока самым многочисленным, хорошо вооруженным, а, главное, относительно дисциплинированным. Посмотрим, что из себя представляют знаменитые Новуградцы.

Остальные воинские контингенты, как я уже говорил, не радовали. Желание драться, конечно, было - этого не отнять. Видно румийцы достали местный народ конкретно. Но желания, сами понимаете, мало. Если дружины князей и бояр были вооружены еще более или менее прилично, то отряды прочих добровольцев прибыли на войну кто с чем, некоторые просто с дубинами. У Велимира был припрятан от румийцев небольшой арсенал, но его хватило меньше чем на два дня. Кузницы работали день и ночь, выковывая оружие, но этого было мало.

Обучены ратному делу пейзаю, составлявшие более половины численности войска, были весьма слабо. У городских жителей дело обстояло получше. И с вооружением и с ратными умениями: дважды в год в городах проводились, своего рода, учения, или воинские сборы. На случай осады. Да и в походы князя их периодически рекрутировали в качестве пехоты. Помимо этого в ополчение вливались ватаги местного аналога казаков, сильно похожих на разбойников. Эти воевать умели. Да и вооружены были прекрасно. Вот только с дисциплиной у них было совсем никак.

Боевое взаимодействие в войске - главное. А у нас с этим была сплошная проблема. Каждая дружина, сама по себе, была вполне боеспособным подразделением. И воины в ней были умелые. Но вот собранный из пяти таких дружин, полк действовал откровенно слабо - я проверял. В атаке он рассыпался на все те же, его составляющие дружины, которые действовали каждая сама по себе. А что уж говорить про действия нескольких полков, слепленных подобным же образом....

С пехотой было полегче: необученность крестьян тут играла на руку. Они без возражений и амбиций выстраивались в ряды, пытаясь изобразить, что-то вроде местной разновидности фаланги. Такой строй здесь был изобретен давно и назывался просто и незатейливо - стена. Ребята честно старались, но получалось пока не очень - понятно, нужно время. Горожане, этой премудрости были обучены. Кто лучше, кто хуже. Но было их не очень много - пять с небольшим тысяч. Самых умелых из них я командировал в качестве учителей-командиров к крестьянам. Из оставшихся сформировал отборный пеший полк, в четыре с половиной тысячи бойцов. Численность крестьянской пехоты приближалась к двадцати тысячам. Из них было сформировано еще четыре полка.

Общее количество кавалерии было где-то пятнадцать тысяч, и была она сведена в четыре конных полка по три тысячи всадников в каждом, плюс три полка легкой конницы по тысяче человек, сформированных из казаков-разбойников. Их я предполагал использовать для разведки и в качестве этаких полупартизан для беспокоящих действий в тылу противника.

Ну, о боевых качествах этих полков уже было сказано. Главная проблема - неуправляемость всей этой массы людей. Пока не удавалось организовать их даже здесь, в лагере: шатания кого попало, где придется; самовольные отлучки на несколько дней, иногда даже целых отрядов; нежелание учиться отрабатывать боевое взаимодействие; появились даже случаи грабежей окрестных жителей, хотя, снабжение Велимир организовал вполне приличное. Теперь я понимаю, как два потрепанных монгольских тумена Субедея и Джебэ в 1223 году на реке Калке разгромили наголову сто тысяч (если верить летописям) сборного войска южнорусских князей. Организованность, налаженное взаимодействие и дисциплина войск во все времена - превыше всего.

Я пока не делал резких движений - не до конца разобрался во всех тонкостях местной жизни, боялся наломать дров. Да и великий князь воспринимал все происходящее, как должное. Думалось, что притрется народ друг к другу, пообвыкнет, возникнет боевое братство, чувство локтя. Какое там! Теперь, спустя почти месяц после начала сбора ополчения, я начал понимать, что само собой все это безобразие не устаканится. Нужно принимать меры. Меры жесткие и непопулярные. И во что это выльется - только местным богам и известно. Но выходить против стальных легионов румийцев с этим, не побоюсь этого слова, сбродом - чистое самоубийство. И для себя и для войска.

Кстати, о румийцх. Кийград от них, понятно, был уже очищен. Еще до нашего прибытия на тех двух лодьях (Туробоя с Волеславой пересадили к нам). Волной народного гнева. Было это, правда, не так уж сложно: почти весь гарнизон отправился с карательной миссией в Святый. Остававшиеся две центурии, поняв, что запахло жареным, построились в черепаху - прямоугольник, закрытый со всех сторон щитами, и ошетилившийся копьями. В таком строю, они промаршировали от Цитадели, или, по-другому - Горы, расположенной на высокой прибрежной возвышенности, через Подол до западных ворот, миновали их и ушли по Готской дороге на северо-запад. В городе местный народ атаковал их вяло - зачем, и так видно, что убираются восвояси. Да и лезть с дрекольем (нормальным оружием в начале восстания еще мало кто обзавелся) на эту железную черепаху - почти верная смерть. За городом румийцев совсем оставили в покое.

После такого вот, почти бескровного восстания, кийградцы пару дней праздновали обретение долгожданной свободы. Могли и дольше, но, к счастью, нашелся человек, прекративший вакханалию и подготовивший город к обороне: ожидалось возвращение от Святого румийского отряда - бывшего гарнизона Кийграда. Человеком этим оказалась супруга Велимира Мирослава. Весьма харизматичная женщина. Ничем не уступающая, в этом смысле, мужу. Причем, красавица, красивая зрелой женской красотой. Похожая на Вальку, кстати. Или, правильнее сказать, Валька была похожа на нее. На вид ей было лет тридцать, но учитывая возраст дочки, реально должно было быть больше.

В общем, собранное в срочном порядке небольшое, но хорошо вооруженное из мужниных заначек воинское подразделение, быстро навело в городе порядок. Потом Мирослава мобилизовала наиболее боеспособных из жителей для круглосуточного дежурства на стенах. Предосторожности оказались не лишними: румийский гарнизон таки вернулся. Постоял полдня под стенами. Командиры его, теперь в качестве осаждающих, оценили их высоту, крепость, количество защитников и их решимость драться до конца. Потом посчитали свои силы. Было этих сил не слишком много. Во всяком случае, для штурма такого крупного города. Пообедав, румийцы свернули лагерь и убрались все по той же Готской дороге, по которой три дня назад ушли две сотни их соратников. А на следующее утро прибыли мы, изрядно пропетляв по извилистому руслу речки, на которой стоял град Святый и, поднявшись километров семьдесят вверх по течению Донеpra к Кийграду.

Встретили нас радостно, хоть и сумбурно - не ждали, не готовились. Румийцы, прежде чем уйти, успели наврать, что расправились и со мной и с великим князем. Так что уныние, воцарившееся в городе, сменилось буйной радостью по поводу появления уже похороненной, было, надежды нации в лице меня.

Прокуратор румийцев, руливший оккупированными славскими княжествами и сидевший вместе с не слабым войском в Лютеции, расположенной, как я уже говорил, в верховьях Донеpra, судя по местным картам примерно на месте нашего Смоленска, спускаться всего этого безобразия, естественно, не собирался. Шпионы Велимира доносили, что румийское войско вот-вот выступит из этого осинового гнезда в немалой силе.

В организованный мной 'генштаб' нашего ополчения входили: ваш покорный слуга, великий князь царских славов Велимир, местный верховный жрец Осмомысл, великий князь вятичей Храбр, пять, считающихся удельными, но по факту, вполне независимых князей довольно крупных княжеств, десяток опытных воевод и мой Хегни на закуску. Так вот, 'генштабисты' посчитали, противостоящие нам силы румийцев. Расклад получался не внушающим оптимизма. Шесть полнокровных легионов по шесть тысяч пехотинцев в каждом плюс по десять турм конницы в каждом (еще триста шестьдесят человек). Итого, где-то тридцать восемь тысяч. Четыре отдельные алы тяжелой кавалерии по восемнадцать турм в

каждой. Это еще две с половиной тысячи. Пятнадцать тысяч вспомогательного войска. Из них пять тысяч сарматской тяжелой конницы, пять тысяч тяжелой готской пехоты и пять тысяч легких конных герульских стрелков. Сколько получилось? Правильно: сорок одна тысяча пехоты и почти пятнадцать тысяч кавалерии. Подчеркну, прекрасно обученной и хорошо вооруженной пехоты и кавалерии, скованной железной дисциплиной. Еще к ним присоединился бывший Кийградский гарнизон, не понесший особо ощутимых потерь, в карательной операции в Святом. А это еще около полутора тысяч конницы и пехоты.

Что имели мы, я уже говорил: около двадцати пяти тысяч пехоты, двадцать тысяч из которой - только начавшие обучение, плохо вооруженные крестьяне и пятнадцать тысяч разношерстной конницы, состоящей из небольших отрядов, норовящих действовать в бою каждый сам по себе.

Народ, правда, продолжал прибывать. Новуградцы, встречать которых мы сейчас ехали, насчитывали в своих рядах, по имеющимся сведениям, тысяч пять хорошей пехоты и с тысячу конницы. Плюс около трех тысяч варангской пехоты. Если бы у нас был еще месяц, то численность нашего горе-войска могла достигнуть ста тысяч. Опять же Хулагу через пару недель должен был привести не менее пятнадцати тысяч степной конницы. Тогда был бы шанс взять противника, хотя бы числом. Но месяца не было. Румийцы со дня на день должны были выступить, а может уже, и выступили. Вести от соглядатаев доходили с запозданием - радио здесь еще не изобрели. Ждать врагов здесь было нельзя. На беслесной, относительно ровной местности, которую представлял собой ландшафт под Кийградом, нам ловить было нечего - раздавят строем, выучкой и организованностью. Садиться в осаду с такой прорвой народа - вымрем с голоду. Запасов в городе мало, а собрать приличное их количество, опять-таки не хватит времени.

Нужно было перехватывать румийцев на пути сюда, в неудобной для правильного боя местности, в идеале, напасть внезапно, из засады, когда войско будет на марше. Примерно так я и сформулировал задачу для своего 'генштаба'. Думали и спорили до хрипоты они целый день, а к вечеру пригласили ознакомиться с плодами своего творчества.

Румийцы не любили перемещать свои войска по рекам, в отличие от славов, или тех же варангов. Видимо, они считали, что сильные строем легионы на небольших речных судах становятся слишком уязвимыми для привычного к такому виду боя противника. Потому всегда двигались пешим порядком. Наверняка так они будут двигаться и в этот раз. Причем, маршрут их было легко предугадать. Прямая дорога от Лютеции до Кийграда имела только одна. Существовала она еще до румийского завоевания. Правда, в качестве, так называемого 'зимника' - дороги, которой пользуются, в основном, зимой в качестве санного пути. Завоеватели довели ее да ума - спрямили, подсыпали, и даже вымостили. Снабдили паромными переправами водные преграды, построили почтовые станции. Шла дорога, судя по карте, почти точно с севера на юг, чуть отклоняясь к западу. Здешние румийцы, так же как и римляне моего мира были, малость двинуты на почве хороших дорог. Хотя, скорее тут имел место чистый прагматизм - для быстрой переброски войск и качественной почтовой связи в любое время года и в любую погоду нужна была сеть дорог с твердым покрытием, вот и все.

Итак, единственный путь - эта самая дорога, называемая местными жителями Лютецкой. Две трети ее северного участка проходили по лесистой, местами болотистой местности. Именно там, по мнению 'генштаба' и предполагалось встретить врага. Один из воевод, основательный такой мужчина, больше центнера весом, с лопатообразной черной с проседью бородой, обширной лысиной, хитрыми, спрятанными под густыми бровями, глазами, по имени Дубыня хорошо знал тамошние места и предложил конкретное место для засады. Находилось оно где-то на полпути до Лютеции. Чтобы успеть туда добраться раньше румийцев выступить нужно было еще вчера. Но мы ждали Новуградцев, а еще ночь им нужна для отдыха. Так что выйти получится только завтра с утра.

Наш, с позволения сказать, воинский лагерь располагался на берегу Донебра, сразу за укреплениями Посада, ниже по течению. Здесь же располагались причалы. Очень удобно - припасы доставлялись, в основном, по реке, далеко таскать не надо. Да и пополнение, по большей части, прибывало тем же водным путем. Сюда же вскоре должны были прибыть и северяне. Паруса их судов на реке наблюдатели засекли уже с полчаса назад, о чем и сообщили. Вот для их встречи и пришлось выбираться под дождь. А что поделаешь -

политик.

Организацию торжественной встречи, как обычно, взяла на себя Валька. Сейчас она суежилась у причалов, инструктируя девиц, подносиц хлеба-соли. Здесь, оказывается, тоже есть такой обычай, причем относится к нему не в пример серьезнее, чем у нас. Есть в нем, как выяснилось, какой-то сакральный смысл. Я свой инструктаж уже получил. В общем, ничего нового - стандартная речь, таких произнесено немеряно, разбуди среди ночи, отбарабаню без запинки.

Со здоровьем у моей единственной выжившей жрицы, слава богам, все в порядке. Недаром воздаю славу - местные боги наградили меня еще одним неслабым ништяком, действующим, как и умение биться на мече, по моему первому хотению. Чего, к сожалению, нельзя сказать про остальные, явленные при испытаниях, способности. Особенно жалко утерянные почему-то летательные навыки: как вспомню тот единственный полет - дух захватывает. Так вот, о ништяке. За три дня, которые мы добирались до столицы, Вальке нисколько не получило, скорее, наоборот. Кровь из поврежденного легкого, правда, идти перестала, но повысилась температура, причем, судя по всему, весьма существенно. Появился кашель с кровавой мокротой, от еды девчонка отказывалась, только пила. Видимо, в поврежденное легкое проникла инфекция, вызвавшая пневмонию. Наверное, могли бы помочь антибиотики, только где их здесь взять? В общем, Валька таяла на глазах. Ее отец, Велимир совсем извелся, почти не отходя от дочери. Даже не думал, что в этом суровом средневековом владыке имеется столько любви и нежности. Я тоже, конечно, переживал: привык к ней заразе, что ли?

Уже когда мы вышли в Донеpr, утром третьего дня плавания, отчаявшийся Великий Князь подошел ко мне и прерывающимся голосом попросил сделать, хоть что-нибудь. На мое, вроде бы резонное недоумение, Велимир попытался встать передо мной на колени и предложил обратиться за помощью к богам. Ведь я же их посланник, как ни как. Железный, надо сказать довод. Подумалось: а пуркуа бы, собственно, и не па? Как говаривал один мой знакомый знаток французского из прежней жизни. Что я теряю, кроме авторитета, в случае неудачи? А Вальку, все же жалче, чем авторитет.

Сказано - сделано. Я, как всякий, уважающий себя врачеватель, помыл руки заборной водой, вытер их услужливо протянутым кем-то рушником и решительно вошел в полотняный шалашик, расположенный в середине нашей ладьи, позади мачты и, служащий каютой, для единственной среди нас женщины. Валька была в сознании, но выглядела откровенно плохо: на щеках выступил нездоровый лихорадочный румянец, лицо похудело, черты его заострились, дышала тяжело, а в груди при каждом вздохе что-то клокотало и хрипело. Черт! Ближайшую ночь, похоже, моя боевая подруга не переживет. Ладно, приступим. Знать, только бы еще как? Я опустился на колени перед низким ложем и взял в ладони ее руку, лежащую на груди. Рука была горячей. Очень. Валентина судорожно вцепилась в мою кисть, словно ища помощи, и с видимым трудом прошептала:

- Ты пришел спасти меня?

Глаза ее заблестели навстречившимися слезами. В голосе было столько надежды и желания жить, что меня пробрало до печенок. У самого слезы подступили, ей богу. Умирали у меня на руках люди - было, но это были мужики, солдаты, а тут, строго говоря, сопливая девчонка. Хотя, помнится, мужиков тоже было жалко.

- Все будет хорошо, - стараясь придать уверенности голосу, сказал я.

Но сказать проще, чем сделать. Где находится место, куда попал румынский пилум, я представлял хорошо. Сам осматривал раненую на правах, пусть и недоучившегося врача. Сам же накладывал и тугую повязку на грудную клетку. Было это место на три пальца правее грудины. Удар пришелся в четвертое ребро, сломав его и вдавив отломки в легкое. Строго говоря, нужна была операция, но так далеко моя квалификация, как хирурга, не распространялась. Понадеялся, что организм сам справится. Не справился....

- Положи руки вдоль тела, - попросил я Валентину, - закрой глаза и постарайся не шевелиться.

Потом повторил:

- Все будет хорошо.

Моя пациентка послушно выполнила все указания. Я положил скрещенные ладони на

больное место и мысленно воззвал к здешним богам о помощи. Проходила минута, вторая, но ничего не происходило. Валька беспокойно шевельнулась, видимо догадавшись, что ничего у недоделанного посланца не получается, потом открыла глаза. Поняв по моему растерянному виду, что дело плохо, она вздохнула и в глазах у нее появилась такая горечь и обреченность, что сердце мое от жалости, буквально сжалось, простите за высокий стиль. Видимо, именно это и помогло. Местным богам, черт бы их драл, чтобы включиться, нужны были, судя по всему, сильные эмоции. Мои эмоции. Опять на несколько мгновений застыло время, опять из прорыва в небе хлынул, видимый мной даже с закрытыми глазами, радужный поток. И опять, так же внезапно, все это закончилось.

В ходе всего этого действия я поднял голову, непроизвольно подставляя лицо под радужные струи. Когда все закончилось, опустил взгляд на Валентину и, в первый момент, перепугался. Глаза ее были закрыты, лихорадочный румянец со щек исчез, лицо стало спокойным и умиротворенным, а главное - я не слышал дыхания. Неужели умили девку? Но нет, моя пациентка, все же, дышала. Просто на фоне ее почти агонального дыхания, раздававшегося до этого, теперь она дышала почти неслышно. Грудь изредка чуть поднималась и опускалась. И, похоже, она спала. Вполне себе здоровым сном. Я, вначале осторожно, а потом в полную силу, пропальпировал больное место. Ребро было как новенькое. Валька, не просыпаясь, что-то недовольно пробурчала, повернулась на бок и продолжила дрыхнуть. Честно сказать, вот такое мгновенное исцеление поразило меня больше, чем все предыдущие чудеса. Просто я немного представлял, что для этого должно произойти в организме. Нужно вернуть на место, сместившиеся и воткнувшиеся в легкое, отломки ребра, срастить их, восстановить порванные ткани легкого, убрать из организма, попавшую туда инфекцию и еще кое что по мелочи.

Пребывающий в состоянии глубокой задумчивости, я вышел из каютки. Увидев мой такой вот весь задумчивый вид, Велимир схватился за сердце.

- Умерла? - одними губами прошептал он.

- Все нормально, здорова Волеслава, - успокоил я его.

Князь метнулся в шалаш и через минуту, сияя, выскочил оттуда с радостным воплем, тут же подхваченным экипажем корабля.

Способность к целительству никуда не исчезла, как и искусство владения мечом. Удалось вылечить всех раненых на обеих лодьях, в том числе двух безнадежных, с ранениями в живот и развившимся до последней стадии перитонитом. Излечение происходило мгновенно. Черные, дурно пахнущие раны закрывались на глазах, как только их касался радужный поток, спускающийся с небес. Видел его, повторюсь, только я. Для остальных наблюдателей излечение происходило при прикосновении моих рук к страждущему.

Кстати, моя рана исчезла тоже. Видимо, когда лечил Волеславу. Просто, пораженный всем произошедшим, я не сразу обратил на это внимания.

Эта, прорезавшаяся у меня способность, разнеслась среди жителей Кийграда и окрестностей и уже на второй день после нашего туда прибытия, ко мне каждые пять минут приставали люди, жаждущие исцеления. Чтобы хоть как-то упорядочить процесс, я попросил довести до населения, что заниматься этим делом буду каждый вечер во дворе малого княжеского дворца, отведенного мне под жилье. Облегчило мою участь то, что, как, оказалось, лечить можно оптом сразу до сотни человек и даже больше. Так что, дождавшись сбора всех убогих, я выходил на крылечко, вскинув для пущего эффекта руки к небесам, вызывал радужный поток. Потом под восторженные крики исцеленных раскланивался, как на сцене и удалялся в свои покои. С каждым днем пациентов становилось меньше - славы, оказывается, были удивительно здоровым народом.

Поселили меня, как я уже сказал, в малом княжеском дворце. Находился он рядом с большим, в котором жил сам Велимир с семьей, родней, многочисленной челядью и ближней дружиной. Располагались оба дворца на Горе - древнейшей и лучше всего укрепленной части города. Помнится, в древнем Киеве моего мира имелось очень похожее место с таким же названием. Кстати, здешняя столица название получила, также по имени своего основателя - Кия. Князя, первым объединившего южнославянские племена лет триста тому. О его братьях Щеке, Хориве и сестре Лыбеди местные сказители ничего не слышали. Ну, хоть тут не совпало, а то чокнуться с этим миром можно.

С помощью Вальки, я набрал прислугу для обслуживания моего нового места жительства. Хегни в это время активно вербовал народ в мою ближнюю дружину, отдавая предпочтение своим землякам. Иногда в процесс вмешивался Туробой, в пользу своих соплеменников. Вмешивался, судя по всему, по делу - до сих пор Хегни ни одному из его кандидатов от ворот поворот не давал. На сегодняшний день дружина насчитывала пятьдесят два прекрасно вооруженных всадника. В вопросе их профпригодности полностью положился на этих своих двоих силовиков. Жалованье Хегни им определил не маленькое. Да и содержание прислуги обходилось не дешево. Но Велимир деньги на все эти расходы выдавал по первому требованию. Когда я поинтересовался у него, не тяжеловаты ли для казны эти дополнительные расходы, тот пояснил, что с первого дня нашего прибытия в Кийград он ввел налог на мое содержание. Плюс добровольные пожертвования от разных слоев населения. Вот жучара. А мне денег дает с выдачей, по счету. Правда, выделяет еще на 'карманные расходы'. Ну да ладно. Тут на прокорм и вооружение войска денег уходит прорва. Пусть его.

Уже на следующий день после прибытия в столицу, по настоятельному совету Великого князя я нанес визит Верховному жрецу. Звали его Осмомыслом. Жил Осмомысл в своем дворце, расположенном на той же Горе, рядом с главным капищем местных богов. Капище занимало центральную часть Горы и представляло собой круглую, вымощенную красным, неизвестно откуда доставленным гранитом, площадь радиусом метров семьдесят с маленьким, круглым в плане храмом в ее центре. В храме горел неугасимый огонь. Естественный выход природного газа, что ли? А может и магия. После всего со мной случившегося поверю и в это. Кийградское капище считалось главным на юге Славии. На севере имелось свое - в Новуграде. Соответственно, там имелся и свой верховный жрец. Особой конкуренции, как я понял, между ними не существовало. Два центра, похоже, были устроены просто для удобства паствы. Увидеться с Верховным жрецом мне хотелось и самому. Помнится, Валька обещала, что тот просветит меня по поводу судьбы моего предшественника, которым, как я надеялся, был Андрей. А кто же еще мог сюда попасть восемь лет назад, как раз тогда, когда на озере пропал мой друг?

Принял меня Осмомысл в помещении, которое в более поздние времена станут называть кабинетом. Не сильно просторная каморка с узкими окнами-бойницами, огромный стол из светлого дерева, несколько удобных плетеных кресел вокруг него, по стенам от пола до потолка полки с толстенными, потемневшими от времени, фолиантами. На стене напротив окон висела огромная карта здешней ойкумены, выполненная в том же стиле, что и та, которую показывала Валька в нашу с ней первую встречу. В одну из стен встроено что-то вроде камина. Х-м, а у меня такого во дворце нет. Надо будет заказать, когда разберусь с более насущными делами. Если разберусь....

Жрец, высокий костлявый старик с длинными, ниже лопаток, седыми, как снег, волосами и того же цвета бородой, примерно до пояса, сидел за столом в одном из кресел. Одет он был в какую-то серую хламиду до пят. Типичный такой Гэндэльф из Властелина Колец, только колпака на голове не хватало. Осмомысл что-то писал на свитке пергамента большим гусиным пером, периодически обмакивая его в массивную чернильницу желтого металла. Золотую, что ли? Кстати, писали здесь действительно чем-то вроде кириллицы. Некоторые буквы отличались, но понять написанное я мог, пусть вначале и с некоторым трудом. Кто пробовал читать старинные книги на старославянском, меня поймет. Здесь было даже проще - слова, в отличие от старославянского, были все понятными и легко узнаваемыми.

Обнаружив мое появление, жрец прекратил писанину, аккуратно вытер кончик пера тряпичкой, лежащей рядом на столе, потом присыпал написанное мелким песком, из стоящей здесь же емкости, сдул его с пергамента, аккуратно свернул пергамент в рулон, поднялся на ноги засунул свиток куда-то на полку, между книгами и только после этого соизволил ответить на мое приветствие.

- Приветствую тебя, посланец богов Виктор.

Никакой попытки опуститься на колени, как это делали, встречающиеся со мной местные высокопоставленные особы, только легкий вежливый кивок. Мало того, в голосе его мне слышалась легкая ирония. И откуда он знает мое имя? Вроде ведь договорились с Велимиром его пока не афишировать - посланник и посланник. Интересное кино!

- Вы хотели меня видеть, - так и захотелось добавить 'ваше преосвященство': как только жрец заговорил, он сразу стал похож на кардинала Ришелье из старого французского фильма.

- Не меньше, чем ты меня. Ведь так?

- Вынужден согласиться, - развел я руками.

- Что ж, присаживайся, - показал Осмомысл на одно из кресел. Уселся. Кресло было очень удобным. Похоже, старик умел ценить комфорт.

- Как дела на Земле? - был следующий вопрос Осмомысла.

Я чуть не поперхнулся. Немного отойдя от шока, переспросил:

- Где, извините?

- На Земле, - усмехнулся мерзкий старикашка. - Можешь не таиться. Ведь тебя засосало в ту же дыру на дне озера, что и Андрея. Ведь так?

Глава 14

Вот что поведал мне Осмомысл. Андрей попал сюда восемь лет назад. Его затянуло в подводную пещеру и появился он в этом мире, как и я, в том самом священном колодце. Прошел те же испытания, что и я. Так же успешно. Главной жрицей в то время была Ирийена, дочь мелкого вятического князька.

Сердце пропустило удар и застучало в ускоренном ритме.

- Простите, как звали жрицу? - перебил я Осмомысла.

- Ирийена, - повторил верховный жрец. - Что, знакомое имя?

- Не то чтобы.... Но.... А как она выглядела?

- Девчонка, как девчонка, - пожал плечами мой собеседник. - Довольно красивая, если тебя это интересует. И весьма умная.

- Блондинка?

- Что?

- Волосы светлые, или темные? - поправился я.

- Светлые, почти белые, насколько помню.

- Понятно....

- Что именно? Ты откуда-то ее знаешь?

- Может быть....

Ирийена.... Ирина.... Созвучно.... Опять же, если здесь меня встретила копия Валентины, почему бы Андрюху не встретить копии Ирины? Вполне логично. Зачем только здешним богам это надо? Юмор такой? Или бонус, утешительный приз, чтобы несильно расстраивались по поводу такого резкого жизненного зигзага? Помолчали. Нарушил молчание Осмомысл.

- Тогда продолжу, если позволишь. Согласно пророчеству миссия Андрея состояла в освобождении народа славов от румийского владычества. Как и твоя, впрочем. Но он был свободен в выборе способа этого освобождения. Будучи человеком рассудительным и здравомыслящим он не стал сразу собирать ополчение и вырезать румийские гарнизоны, а решил посоветоваться с умным человеком, разбирающимся во всех здешних хитросплетениях.

- И этим человеком оказался верховный жрец. То бишь вы?

- Ты проницателен, посланец.

- Да полно вам. Какой посланец! Вы же в курсе кто мы и откуда. Андрей ведь все рассказал, как я понял?

- Рассказал. Понятно, что вы оба не из Ирия. Да и есть ли он вообще, Ирий? Я в этом не уверен. Но вот сюда вы попали по божественному провидению. И прохождение вами испытаний это доказывает. Или у тебя есть тому другое объяснение?

Осмомысл остро глянул мне в глаза. Я развел руками - чего нет, того нет. Он усмехнулся.

- Вот видишь. Давай исходить из этого. С Андреем мы тоже сошлись на том. И так, твой друг прибыл в столицу и встретился со мной. У нас состоялся разговор, в котором я объяснил ему как у нас здесь и что. Заодно оценил, приобретенные им в ходе испытаний сверхспособности. Это Андрей их так назвал.

- Вы и это можете? - вновь перебил я собеседника.

- Могу. И не только оценить, но и сделать кое-что сам.

В голосе жреца послышались нотки гордости.

- Так вот, потенциал у него и у тебя высочайший. Здесь боги вас не обделили. Мне до такого далеко.

Теперь в голосе присутствовала грусть и, даже, легкая зависть.

- Но потенциал нужно развивать. И развивать под руководством человека, имеющего мощные магические способности.

- Все же магия? - опять не выдержал я. - В смысле, то, что мы проделывали на испытаниях и мои лекарские способности - это у вас называется магией?

- Ну да, - кивнул Осмомысл. - А что тебя так взволновало?

- Да нет, ничего. И много у вас людей, обладающих этим даром?

- Немного. Их почти нет. Сказать, хотя бы, что в славских землях таких всего трое: я, верховный жрец в Новугrade и отшельник в вятических лесах. Причем, последний сильнее нас обоих вместе взятых. Но и он, по сравнению с вами, как пятилетний ребенок и взрослый муж. Так, что в Славских землях никто развить ваш потенциал помочь не в силах.

- Но я же научился лечить. И не плохо. Говорят, после моего лечения даже утраченные конечности отрастают. Не сразу, правда, где-то за неделю.

Жрец грустно усмехнулся.

- Вот видишь. Нам такое и не снилось. И тому отшельнику тоже. Хотя он считается великим лекарем. Со всех окрестных земель страждущие к нему съезжаются. Но эта твоя способность лишь малая толика твоих возможностей, если их развивать. Кстати, как у тебя проявилась способность к лекарству?

Я подробно описал, что и как происходило.

- М-да... - Осмомысл подергал себя за мочку уха. - Это называется, снизошла благодать божия. Но слишком все это непредсказуемо. Никто не знает, какая способность, когда может понадобиться. И как срочно. А если в пиковой ситуации, даже если эта способность у тебя своевременно проявится, ты не успеешь ею воспользоваться, или не сообразишь как? А выходить на схватку с Черным Властелином без владения в совершенстве всеми способностями, которыми вас снабдили боги, нечего и думать.

- Схватка с Черным Властелином, вы сказали? - забеспокоился я. - А что, это совершенно необходимо?

- Скорее всего, да, - вздохнув, ответил жрец. - Посуди сам: допустим, мы громим гарнизоны румийцев, уничтожаем их войско, которое должно двинуться на Кийград из Лютеции, берем саму Лютецию. Что дальше? Рано, или поздно, Румийцы отправят из империи новые легионы, которые, скорее всего, покорят вновь славов и остальные соседние с нами народы. Ты, да и не только ты, плохо представляешь военный потенциал империи. А он, поистине, огромен. Но даже если мы объединимся с окрестными народами, соберем и обучим войско и отобьемся, что дальше?

Вопрос был риторическим и потому я промолчал, ожидая продолжения анализа военно-политической ситуации.

- А дальше нам придется держать это огромное войско в постоянной готовности, в ожидании нового нашествия из империи. А это очень накладно. Содержание такого войска может позволить себе империя с ее отлаженной государственной машиной, огромным населением, системой сбора налогов, развитым сельским хозяйством. Ничего этого нет ни у нас, ни у наших союзников. Разноплеменное войско через год просто начнет разбегаться. И что делать?

Действительно - что? Я был весь - внимание.

- Остается вторжение в пределы Румийской империи, с полным ее разрушением.

Вот так - ни больше, ни меньше. У Осмомысла не Бонапарт фамилия, случаем? Ладно, слушаем дальше.

- Но, если до этого дойдет, неизбежно придется столкнуться с Черным Властелином, - продолжал, тем временем, жрец. - Волеслава должна была тебе рассказать, чем все это закончилось для германцев много лет назад.

- Рассказала, - кивнул я. - А это не легенда? Такое действительно было?

- Было, - вздохнул Осмомысл. - Правда, с тех пор Черный Властелин больше не показывался из своего замка, но дань туда поступает исправно и его слуги иногда посещают румийского императора.

- Есть еще и император?

- Как не быть, - хмыкнул жрец. - Империя и без императора!

- Я думал этот самый 'черный' за него.

- Ну, нет. Властелин в жизнь людей почти не вмешивается. По крайней мере, последнюю пару сотен лет. Только, как я уже сказал, его слуги иногда посещают императора. О чем они говорят, никто не знает. Даже императорские приближенные.

- И где этот император сидит? Как зовут? Кто он, вообще?

- Сразу столько вопросов, - усмехнулся Осмомысл. - Отвечаю по порядку. Сидит в столице - Новом Руме. Это севернее Италийских гор.

Мой собеседник поднялся из-за стола, подошел к карте, висящей на стене, и ткнул пальцем куда-то повыше местного аналога Альп, туда, где в нашем мире, находилась Австрия.

- Огромный красивый город. Самый большой в мире. Говорят, там живет почти миллион человек.

- Новый Рум? - встрял я. - Есть еще и Старый?

- Есть. Вот тут на Италийском полуострове.

Осмомысл показал в то место, где в нашем мире располагалась столица Италии.

- Тоже большой город с полумиллионом населения. И даже, по слухам, более красивый, чем Новый.

Старик помолчал, видимо, ожидая еще какого-нибудь вопроса. Не дождавшись, продолжил.

- Зовут императора Тарквиний. Тарквиний двенадцатый. Это значит, что на румийском престоле до него уже было одиннадцать Тарквиниев.

- Понял, не дурак, - буркнул я.

- Лет ему около сорока. Крепкий мужчина. Суров, но справедлив. Это мнение подданных.

Помолчали. Потом я спросил:

- Так что же это такое - Черный Властелин?

- Некоторые считают, что это воплощенный бог румийцев, - после долгой паузы отозвался Осмомысл. - Хотя, он, вроде бы, существовал и до их вторжения в наш мир. Кто-то, вообще, считает, что он создатель нашего мира.

- Ну, об этом Волеслава мне говорила. Веселая перспектива - поединок с богом, не скромно как-то, не находите?

- А кто сказал, что будет легко? И не забывай - вы оба тоже посланцы богов. По крайней мере, я на это надеюсь.

- Вы все время упоминаете нас двоих. В плане борьбы с Черным Властелином. Меня и Андрея. Так, где он, Андрей?

Я затаил дыхание, в ожидании ответа. Жрец печально вздохнул. От этого вздоха сердце мое екнуло, предчувствуя очередные плохие известия. Сердце не ошиблось.

- Видишь ли, Виктор, - начал Осмомысл, - когда мы с твоим другом восемь лет назад взвесили всю эту ситуацию, то пришли к выводу, что восстание славов пока преждевременно.

- И что, Великий Князь Велимир ничего не возразил против этого? - опять не удержался я от вопроса.

- Тогда Велимир целиком полагался на посланника богов и принял это решение. Хотя и без восторга. Это теперь он сделал выводы из предыдущего опыта и сразу, пользуясь твоим появлением, объявил о начале всеобщего восстания и разослал гонцов союзникам, чтобы поставить посланника богов перед свершившимся фактом.

- Понятно. Так что же все-таки с Андреем?

- Если не будешь все время перебивать, узнаешь об этом быстрее, - с толикой раздражения, проворчал старик, прохаживаясь вдоль стены с картой.

Потом опять глубоко вздохнул и продолжил:

- Есть в Эллинском море остров.

Он ткнул пальцем в точку, расположенную в местном аналоге Эгейского моря.

- Носит название Остров Блаженных. Действительно, туда съезжается жить много разного люда: отшельники, называющие себя магами, никакими способностями не обладающие, пророки, блаженные, пытающиеся создать новые религиозные учения, просто сумасшедшие. Есть, правда, пара магов, со средними способностями. Но, главное - среди всего этого сброда живет настоящий Маг.

Осмомысл выделил последнее слово именно так - с большой буквы.

- Мага этого, - продолжал, тем временем, жрец, - многие считают богом, спустившимся с небес на землю, чтобы помочь людям и помогающим, в меру сил. И этот маг-бог, вроде бы не слишком жалуется Черного, хоть в прямую борьбу с ним и не вступает.

- Еще один бог? Сколько же их у вас здесь?

- Опять перебиваешь, - укоризненно покачал головой жрец. - Не так уж и много. Этот второй и последний. По крайней мере, насколько я знаю. Есть, конечно, могучие маги далеко на востоке. В странах Син и Инд. Но что в рассказах купцов, там побывавших, правда, а что сказки, понять трудно. Потому, будем считать только этих двух.

Старик снова уселся в кресло за столом.

- Так вот, мы с Андреем решили, что он должен, прежде чем начать борьбу с империей и Черным Властелином, отправиться к этому самому магу-богу на Остров Блаженных и пробудить с его помощью свои огромные потенциальные возможности. А уже после этого пробовать, что-то предпринять. Велимира удалось уговорить, хоть и с большим трудом. Был снаряжен большой корабль, способный плавать по морю. Андрей взял с собой нескольких друзей, которыми успел здесь обзавестись, небольшую дружину и отбыл на остров блаженных.

- А Ирийена?

- Что? Ах, жрица! Она тоже отправилась с ним.

- Понятно, - разочарованно вздохнул я. - И что с ним было дальше?

- Сведения, дошедшие до меня невнятны. До острова корабль добрался благополучно. Какое-то время Андрей со своими людьми пробыл там. Добрался до Клеуса - так зовут тамошнего полубога. Где-то с год обучался у него. А потом произошло непонятное. Корабль со всем экипажем и Андреем отплыл с острова и исчез. Что с ним произошло - неизвестно.

- Неужели погибли? - вырвалось у меня.

- Кто знает, - отозвался Осмомысл. - Одно могу сказать. Имеются сведения, что примерно через год на севере Эллинского полуострова появился отряд повстанцев, совершающих нападения на румийские патрули. Они даже захватывали небольшие поселения, а со временем, когда число их увеличилось, даже разбили пару отрядов, высланных для их истребления.

- И как это связано с Андреем?

- Говорят, основу этого повстанческого войска составляют славяне во главе с человеком, по описанию очень похожим на твоего друга. И человек этот обладает магическими способностями, благодаря которым, собственно, повстанцев до сих пор еще не уничтожили. Не думаю, что это простое совпадение - людей со способностью к магии очень мало. Я об этом уже говорил.

- Сейчас они живы?

- Да. Правда, последние сведения из тех мест поступали полгода назад.

Уф! Слава богу! Будем надеяться, что за эти полгода ничего плохого с Андрюхой не случилось. Странно только, что он, научившись чему-то у этого самого Клеуса, не вернулся в Славию и не возглавил восстание. Я озвучил это свое недоумение Осмомыслу. Тот опять вздохнул и пожал плечами.

- Хотел бы я сам это знать.

Жрец поднялся из-за стола, остановился перед картой, положил ладонь на северную часть здешнего аналога Балканского полуострова (кажется, он называл его Эллинским), и произнес:

- Они орудуют где-то здесь.

- А вы не плохо осведомлены о событиях, происходящих за пределами Славских земель. У вас, что, существует служба внешней разведки? - задал я очередной,

заинтересовавший меня вопрос.

Осмомысл не понял, что имеется в виду. Пояснил. Жрец тихонько засмеялся.

- Ну, нет, никаких 'шпионов-разведчиков'. Да и зачем они - есть же купцы. Они бывают повсюду. А сбор информации для них - жизненная необходимость. Моим людям только и остается все эти знания из них вытянуть. Вот такая 'служба' - да, имеется. Занимается этим десяток человек. Записывают рассказы купцов, извлекают из них все, что может быть интересным, и передают мне. Примерно так.

- Понятно, - протянул я. - Что ж, достаточно эффективно. Кстати, все время хотел спросить. А почему вы так сразу решили, что я - это я? Даже по имени при встрече называли.

Старик опять засмеялся. Потом пояснил:

- Андрей сказал, что только ты можешь появиться вслед за ним. Никакой другой идиот в ту дыру не полезет. Ну и описал он тебя довольно точно.

В груди стало тепло - все же друг верил, что я попытаюсь его найти и пойду в этих поисках до конца. Осталась сушая мелочь - разбить румийцев, освободить от их ига славов. Вторгнуться в империю, сокрушить ее, а потом, найдя там Андрюху, вместе с ним потягаться в искусстве магии с Черным Властелином. Ну, последнее самое простое - нас уже будет двое против него одного.

Вот такой разговор состоялся у меня с местным 'серым кардиналом'. А влияние он имел и в самом деле не маленькое. Во всяком случае, на больших советах Велимир всегда выслушивал Осмомысла первым и решения принимал, во многом, исходя из сведений, собранных 'аналитической группой' ему подчиняющейся.

И так, я со своей свитой ехал по главной улице нашего воинского лагеря, больше похожей на грязевую реку, встречать отряд северян, паруса первых лодий, которых, уже появились из-за поворота могучей реки. Добрались до пристаней, подъехали к одному из пустующих навесов для товаров, спешились. Забрались под навес. Здесь уже кучковались девицы из группы встречи, в накинутых поверх ярких нарядов, серых плащах. Здесь же была и Валька-Волеслава. Увидев меня, подбежала, встала на колено (на публике этот ритуал соблюдался ей свято) и доложила:

- Все готово для встречи.

- Замечательно, - пробурчал я. Прогулка под дождем по непролазной грязи хорошему настроению не способствовала. Потом добавил:

- Ты бы встала, коленки протрешь.

Меня все эти церемонии раздражали, и я неоднократно пытался уговорить людей из ближайшего окружения оставить дурацкие коленопреклонения. Удалось это лишь частично - во дворце, среди своих, они стали приветствовать меня попроще, но на людях все осталось по-прежнему.

Валентина, услышав эту мою реплику, поморщилась, поднялась на ноги и отряхнула штанину от налипшего мусора. Минуту спустя, подошла кучка придворных Велимира, ведающих хозяйством нашего войска. Они были ответственны за размещение вновьприбывших и организацию праздничного пира. Столы для последнего накрывались тут неподалеку, все под теми же навесами для товара. Все дружно опустились на колено, приветствуя вашего покорного слугу. Жестом, разрешив им подняться, поинтересовался, как идет подготовка к предстоящему торжественному застолью и когда ждать Великого Князя. С подготовкой все было в порядке, а князь, с их слов, должен прибыть с минуты на минуту. Вот и славно.

Я повернулся к пристаням, к которым уже начали чалиться первые лоды громадного, в три сотни кораблей, флота северян. По традиции, на этих первых лодьях должно было находиться командование Новуградского и варангского войска. С бортов полетели причальные концы. Пора было снова выходить под дождь. Поежился. Не хочется, а надо. Махнул рукой Вальке, с уже скинувшими свои серые плащи девицами, и двинулся к причалам.

Лоды с начальством определил легко - это самое начальство толпились на носу двух ближних ко мне кораблей. Богато разодетое, само собой. Направился к ним. За мной, чавкая по грязи, последовала свита. Кстати, где Велимир? По протоколу он должен приветствовать прибывших следующим за мной. После шли девицы с хлебом-солью. А вот и он. Молодец, не

опоздал. Князь с десятком сопровождающих подскочил прямо к пристани с командирскими лодьями, спешился и стал поджидать меня. Прибавил шагу: неудобно заставлять ждать - Великий Князь, все же. Да и руководство северян уже выбралось на доски причала. Подошел. Те дружно опустились на колени, бормоча приветствия. Велимир держался позади меня. Еще дальше за ним - девицы, смотрящиеся в своих ярких нарядах на фоне промозглой серости, весьма импозантно. Ответил на приветствие. С выражением отбарабанил заготовленную речь (с каждым разом получалось лучше и лучше), попросил подняться. Вперед вышел Великий Князь. Тоже что-то сказал. Потом - девицы преподнесли хлеб-соль, исполняя при этом какие-то песнопения религиозного содержания.

Пока продолжалась вся эта церемония, к причалам подошла основная масса флота. С кораблей, грохоча по доскам, посыпались воины в полном вооружении. Они сбегали на берег и выстраивались в неровные шеренги на его кромке. Высадка заняла около получаса. Мы как раз закончили с церемонией знакомства. Командования у новуградцев и варангов было около полусотни человек и всех их я, естественно, по именам не запомнил. Ну не Суворов и, даже не Наполеон - те, говорят, помнили, как зовут каждого из своих ветеранов. В памяти отложились имена двоих - командира Северных славов и предводителя варангов. Первого звали Ратослав. Крепкий мужчина средних лет с умным, пронзительным взглядом. Второго - Атли. Примерно того же возраста, что и славский предводитель. Высокий и мощный, впрочем, как и большинство варангов. Его лицо особым интеллектом не блистало, впрочем, первое впечатление часто бывает обманчивым. Оба общались со мной уважительно, но без экзальтации и скрытого страха, который я часто замечал в глазах многих аборигенов, с которыми приходилось общаться. Хотя, эти не видели всех фокусов, демонстрируемых мною на испытаниях.

Поинтересовался, как добрались. Из Новуграда до здешней столицы путь лежал по рекам, и основная его часть проходила по Донепру. Соответственно, нужно было, как-то миновать Лютетию с румийцами в его верховье. Эту основную транспортную артерию имперцы держали весьма ревностно. Во-первых - отслеживали перемещения местных вооруженных контингентов, во-вторых - взимали торговую пошлину с многочисленных купеческих караванов. Ратослав и Атли объяснили, что флоту пришлось огибать Лютетию по притокам, местами перетаскивая корабли волоком. Намучались изрядно, но это лучше попытки прорыва с неясным исходом и неизбежными потерями.

Пока мы, таким образом, общались, войско северян выгрузилось и построилось на берегу. Мы с Велимиром произвели что-то вроде смотра - прошли вдоль рядов, оценили статью воинов и их вооружение. И варанги и славяне порадовали: здоровяки, как на подбор, в добротных бронях, вооруженные, буквально, до зубов. Качество оружия, так же весьма впечатляло. Будем надеяться, что и выучка соответствует внешнему виду. Вышел к середине строя и толкнул очередную речь. Короткую и энергичную. Этому тоже научился - жизнь заставила.

На этом с официальной частью было покончено. Велимир пригласил прибывших к накрытым столам. Дальше был пир. За последний месяц таких пиров я посетил десятка полтора. То есть, пировали, практически, через день, отмечая прибытие любого более или менее значимого воинского контингента. Честно сказать, от пиров этих малость подустал. А вот Велимир, Лотар, Хегни и остальные мои знакомцы - ничего. Что значит закалка. Пить старался немного, насколько это было возможно - здравицы следовали одна за другой. Спасибо вездесущей Вальке - она следила, за тем, чтобы вино в моем кубке оказывалось изрядно разбавленным холодной родниковой водой. Вино, кстати, здесь было, все же, привозным из Крыма-Таврии. Местный климат для виноградников оказался холодноват. Валька, как я уже говорил, стала кем-то вроде моего порученца и специалиста по связям с общественностью. Ну и организацией моего быта занималась, по совместительству.

Наверное, интересуетесь, делила ли она со мной и постель? Таки - нет! Как мне объяснили знающие люди, жрицы храма посланца богов давали обет безбрачия и целомудрия. Для чего, или кого, интересно? Для посланца, по логике, себя берегли. Так вот он - посланец! Прошу любить и жаловать! Но получалось, жаловать - пожалуйста, а вот любить - ни-ни! Что тут поделаешь. Хотя, я, собственно и не предпринимал активных попыток в этом направлении. Стыдно сказать - смущался. Это я-то! Да и времени на все эти глупости

практически не было. К ночи, после всех хлопот, упражнений по верховой езде и другим нужным умениям, еле доползал до кровати. Да и не пацан ведь я семнадцатилетний, у которого содержание тестостерона в крови зашкаливает и озабочен он этим вопросом все двадцать четыре часа в сутки. Вполне солидный мужчина. Скоро тридцатник исполнится. Пара контузий, опять же. Ну, ладно, ладно. Что-то я уж совсем себя каким-то немощным старикашкой изобразил. Жар в крови все-таки еще остался. Но, в самом деле, от приставаний к Вальке меня что-то удерживало, хотя, она мне и та, еще земная нравилась. Приставать к прислуживающим во дворце девицам, опять-таки было неудобно перед Валентиной. А она здесь постоянно околачивалась. По пьяни, правда, во время этих хронических пиров посещали всякие фривольные мысли, глядячи на молоденьких прислужниц. Но те, стоило мне только начать мычать что-то такое, или распускать руки, шарахались от меня, как от чумы. Или боялись посланца со всеми его непонятными и страшноватыми способностями, или Валька их так жестко инструктировала. Почему-то кажется, что, скорее, последнее. В общем, с личной жизнью пока не сложилось. Ну и ладно - не до того. Может потом, когда разберемся с насущными вопросами. Если доживем. Что вряд ли...

На этот раз пировали недолго - завтра выступать, отдохнуть северянам нужно. Разводить воинов на ночлег распорядители пира начали, как только перевалило полночь. Тогда же покинул застолье и я.

Поднялись с Туробоем чуть свет. Дворцовая челядь уже была на ногах. Быстро перекусили и вышли во двор. Во дворе формировался обоз из четырех пароконных упряжек. В телегах был сложен запас продуктов для меня, моей свиты и ближней дружины. Там же лежали принадлежности для разбивки походного лагеря, доспехи, запасное оружие и прочие нужные мелочи. Рядом с повозками суежилась Валька. Она что, совсем не спит? Моя жрица намеревалась идти в поход с нами. Когда я заикнулся о том, что ей лучше бы остаться, она посмотрела на меня так, как смотрела в самом начале нашего знакомства, когда у нее были сомнения в моем посланничестве. Стало понятно, что торг в данном случае неуместен.

Дружинники ближней дружины седлали лошадей и выводили их на улицу. Так что во дворе было весьма оживленно. Вмешательства в процесс сборов не требовалось, потому мы с Туробоем добрались до дозорной башни - самой высокой точки города, забрались на ее наблюдательную площадку и посмотрели, что делается в лагере. Дождь, ливший почти без перерыва несколько дней, наконец-то закончился. Облака на небе присутствовали, но в них появились разрывы, обещающие, что сегодня мы, возможно, увидим долгожданное солнышко. Лагерь проснулся и напоминал отсюда с башни растревоженный муравейник. Город тоже просыпался. Народ тонкими ручейками стекался к подолу и через его южные ворота выходил к месту дислокации ополчения. Ну как же, проводить соплеменников на святое дело освобождения от иноземного ига, надо обязательно. Как без этого. А то, что провожающие добавляют бардака в и так не слишком упорядоченный процесс мало кого волнует. Похоже, основные силы смогут выступить не раньше полудня. Ну, другого я при нашей организованности и не ждал. Наблюдать за всем этим безобразием, а тем более, участвовать в нем не было никакого желания. Пожалуй, надо брать ближнюю дружину, полк казаков-разбойников и начинать движение. Будем исполнять роль головного дозора. А здесь и без меня разберутся рано или поздно.

Сказано - сделано. Скатились с башни вниз, быстрым шагом добрались до дворца. Там нас уже ждали оседланные кони. Похлопал по шее, нервно переступающего Воронка, сунул ему припасенный сухарь, прыгнул в седло и разобрал поводья. Оглянулся. За спиной уже собралась моя дружина. Все пятьдесят два человека с Хегни во главе. В полном вооружении. Ну, если мы - головной дозор, то это не лишнее. Хотя, сейчас ребята надели брони чисто для форсу. Здесь выступление войска в поход - тот же парад. Уже потом на марше тяжелые шлемы, панцири и щиты складывались на телеги и дальше воины ехали налегке. Конечно, если не было угрозы внезапного столкновения с противником. При наличии такой угрозы двигались всеоружии. Подумав, решил, что сам надевать доспехи не буду - долго, да и необходимости нет. Махнул рукой и наш отряд двинулся к подолу.

Добравшись до лагеря, распорядился одному из полков легкой конницы собираться и двигаться с нами. Сборы у казачков, надо отдать им должное, времени заняли совсем немного. Пока собирались, дал указания собравшимся вокруг начальным людям о

дальнейших действиях, сказал где буду находиться сам и повернулся к командиру полка, с которым собирался двигаться впереди войска, невысокому, но крепкому и ловкому мужичку с гладко выбритым, хитроватым лицом. Объяснил ему задачу. Тот кивнул, мол, все понял. Попросил напомнить имя. Оказалось, звать новоиспеченного воеводу Хитрован. Очень подходящее имечко. Или это прозвище? Скорее, последнее.

Ну, раз все ясно, тронулись с богом. Моя дружина двигалась в голове. За ней вытягивался в колонну 'казачий' полк. Продефилировали мимо, столпившихся на обочине, и кричавших что-то ободряющее, провожающих. Выехали на Лютецкую дорогу, и перешли на легкую рысь. Копыта весело застучали по камням вымостки. Великий освободительный поход начался.

Глава 15

Чертova жара! Что, вообще, здесь за климат такой дурацкий! Неделю назад доставали дожди с их вездесущей сыростью и промозглым холодом, теперь - жара. И это притом, что уже начало осени, и мы находимся километров на триста севернее Кийграда. Кустарник, в зарослях которого мы затаились, тень давал чисто символическую. Шлем с доспехами раскалились и ощутимо припекали тело даже через поддоспешник и подшлемник. Поддоспешник пропитался потом и неприятно лип к телу. Струйки пота из под шлема сбегали по лбу, обтекали брови, струились по щекам и капали с подбородка. Уф! Где эти чертовы румийцы! Ползут, как черепахи! Сколько можно ждать!

Наконец, уши уловили цокот копыт. Похоже, по дороге двигался румийский головной дозор. Наконец-то! Цокот становился все громче и вскоре из-за поворота дороги показался конный отряд в полсотни человек. Доспехи и вооружение у них были не типичными для румийцев. Во всяком случае, для тех, которых я до сих пор видел.

- Герулы, - прошептал, сидящий рядом Хегни. - Северное племя германцев. Конные стрелки. В рукопашной - так себе.

Я кивнул, поблагодарив за пояснение. Вооружение у этих румийских федератов, по моему разумению, относилось к легкому: безрукавные кольчуги, с поддетыми под них кожаными куртками, яйцевидные шлемы с короткой бармицей, небольшие круглые щиты, притороченные к седлам. Больше защитного вооружения не наблюдалось. Не видно было и копий. Зато к задней части седел, с обеих сторон были приторочены колчаны со стрелами, а из-за спины торчал мощный лук в налучье. На поясах висели прямые мечи средней длины.

Этим тоже было жарко. Шлемы почти у всех болтались между лопаток, держась подбородочным ремнем за шею. Видимо, в таком положении его можно было быстро водрузить на положенное место в случае опасности. Подшлемники герулы куда-то засунули, но, наверное, тоже не слишком далеко. Дозорную службу германцы несли не слишком внимательно. То ли жара тому виной, то ли слишком уверены были в отсутствии здесь какого-либо врага, а может герулы по жизни такие раздолбаи. Хотя, последнее - вряд ли: кто бы таких послал в боевое охранение. Но, факт остается фактом - нашу засаду дозор не обнаружил. Хоть и мог. По крайней мере, командир казачьего полка Хитрован уверил меня, что он бы нашу засаду просек в легкую. И птички пищат не те и не так и запах можно учуять от такой массы потеющих людей и потоптались мы в окрестностях изрядно. В общем, пока герулы не скрылись за дальней купой деревьев, обрамляющих Лешачье болото, я старался даже дышать через раз. Слава богу - таких спецов, как Хитрован среди герулов не оказалось. Теперь нужно было ждать основные силы румийцев. Какое там расстояние по их уставу между головным дозором и походной колонной. Километр? Два? Думаю, не меньше. Это значит еще минут пятнадцать-двадцать, а то и полчаса неподвижно сидеть на этой жаре. Тяжко. А, что делать - придется. Прикрыл глаза от слепящего солнца и еще раз стал прокручивать в голове события последних дней.

До места на Лютецкой дороге, предложенного Дубыней для засады, добрались неожиданно быстро. Собиралось основное войско, действительно, до полудня, но славские воины оказались легки на ногу. Потому, не сильно напрягаясь, войсковая колонна проходила тридцать пять-сорок километров в день. Играла тут роль, конечно, и хорошая дорога.

К полудню первого дня пути я, Хегни и Хитрован, с полком которого мы двигались,

решили послать в дальний дозор два десятка казачков-разбойников с командиром, которого рекомендовал Хитрован, как человека умного и осторожного. Отряд должен был оторваться от нас километров на сорок-пятьдесят и, не обнаруживая себя, добраться до румийцев, которые, скорее всего, уже выступили из Лютеции. Далее, двигаясь параллельно с ними, сообщать о месте их нахождения, численности, составе и поведении.

Казачки свою задачу выполнили. Гонец от них прибыл к исходу третьего дня похода и доложил, что румийское войско, действительно, уже выступило, но движется не спеша, и добраться мы до нужного места успеем раньше, хотя, лучше, все же, поторопиться. В состав вражеского войска входят четыре легиона, четыре алы румийской тяжелой конницы, пять тысяч сарматской конницы, тоже тяжелой, пять тысяч герульских конных стрелков и пять тысяч тяжелой готской пехоты. Итого - двадцать девять тысяч пехоты и четырнадцать тысяч конницы. Что ж, могло быть хуже. Получается, в Лютеции осталось два легиона и остатки Кийградского гарнизона.

Спросил у гонца, откуда такие точные сведения по количеству и составу. Оказалось, что ребята проявили инициативу и взяли языка. Причем, кого-то из мелкого начальства. Тот оказался человеком информированным, царство ему небесное.

Что ж, раз рекомендовано поспешить - будем спешить. Отцы-командиры донесли до личного состава, не приказ - просьбу, еще ускориться. Ускорились, хоть при наступившей жаре это было не просто. Пехота выматывалась изрядно. Но - успели. Румийцев опередили более чем на сутки.

Место для засады, действительно, оказалось очень удобным. Дорога здесь проходила по самому краю огромного болота, прозванного Лешачьим. Болото тянулось на десятки километров и производило довольно мрачное впечатление кочковатой пожелтевшей травой, темной водой окон и чахлыми кривыми соснами, редко натканными на обозримом пространстве. Метрах в пятидесяти-ста от, заросшего кустарником и тростником берега болота, параллельно ему, тянулась гряда невысоких холмов. Сторона гряды, обращенная к болоту, в том месте, где планировалась засада, образовывала, своего рода, вал высотой метров пятьдесят-шестьдесят. Склон был крутой - враз не заберешься. Спускаться с него приходилось, сидя на заднице - просто сбежать, было невозможно. Спуститься на лошади я бы вообще не рискнул - сломаешь шею и себе и коняшке. Гребень гряды порос густым низким кустарником, в котором вполне возможно было скрыть изрядное количество народа. Вот между этой грядой и берегом болота, по узкой, от пятидесяти до ста метров, более или менее ровной полоске земли и проходила румийская дорога.

Лагерь разбили между холмов в паре километров от дороги. Перекусив, приказал замотавшемуся личному составу отдыхать, а начальство собрал на совет. Здесь разработали диспозицию предстоящего сражения. Всю пехоту и спешенную легкую кавалерию решено было поставить на гребне 'вала', скрыв в кустарнике. Воинов нужно было растянуть на всю длину походной колонны румийцев, чтобы атаковать ее одновременно на всем протяжении и не дать врагам выстроиться в боевой порядок. Примерную длину колонны, благодаря нашей дальней разведке, мы знали. Спешенные казачки, по замыслу, строились за рядами пехоты и должны были поддерживать ее атаку стрельбой из луков. В этом искусстве им не было равных.

Каких-то хитроумных планов не разрабатывали. Задачей пехоты было в стремительной атаке смешать румийский строй и, не давая им сгруппироваться во что-то упорядоченное, тупо мочить. Имея небольшое численное преимущество и фактор внезапности, я оценивал наши шансы, как довольно высокие.

Кавалерией, идущей в голове и хвосте колонны, должна была заняться наша конница, разделенная примерно пополам. Отряд, атакующий хвост, решили усилить тысячей всадников, северян. В хвосте двигались пять тысяч тяжелой сарматской конницы, и об их боевых качествах все присутствующие были весьма высокого мнения. Выход конницы в голову румийской колонны предполагалось осуществить по довольно широкой ложине, рассекающей холмистую гряду. Отряду, атакующему хвост, приходилось труднее - им предстояло спускаться с гряды. Нашлось местечко на нашем правом фланге поположе и пониже, но как пройдет это десантирование на дорогу, меня здорово беспокоило. А что делать, приходилось рисковать.

Составив план предстоящего на завтра сражения, и выставив охранение, завалились спать. И проспали часов шестнадцать. Всем войском, естественно, за исключением часовых. Проснувшись, позавтракали и стали готовиться к бою. Время еще имелось - румийская колонна должна была подойти часа в три пополудни. Тоже плюс - притомятся ребята за полдня ходьбы пехом. А пока проверяли оружие, точили мечи, подгоняли доспехи. В полдень пообедали и начали строиться на гребне гряды. Выдвигались со стороны лагеря к дороге, стараясь двигаться осторожно, не ломая кустарника и не сильно приминая траву. Дошли до места, расположились, замаскировались и стали ждать. Ожидание затянулось часов до четырех - румийцы никуда не спешили. И вот, наконец, дождались.

Основная колонна появилась минут через пятнадцать после головного дозора. Первыми двигались герулы. Все пять тысяч: я посчитал, естественно, очень приблизительно. От тех, что двигались в дозоре, эти ничем не отличались. За герулами шли четыре алы тяжелой румийской конницы. Лошади у них были покрупнее герульских. Вооружение, а двигались румийцы по полной выкладке, тоже посолиднее. Стальные шлемы, в отличие от германцев, находились на своих положенных местах - головах. Глубоко сидящие, с нащечниками и мощной пластиной внизу затылочной части, защищающей шею. По бокам макушки шлема торчали небольшие трубки, в которые были вставлены пышные перья. Белые у отряда, едущего первым, черные - вторым, красные - третьим и зеленые - четвертым. Как я понял, у каждой алы - свой цвет. Грудь защищали чешуйчатые панцири с оплечьями, бедра - кожаные юбки с разрезами для удобства посадки в седло, усиленные металлическими бляшками. Юбки доходили до колена. На голених - поножи. Под панцирями, похоже, поддеты кольчуги. Во всяком случае, руки защищали кольчужные рукава, выходявшие из под нагрудника. Маленькие, круглые, металлические щиты были приторочены к передней луке седла, в правой руке длинное копье, упертое в стремя, на поясе длинный прямой меч, за седлом объемистый тюк с поклажей. Жарко, должно быть, мужикам. И, тем не менее, никаких нарушений формы одежды. Дисциплинка, однако. Это вам не германцы и не мои охламоны. Конных румийцев насчитал две тысячи с половиной. Как в аптеке.

Дальше шла пехота. Железные римские (в смысле румийские) легионы. Эти шли с непокрытыми головами. Шлемы, похожие на кавалерийские, только без плюмажа, висели на груди. Плюмажи имелись у центурионов. У них на макушках шлемов находился поперечный красный гребень. Панцири имелись трех видов. У большей части - пластинчатые кирасы с пластинчатыми же оплечьями. У других такие же, как у кавалеристов - чешуйчатые. Меньшинство, в том числе все центурионы, были облачены в кольчуги. Последние, судя по всему, были наиболее удобны и надежны, но, как и все хорошее, сложны в изготовлении и, соответственно, дороги. Кольчуги по длине достигали колена. У воинов с пластинчатыми и чешуйчатыми панцирями бедра защищали юбки из кожаных полос. У всех имелись широкие кожаные пояса, усаженные металлическими клепками. Помнится, где-то читал, что пояс легионера являлся предметом особой гордости - на него наносили знаки отличия и воинской доблести. Потому этими поясами весьма дорожили. Интересно, здесь так же? На голених - поножи и наруч на правой руке, ну правильно - левая-то под щитом. Сами щиты - прямоугольные, с характерным выгибом по продольной оси легионеры несли за спиной, как рюкзаки. На щитах были надеты кожаные чехлы с дыркой в середине для торчащего металлического умбона. Зачем чехлы?

Шепотом задал этот вопрос, сопящему справа Хегни.

- В такую жару - чтобы не рассыхались, в сырость - не разбухали, - предельно лаконично пояснил варанг.

Нежные какие штуковины, оказывается.

Из наступательного вооружения у легионеров наблюдался короткий меч. Знаменитый гладиус, надо полагать, и пучок копий - пилумов в кожаном чехле. Меч, почему-то, крепился справа. Подумав, сообразил, что будучи слева, мешал бы действовать щитом. Копья пехотинцы несли на правом плече. На левом несли шест с укрепленным на его конце узлом, набитым каким-то скарбом. Некоторые тащили шанцевый инструмент: лопаты, киркомотыги и ломы. Помнится, где-то читал, что легионеры несли с собой на походе колья для ограды лагеря. Здесь ничего такого не наблюдалось. Должно быть, потому, что леса для частоккола было и так в избытке. Тяжеловооруженных легионеров разбавляли легковооруженные

пехотинцы. Велиты, кажется. У этих защитное вооружение состояло из кожаного нагрудника и круглого щита, несомого, так же за спиной. На поясе - меч и связка пилумов на плече, ну и тот же шест с узлом через левое плечо.

Мерный топот ног, позвякивание железа, редкие команды центурионов. Поймал себя на ощущении нереальности происходящего. Словно я смотрю масштабный, несколько затянувшийся исторический фильм и никакого моего вмешательства в события не предусматривается. Жара, что ли виной. Тряхнул головой, глотнул из фляги теплой воды. Наваждение отступило.

Сигнал к атаке должен был подать Велимир, находящийся на нашем правом фланге, когда с ним поравняется хвост колонны пехоты. Дождаться сарматскую конницу, шедшую в арьергарде, не предполагалось. Ее должна была нейтрализовать наша кавалерия. Левый фланг поручил Дубыне. В теории, к моменту подачи сигнала к атаке, с ним должна была поравняться голова пехотной колонны. Для себя выбрал место в середине, поскольку основной проблемой считал легионеров и атаку на них решил возглавить лично. Сражаться решил пешим - десантироваться с гряды, где мы сейчас сидели, верхом, как я уже говорил - чистое самоубийство, да и не созрел я еще для конного боя. Почему-то искусством владения мечом и копьем на коне местные боги меня не наградили. Приходилось осваивать его, как простому смертному - потом и тренировками.

Судя по количеству прошедшей пехоты, Велимир вскоре подаст сигнал. Плеснул из фляги воды в ладонь, ополоснул лицо, огляделся. Справа, от меня находился Хегни, слева - Туробой. За правым плечом - Валька (уговорить ее, остаться в лагере, ожидаемо не получилось), за левым пристроился Хитрован. Сидели плотно, буквально, локоть к локтю - народу на гребне разместилось весьма приличное количество. Кстати, меня мои соратники тоже пытались отговорить от личного участия в сражении. С тем же результатом, что Вальку. И не то что бы я так уж рвался в бой, просто в этом мире, даже великий князь всегда дрался в первых рядах. Ну а посланцу богов, да еще с его сверхспособностями, участвовать в рукопашной сами боги велели. По моему разумению.

Сигналом к атаке служил звук рога, который должен был подхватываться всеми сигнальщиками по цепи. Напряжение росло. Всякие шевеления среди окружавшей меня плотной массы воинов прекратились. Люди подобрались, как-то напружинились и подались вперед.

Рог прозвучал, тем не менее, неожиданно. Звук оказался не слишком сильным - до правого фланга, все же было километра два. Но обострившийся слух уловил его вполне уверенно. Тем более, сигнал сразу подхватили и он раздался где-то совсем рядом, а потом покатился дальше, на левый фланг. Я с некоторым трудом - ноги подзатекли - вскочил, выхватил меч из ножен, изо всех сил завопил что-то воинственное и сиганул вниз со склона. Крик мой утонул в многоголосом реве и треске ломающегося под напором тысяч тел укрывавшего нас, кустарника.

Стремительно съехал с кручи на пятой точке - благо бронированная - поднялся на ноги и кинулся к колонне, все еще не пришедших в себя, румийцев. До тех было метров сорок-пятьдесят. Надо отдать им должное - пока преодолел это расстояние, легионеры опомнились и начали реагировать на изменившуюся ситуацию: побросали лишнюю для боя поклажу, надели шлемы, расчехлили щиты и пилумы, кто-то вытащил из ножен мечи. Передо мной, чуть правее, метрах в десяти, из смешавшей ряды колонны, выскочил на обочину дороги, судя по гребнистому шлему, центурион, выбросил в сторону левую руку и что-то проорал. Тут же слева от него начали выстраиваться в коробочку рядовые легионеры. Нельзя было им это позволить. Кинулся на слишком шустрого командира. Тот, похоже, оказался воякой опытным. Выставил щит, левая нога впереди, на задней, правой - основной вес тела, в ожидании столкновения. Меч спрятан за правый край щита.

Полетели пилумы. Пару отбил щитом, один скользнул по оплечью. Тут же, словно в ответ, на легионеров обрушился дождь стрел. Это спешенные казаки выбрались на гребень гряды и открыли стрельбу из луков. Не получить бы дружественную стрелу в спину.

Все эти события произошли, пока я бежал к слишком предприимчивому центуриону. Наконец добежал. Без затей ударил щитом в его щит, вкладывая в удар всю массу тела и доспехов, помноженную на скорость. Румиец пошатнулся, попятился на пару шагов, но на

ногах устоял. Упорный. Еще и попытался достать своим гладиусом в обход моего щита в открывшуюся подмышку. И достал ведь, паразит. Благо под кирасой кольчуга: не хватило замаха ее пробить. Аккуратнее надо. А то здешние приключения закончатся раньше, чем хотелось бы. В свою очередь, попытался уколоть противника поверх верхнего края щита в горло. Тот легко отбил атаку, приподняв skutum. В следующую секунду, наконец-то догнав меня, на легионеров ударили славы. Центуриону, сцепившемуся со мной и оторвавшемуся от формирующегося с его подачи строя, кто-то из славских воинов рубанул топором поперек спины. Хрипло закричав, тот выгнулся и начал заваливаться на спину. Ударом ноги в открывшуюся грудь ускорил процесс, перепрыгнул через упавшего и кинулся, к успевшей сформироваться стене прямоугольных щитов.

Здесь меня уже опередили - румийцев закрыли спины славов. Отрывистая команда, дружный выдох и из-за щитов ударил залп пилумов. Количество славских воинов, бегущих впереди, резко сократилось и я, довольно неожиданно, снова оказался во главе атаки. Черт! Надо успеть добраться до строя румийцев, прежде чем они сделают следующий бросок. Прибавил ходу. Успел. Удар щитом в щит легионера, стоящего в первом ряду. Этот оказался не таким устойчивым, как покойный командир - опрокинулся. Втянув голову в плечи, и мысленно перекрестившись, рванул внутрь строя, раздавая направо и налево, рубящие удары. С двух сторон ко мне пристроилось по соратнику. Скосив глаза, опознал в одном Хегни, во втором Туробоя. В составе трио дело пошло веселее - напарники прикрывали мне бока и спину, а я, используя дарованное богами фехтовальное искусство, сокращал поголовье румийцев, а главное - ломал их строй.

Легионеры держались стойко. Со всех сторон на нас троек сыпался град ударов. Причем, большая часть приходилась на меня. Отразить удавалось далеко не все: все же бой в строю, оказывается, сильно отличался от драки в одиночку, как было под Святым. Тут не попрыгаешь, да и вообще маневр сильно ограничен. Основа защиты - щит и доспехи. Парирование мечом - вообще не катит. Все это я констатировал чуть отстраненно, наблюдая за своим телом, действующим без участия разума. Слава Богам, вложившим в меня и эти умения.

Щит и доспехи пока держались. Правда, почти пропустил укол в лицо. Хорошо успел вовремя отдернуть голову. Но порез над левой бровью, все же, заработал. Левый глаз почти сразу залило кровью, и я наполовину ослеп. Бинокулярное зрение, соответственно, пострадало, а без него картинка внешнего мира становится плоской, расстояния не определяются и правильно отреагировать на летящую в тебя острую железку становится сложно. Потому очень быстро получил добавку по кумполу, слава богу, прикрытому прочным шлемом. В голове, тем не менее, загудело, а в оставшемся зрячим правым глазом слегка потемнело. Ко всему, изначально взял слишком высокий темп и, соответственно, начало не хватать дышалки.

Туробой просек мои трудности, плавно перетек вперед, втиснулся между мной и Хегни, беря на себя роль острия нашего треугольника. Теперь львиная доля ударов сыпалась на него, а я, находясь сбоку, сумел перевести дух и протереть залитый кровью глаз. Тут еще откуда-то сзади и слева подперли наши соратники, двое из них пробились вперед, надежно заслонив от румийцев, жаждущих выпустить на волю мои потроха.

Воспользовавшись моментом, осмотрелся. Наши, насколько смог увидеть, уверенно теснили легионеров к болоту, разорвав колонну уже в нескольких местах. Довольно непочтительно толкая посланца богов, меня обтекла основная масса атакующих и я оказался в тылу. Наклонился и, опершись руками в колени, попытался отдышаться. Когда поднял голову, рядом уже стояли Туробой и Хегни, которые, обнаружив мое исчезновение, быстренько вышли из боя.

- С вами все в порядке, господин? - заботливо поинтересовался варанг.

- Нормально, - отдуваясь, махнул я рукой.

Туробой, не удовлетворившись ответом, обошел вокруг, проверяя мою тушку на предмет лишних дырок. Потом осмотрел порез над бровью. Кивнул, соглашаясь, что действительно - все в порядке.

- Слава Богам! - облегченно вздохнул Хегни.

Потом оба они синхронно перевели взгляды куда-то мне за спину. Оглянулся. По

откоосу гряды, с гребня которой толпа казачков продолжала азартно пускать стрелы, съезжала на попе Валька. Облачена она была в свою вороненую кольчужку. За спиной болтался колчан со стрелами. Лук держала в руках. Доехав до низа, она вскочила на ноги и кинулась к нам. Врезалась в меня с разбегу и сразу ухватила за подбородочный ремень шлема, наклоняя и поворачивая мою голову, пытаюсь рассмотреть окровавленный глаз.

- Что? Как ты? Больно? - щебетала она, ощупывая порез.

Не скрою, такая трогательная забота была приятна. Тем более, от всегда держащей дистанцию, где-то даже чопорной жрицы. Мои телохранители тактично отвернулись, переключив внимание на продолжавшуюся битву.

- Все хорошо, Валюш, - попытался ее успокоить.

Впрочем, это она уже сама поняла. Лицо ее почти мгновенно приняло обычное, немного отстраненное выражение.

- Волеслава, с твоего разрешения, господин, - ставшим опять студеным голосом, поправила меня жрица. Оставила мою покоцаную голову в покое, вытащила стрелу из колчана, наложила ее на лук и начала выцеливать жертву, среди продолжающих отбиваться румийцев.

Ну вот - опять! Чего такого сказал?! Опять назвал не тем именем. Чего из-за этого так беситься? Волеслава, тем временем, спустила тетиву и, судя по тому, как ее лицо вспыхнуло злой радостью, в кого-то попала. Кровожадная, какая девица! Впрочем, времена здесь такие. И нравы, соответствующие.

Однако хватит геройствовать, пора выяснить, как, собственно, разворачивается сражение. Для этой цели было запасено местное 'ноу хау'.

- Готовьте 'насест'! - крикнул я, азартно стреляющим с гребня казакам и начал карабкаться вверх по откоосу. Туробой с Хегни полезли следом. Оглянувшись на середине склона, увидел, что немного поотстав, к нам присоединилась и мрачная Валька.

'Насест' представлял собой три тонких бревна, соединенных друг с другом с одного конца прочным ременным канатом, продетым в высверленные в этих концах отверстия. Соединение было подвижным и бревнышки могли немного двигаться относительно друг друга. К одному из бревнышек в месте соединения, с торца крепилось легкое деревянное сиденье со спинкой. Когда несколько человек тащили за веревку, прицепленную к сиденью, все это сооружение поднималось вертикально. Благодаря подвижности соединения, из бревен выстраивали треногу и втыкали нижние заостренные концы в землю, придавая ей устойчивость. Получался этакий наблюдательный пункт, высотой метров десять. На сиденье можно было довольно удобно устроиться, забравшись туда по легкой веревочной лестнице. При некоторой сноровке, естественно. Для быстрого спуска имелся канат. Гряда и так ощутимо возвышалась над местностью, но с 'насеста' картина сражения, по заверению Хитрована, будет, как на ладони.

Я в этом убедился, когда с некоторым трудом (доспехи все же мешали) взгромоздился на сиденье. Часть румийской колонны, находящаяся прямо подо мной, та на которую я возглавил атаку, была прижата к болоту и частично загнана в него. Организованного сопротивления здесь уже не наблюдалось. Мы пожинали плоды, внезапной атаки. Легионеры бились мелкими кучками, или даже, вообще, в одиночку. Но не сдавались. То ли характер у них был такой упертый, то ли знали, что ничего хорошего в плену их не ждет. А действительно, что славы делают, обычно, с пленными румийцами? Надо будет спросить.

Примерно та же картина наблюдалась на протяжении всей средней части колонны легионеров. Осложнения нарисовались в голове и хвосте. Похоже, в хвосте произошла совсем маленькая заминка между сигналом и атакой. У румийцев, услышавших сигнал, было несколько лишних секунд для подготовки. И они их сумели использовать. В голове колонны наши тоже, чуть промедлили - не сразу услышали сигнал.

В итоге, в хвосте колонны румийцы сумели сбить в строй около двух десятков манипул, между которыми и за которыми концентрировались велиты и пока неорганизованные легионеры. В голове колонны манипулярных 'коробок' было больше и они даже сумели выстроиться в две линии - благо расстояние между грядой и берегом болота это позволяло.

Еще левее наша конница, хлынувшая из лощины, уверенно теснила герульских конных

стрелков. В тылу у Герулов, правда, заканчивали выстраиваться, четыре алы тяжелой румийской конницы, и чем там все закончится, пока было неясно.

На правом фланге, в самом хвосте румийской колонны, сцепилась наша и сарматская конница. На чьей стороне преимущество я не понял. Между сарматской конницей и хвостом колонны легионеров, славы вели бой с воинами в черных, видимо, вороненых доспехах. Готы. Догадался по описанию. Эти тоже держались весьма неплохо: уцелевшие после первого удара, сбились во что-то вроде фаланги, или швейцарской баталии не менее двадцати рядов в глубину и шириной метров в сто, ошетинились длинными копьями и уверенно отбивали все наскоки славских воинов.

Мд-а, быстрого разгрома не получилось. Да, в общем-то, я на это особо и не надеялся. Вопрос - что делать дальше? По моему скромному разумению надо было, как можно быстрее добывать расстроенную середку колонны и идти с освободившимися силами на помощь флангам и коннице. В первую очередь помощь требовалось флангу левому.

Съехал по канату на землю и скомандовал, находящемуся под насестом Хитровану, назначенному мной командующим всех казачьих формирований:

- Здесь мы разберемся. Бери своих и в голову колонны. Бейте стрелами выстроившихся румийцев и тяжелую конницу. Стрел не жалейте. Строй надо разбить.

Стрел, действительно, было запасено много. Каждый стрелок имел два колчана по полусотне стрел в каждом, и еще обозники постоянно подтаскивали запасные связки из лагеря. Хитрован кивнул, и отдал команду, тут же переданную по рядам. Казачки прекратили стрельбу, зачехлили луки и легкой рысцой потянулись на левый фланг в голову колонны.

Теперь нужно было побыстрее разобраться со средней частью. В пределах видимости уже всех румийцев загнали в болото. Травяной покров размолотили и бой шел по колено в ржавой жиже. Оценил отсюда сверху действия своих воинов. Ребята держались хорошо. Честно говоря, думал будет хуже. Строя они, конечно, не держали, да он в данной ситуации не был и нужен. Зато дрались с полной самоотдачей, что, в какой-то степени компенсировало недостаток умения. Но, в конце концов, увязающие в болоте все глубже румийцы, поняли, что дальше отступать нельзя и сбились в полтора десятка небольших кучек, продолжающих отчаянно отбиваться. Одиночек и совсем мелкие группки, к этому времени, перебили. Пленных так и не было видно.

Дело, вопреки чаяниям, затягивалось. Легионеры залезли в болотную жижу до середины бедра. Двигаться им было тяжело, но и наши, залезшие следом в болото, оказались в той же ситуации. Обойти они румийцев не могли - глубина болота нарастала очень быстро, да и подустали, похоже, ребята, сбавили напор. Надо было как-то ускорять развязку.

Опять съехал с гребня вниз. Бегом, перепрыгивая через трупы, пересек дорогу, добрался до болота. Под ногами зачавкала рыжая жижа. Туробой и Хегни молча, пристроились по бокам. Сзади пыхтела Валька. Добрался до ближайшего очага сражения. Здесь пара сотен увязших легионеров отбивались от четырех-пяти сотен славских воинов. Последние, так же основательно увязнув, окружили румийцев полукольцом. Между противоборствующими сторонами оставался промежуток свободного пространства метра в три. Румийцы, все же, сумели сбить щиты. Видимо, и это, так же, ослабило натиск славов. Попытки атаковать были какими-то неуверенными. Они увязали в болоте и не могли толком разогнаться, чтобы ударом щита о щит столкнуть легионеров с занятой позиции и разбить строй. Румийцы ловко кололи из-за щитов своими короткими мечами, давящих на них славов, и те, потеряв с десятков человек, не выдерживали и откатывались на исходную позицию. Враги, при этом, потерь почти не несли.

Славы перемешались: мечники, копейщики атаковали разрозненно, беспорядочно и бестолково. Решение созрело быстро. Может я военный гений? Хотя, вроде бы все вполне очевидно - я обратил внимание, что румийские копейщики практически все потеряли свои копья. Добрался до задних рядов, месящих грязь воинов и рывкнул:

- Все, кто с копьями и рогатинами! Ко мне!

Хегни продублировал команду. Несколько голосов подхватили, и из топчущейся толпы, начали проталкиваться воины с названным вооружением.

Приказал им строиться в четыре ряда. Минут через пять получил этакую миниалангу длиной метров в пятьдесят из двух с лишним сотен копейщиков. В первые два ряда поставил

воинов с рогатинами - рогатины короче копий, в задние - с копьями, рассчитывая, что два задних ряда дотянутся до врага и из глубины строя. Некоторый опыт большинство славов имело - тренировки под Кийградом прошли не зря, потому быстро просекли мой замысел.

Чуть не сорвав голос, заставил попятиться и отступить мечников, все еще пытавшихся разбить строй румийцев. Как только те, недовольно ворча, расступились, вперед на увязших легионеров двинулась стена копейщиков.

Вообще, здешние румийцы копейный бой, как таковой, в сражениях применяли, как-то ограниченно. Это мне объяснили местные учителя военного дела. Не помню, так ли было с нашими римлянами, но, вроде бы так же. Строилась манипула следующим образом: первый ряд, вообще, копий не имел, только мечи. У второго и третьего ряда копья имелись. Причем, у третьего копья были длиннее, чтобы и со своего места доставать до врага. Так вот, если местные легионеры сталкивались с копейным строем, вроде фаланги, они сближались на уверенный бросок метательного копья и делали несколько залпов пилумами. Как правило, передние ряды противника приходили в расстройство. Пользуясь этим, румийцы стремительным броском сокращали дистанцию до сверхмалой. Длинные копья противника становились, при этом, практически, бесполезными. Легионеры же, уперев свои щиты в щиты противников, сноровисто кололи тех своими короткими мечами, постоянно напирая и не давая разорвать дистанцию. Следующие два ряда с копьями, по мере сил, помогали бойцам из первого ряда. При гибели, или ранении впереди стоящего соратника, легионер из второго ряда бросал копье под ноги, вынимал меч, выдвигался в первый ряд и действовал, как мечник. Брошенное копье подбирал воин из четвертого ряда, ставшего третьим, и действовал, как копейщик. Сложно? Наверное, но у румийцев получалось.

Ну и, естественно, копейщики активно использовались при атаках вражеской кавалерии. В этом случае копьями вооружались первые две шеренги воинов и по два воина на флангах в каждом ряду, на случай, если конница проникнет между манипулами и нападёт с боков. При фронтальной атаке первая шеренга становилась на колени, утыкая древки копий в землю и направляя острия в сторону атакующих. Вторая шеренга оставалась стоять, но с копьями производила точно такие же манипуляции. В итоге всадников встречала смертоносная изгородь, пробить которую тяжелой кавалерии, если и удавалось, то ценой больших потерь и потери скорости и пробивной мощи. А потерявшую скорость конницу, румийцы довольно уверенно разили своими гладиусами (в основном лошадей), закрываясь от рубящих ударов сверху, щитами.

Сейчас пилумов у румийцев не было. Быстро и одновременно броситься вперед, сидя почти по пояс в болоте, они не могли, так что все преимущества были на стороне копейщиков. Сблизившись с легионерами до полутора-двух метров, они заработали копьями. Все четыре ряда - благо длина древков это позволяла. В итоге против одного румийца, стоящего в первом ряду, действовали четверо копейщиков из всей глубины строя. Те из легионеров, кто пытался рвануться вперед, неизбежно открывались и хоть одно копье, да находило цель. Кто-то пытался рубить древки, но для хорошего замаха, способного перерубить толстое, выдержанное дерево, опять нужно было приоткрыться. Последствия этого для таких вот дровосеков, так же были печальными. Ушедших в глухую защиту, пытающихся укрыться за щитами, копья тоже, рано или поздно, доставали.

Не выдержав, передние ряды румийцев подались назад. Задние, не удержав массы отступающих, попятись еще на несколько метров вглубь болота, в итоге, погрузившись в ржавую жижу по грудь. Нормально действовать щитами они уже не могли и стали гибнуть один за другим. Пытаясь уйти от губительных стальных наконечников, румийцы продолжали пятиться, и через пару минут основная их масса погрузилась в болото почти по горло. Теперь щитами действовать стало совсем невозможно, и, ставших практически беззащитными легионеров, перекололи буквально в минуту. Посетившую, было, меня идею, предложить румийцам сдаться, я реализовать не успел. Да, подозреваю, и не смог бы. Сами они о пощаде так и не попросили. Ни один.

Копейщики выбрались на сушу и восторженно заорали. К ним присоединились отдышавшиеся мечники. Ну, правильно - победили непобедимых румийцев. Только рановато радоваться. Даже здесь, в середине колонны, где дела идут, в общем, неплохо, еще далеко не все закончилось. Справа и слева от нас разворачивались два минисражения точно по тому же

сценарию: отступившие в болото легионеры, сумели сомкнуть ряды и успешно отбивали все наскоки славов. И, главное, никому из командиров не приходило в голову применить только что использованную мной тактику. А ведь, среди сражающихся, наверняка были и сотники, и даже тысяцкие, которые должны были быть вполне себе опытными вояками. Выяснил, у продолжающих восторженно орать воинов, кто у них командир. Из толпы выбрались трое сотников. Выбрал двоих, показавшихся более сообразительными. Спросил:

- Поняли, что делать?

Оба синхронно кивнули.

- Действуйте моим именем. Ты - направо, ты - налево.

Сотники разбежались в указанные стороны. Так, что дальше? Повернулся, к стоящему рядом, варангу.

- Хегни, тебе придется двигать направо, к хвосту колонны. Бери с собой вот этих, - кивнул на торжествующих славов. - И помогаешь добивать по дороге остатки румийцев. Освободившихся воинов забираешь с собой. Потом с ними атакуешь румийцев на правом фланге: они сумели выстроиться в манипулы. И там еще готская пехота. С ней тоже справиться не могут. В общем, дальше действуй по обстановке.

Варанг попытался заартачиться - мол, не может меня оставить без охраны. Я рявкнул, обрывая все возражения. Потом уже более мягко пояснил, что со мной остается Туробой и остатки ближней дружины, участвующей в победоносной схватке. Кстати, надо их отсортировать из общей кучи, пока Хегни не увел ее с собой.

Наконец, варанг нехотя согласился. Выкрикнул команду, и вскоре ближняя дружина собралась рядом с нами. Из пятидесяти двух человек осталось сорок четыре. Хегни провел с ними кратенький инструктаж. Потом, перекрикивая все еще радостно галдящую толпу, в двух словах объяснил задачу и побежал направо, к ближней группе сражающихся. Притихшие воины, порысали за ним.

Я, Туробой, Валька и сорок четыре воина, двинули налево. В хвост к нам пристроился десяток, приданных мне Хитрованом, казаков, несущих 'насест'.

Схватка, первая, до которой мы добрались, уже заканчивалась в нашу пользу - посланный сотник воспользовался, подсказанной мной тактикой. Через пару минут измазанные в грязи и крови, но жутко довольные воины выбрались из болота. Времени на торжество им не дал. Быстренько привел в чувство, построил и уже во главе пяти сотен побежал дальше.

Километр до головы колонны мы преодолели примерно за полчаса, добивая оставшиеся разрозненные очаги сопротивления. Периодически навстречу попадались конные герулы, удиравшие в одиночку и небольшими группами. С ними разбирались быстро, принимая на копья. Благо деваться всадникам было некуда - бегущие со мной воины, перегородили все пространство между грядой и берегом болота. К этому моменту под моей командой находилось около четырех тысяч славов, воодушевленных победой над непобедимыми румийцами.

В сотне метров от сражения, развернувшегося на левом фланге, приказал командирам остановить и построить воинов в боевой порядок. Казаков попросил установить 'насест' - отсюда, с дороги, сложившуюся ситуацию видно было плохо, а лезть на гребень долго и командовать оттуда неудобно. Трехногий наблюдательный пункт поставили быстро. Забравшись наверх, обозрел открывшуюся панораму.

Ситуация оказалась не так плоха, как я боялся. Герулов наша конница смяла и обратила в бегство. При этом они расстроили ряды построившейся за ними тяжелой румийской кавалерии и сейчас славские всадники рассекали ее в нескольких местах и теснили, на отбивающуюся от нашей, румийскую пехоту. С этой самой пехотой дело обстояло гораздо хуже. Румийцы сумели выстроить коробки семнадцати манипул. Семь в первой линии, шесть во второй и четыре в третьей. В третьей линии в настоящий момент формировалась еще одна. Центральные манипулы были развернуты фронтом к холмам, откуда продолжали атаку наши, правый фланг развернулся к своей отступающей коннице и ошетинился копьями, готовясь отразить конницу нашу. Левый фланг повернулся фронтом к нам, вновь прибывшим.

Так, двести человек в манипуле, пусть чуть меньше - потери, все же легионеры несли. Умножаем на семнадцать, вернее уже на восемнадцать - последняя манипула почти

построилась. Итого - три тысячи шестьсот тяжелой пехоты. Между прямоугольниками манипул, построившихся в классическом шахматном порядке, организованно перемещались несколько отрядов велитов. Навскидку под тысячу человек. Еще, за последней третьей линией, у самого края болота кучковались герульские всадники, те, у которых хватило ума не удирать, сломя голову, напарываясь по пути на наши копья. Этих я насчитал около двух сотен. Полоска земли между холмами и болотом в этом месте расширялась почти до трехсот метров, так, что места хватало всем.

Атаковало голову колонны два пехотных полка из бывших крестьян и полк варангов. Изначально тринадцать тысяч. Какие-то потери наши, естественно, понесли. Присмотрелся. Трупов на поле боя было накидано изрядно. Хотя по ним и успели хорошо потоптаться, наши от легионеров заметно отличались - доспехами, а главное, шлемами. Мертвых румийцев валялось, вроде бы, больше. Все же и здесь урожай жизней, благодаря внезапному нападению, славы собрали изрядный.

В атаке славской и варангской пехоты, к моменту нашего прибытия, наметилась пауза. Загнанные в угол легионеры, отбивались яростно и наши, не выдержав резни грудь в грудь, отхлынули, оставив между собой и противником участок нейтральной земли, заваленной трупами, шириной метров двадцать. Сразу отправил посыльных к их начальству, для согласования действий.

Два казачьих полка, один из которых сюда послал я, скопившись на гребне, засыпали стрелами, отступающую румийскую кавалерию. Доставалось от них всадникам крепко - обращенные к стреляющим казакам спинами, они буквально, пачками валились с седел. Лошадям приходилось еще хуже - ржание раненых животных заглушало все остальные звуки битвы.

Тем временем, пришедшие со мной воины, выстроились в боевой порядок. Под рукой у меня оказался полк городского ополчения. В основном. Можно сказать, повезло - и вооружены довольно качественно и подготовка на высоте. Хегни, ушедшему на правый фланг, соответственно, достался, в основном, крестьянский полк. В городском полку в строю осталось тысячи четыре, из изначальных четырех с половиной тысяч человек. Тоже неплохо. Потери, можно сказать, минимальные. Построились 'стеной' - четыреста человек по фронту, десять рядов в глубину. Перегородили всю ширину участка от гряды холмов до берега болота. В четыре первых ряда тысяцкие поставили воинов, вооруженных копьями - вполне логично, после таких успешных действий за последний час. Правда здесь на суше они вряд ли покажут себя столь же эффективно. Но ничего лучшего у нас против румийцев все равно нет.

Обратил внимание, что около меня, в опасной близости начали посвистывать стрелы. Румийские велиты, по отзывам специалистов, лучники никакие. Скорее, это герулы достать пытаются. Вон несколько группок подъехали к задним рядам обращенных к нам манипул. Точно, они - луки натягивают. Один из герулов оказался особо метким - стрела со звоном отскочила от кирасы. Не пробил - далековато. Однако могут в лицо угодить, или в сочленение доспехов. Надо слезать с 'наседа' - слишком заманчивую мишень я из себя представляю. Придется, видно, все же перебраться на гребень гряды. К казачкам поближе. Не так удобно, но словить стрелу в тушку не хочется категорически. Исцеляйся потом, если раньше не помрешь. Кстати, по поводу исцеления. Порез над бровью опять начал кровить - напрягся, когда лез вверх. Попробовать полечиться, так сказать, в полевых условиях. Я уже говорил, что для этого надо войти в определенное состояние? Не скажу, что это в полном смысле медитация, но определенного сосредоточения процесс требует. Здесь наверху сосредоточиться не получилось - отвлекали все чаще летящие стрелы. Съехал по канату вниз. Здесь меня подхватил Туробой и погрозил пальцем. Понятно - ругается, что так долго сидел под герульскими стрелами.

- Прости, так нужно было, - покаянно развел руками.

Неудачная попытка излечения беспокоила. Похлопал немного телохранителя по плечу, отошел в сторонку и, упершись головой в одну из опор своего наблюдательного пункта, снова попытался ввести себя в нужное состояние. Опять мимо. Стресс, что ли виноват? Будем считать, что так. Ладно, после разберемся. А теперь двигаем на гряду.

Добрались до гребня гряды быстро - почти бежали. Я, Туробой, Волеслава и ближняя дружина. Здесь к нам присоединился Хитрован.

- Что будем с этим делать, Посланник? - встретил он меня вопросом и кивнул в сторону румийцев.

- Разберемся, - буркнул в ответ.

Найдя местечко повыше, присел на подходящий камень и приготовился наблюдать за дальнейшим развитием событий. Командовать атаку не спешил: имелась надежда на то, что отступающая румийская конница смешает строй своей пехоты и наши конники прорвутся в глубину вражеского боевого порядка.

Увы! Когда наши добавили румийских всадников до передних манипул, задние развернули лошадей и галопом ринулись в промежутки между манипулами, в глубину румийского строя. Минуту спустя за ними последовала остальная масса румийской кавалерии. Манипулы второй линии, не дожидаясь, когда проскачут последние всадники, двинулись в промежутки между манипулами первой линии, встречая нашу конницу, кинувшуюся следом, сплошной стеной щитов, с торчащими из-за них копьями. Толком не разогнавшаяся конная лава, разбилась об эту стену и отхлынула.

В течение следующих двух-трех минут румийцы произвели молниеносное перестроение. В центре и на своем левом фланге манипулы из задних рядов произвели ту же эволюцию, что и на фланге правом - переместились в первый ряд, выстроившись в одну линию. В середине образовавшегося п-образного строя осталось три манипулы (видимо подвижный резерв), тысяча велитов, сотен пять уцелевших всадников-румийцев и две сотни герулов. Образовавшееся каре чуть попятилось, так, что ножки буквы 'П' уперлись в берег болота и застыло. Прделано все это было поразительно четко и слаженно.

- Теперь взять их будет не просто, - прокомментировал Хитрован.

- Догадываюсь, - мрачно пробурчал я. - А чего твои стрелять прекратили? Стрел не хватает?

Казачки, действительно, опустили луки, должно быть, замороженные мастерскими строевыми эволюциями румийцев.

- Куда стрелять? Командуй, - пожал плечами атаман казачьего войска.

Действительно, куда? Конница и легковооруженные велиты упились к самому болоту и стрельба по ним с расстояние триста метров, даже из мощных казачьих луков, будет малоэффективной. Остается строй легионеров. Наша отступившая конница, кстати, уже начала обстрел со своего фланга. Славский всадник - воин универсальный: имея тяжелое вооружение, он, ко всему, еще и конный стрелок. Причем, стрелок весьма неплохой - видел их упражнения под Кийградом. Луки, по качеству ничем не уступающие казачьим, они всегда возят с собой, притороченными к левой задней луке седла, колчаны - к задней правой. Сейчас, образовав гигантскую,двигающуюся не спеша карусель, славы засыпали стрелами правый румийский фланг.

Ну, что ж, поможем нашей кавалерии.

- Бей одним полком по правому флангу - в спины, а вторым - по центру, - приказал, ожидающему моего решения, Хитровану.

Тот кивнул и направился к своим людям. Через минуту казачьи полки возобновили стрельбу, исходя из моих целеуказаний.

Следующие десять минут правый фланг и центр румийского каре подвергался массированному обстрелу нашей конницей и казачьими полками. Сокрушительного эффекта не наблюдалось. Румийцы плотно сомкнули края щитов. Первые шеренги легионеров опустили на колено, полностью за ними укрывшись. Вторые шеренги поставили нижние края своих щитов на верхние края щитов рядов первых и немного наклонили их на себя. Третьи и последующие шеренги подняли skutумы над головами, образовав над строем, своего рода, крышу. Задние шеренги правого фланга, получавшие от казаков стрелы в спину, развернулись на сто восемьдесят градусов и построили ту же защиту, что и их соратники, стоящие в первых рядах. Если обстрел и наносил румийцам какие-то потери, то они, судя по всему, были не слишком значительными.

Прошло еще минут десять. Складывалось впечатление, что обстрел легионеров не слишком-то и беспокоит.

- Становится скучновато, - пробормотал я себе под нос фразу капитана Смоллета из любимого мультика 'Остров сокровищ'. Помните, когда они обороняются от пиратов в форте.

Еще десять минут обстрела - тот же результат. Этак стрел не напасешься, подумал я, посматривая на снующих между лагерем и стреляющими казаками, обозных мужиков, подносящих связки запасных стрел. Неужто придется атаковать в лоб эту живую крепость. Представив, каких потерь это будет стоить, поежился. Ладно, подождем, пока стрелы не кончатся.

Черт, еще не понятно, как там дела в хвосте колонны! А ведь там тяжелая сарматская конница. У наших, конечно численное преимущество, но кто знает. Посмотрел в ту сторону. Отсюда ничего толком было не рассмотреть. Приказал снова поставить насест. Забрался. Глянул. И чуть не загремел вниз. В нашу сторону двигалась плохо организованная колонна странного состава. Впереди рысила славская конница, за ней славская же пехота. Ну, это понятно. Но за нашей пехотой двигались готы, в своих вороненых доспехах, а за готами конные сарматы. Замыкали колонну опять славские всадники. Так, а что с румийцами? Протер глаза, присмотрелся. На месте боя навалены трупы, между которыми бродили одинокие фигурки. Похоже, кирдык румийцам. Получается, готы и сарматы перешли на нашу сторону? Другого объяснения, открывшейся картине, я не находил.

Так и оказалось. Впереди подошедшей колонны гарцевали Велимир, Хегни, уже успевший раздобыть где-то коня, и еще с десятков воинов из свиты Великого князя. Я съехал на заднице со склона им навстречу. Туробой и Волеслава, как две тени последовали за мной. Распираемый гордостью Велимир, спешил, кивнул на приближающихся готов и сарматов, и произнес:

- Принимай пополнение, Посланник. Теперь эти будут биться на нашей стороне. Удалось уговорить. Они недолго и упирались. Хотя, мы, надо сказать, были очень убедительны.

- Хорошая работа, Великий князь, - одобрительно хлопнул по плечу Велимира. - Что с румийцами?

Князь и Хегни, перебивая друг друга, поведали, что произошло в хвосте румийской колонны. После первого сокрушающего (со слов Велимира) удара готы и легионеры были прижаты к болоту, но успели построиться. Этот момент я видел, обозревая с 'насеста' ход битвы в первый раз. Однако вскоре сарматы, пятащиеся под натиском нашей конницы, расстроили боевое построение готов. Вот тут готы, видя бессмысленность сопротивления, и сдались, опустив наконечники копий на землю. Есть у них такой обычай. Велимир, к счастью, этот знак понял и приказал остановить, начавшуюся было, резню. Заодно с готами сдались и остатки сарматской конницы.

Румийцы, к тому моменту отрезанные от своих федератов и занятые построением оборонительных порядков, всего этого не видели и у Великого князя мгновенно возник план. Найдя командира готов, он объяснил ему, что нужно сделать. Тот оказался человеком понятливым, опять же, нужно было доказать новым союзникам свою лояльность. Готы снова сплотили ряды, издали боевой клич и двинулись на соединение с румийцами сквозь, разделяющую их толпу славов. Те, повинувшись командам сотников, которых успели ввести в курс дела, отхлынули к гряде холмов. Румийцев не смутил такой легкий прорыв к ним союзников, и они разорвали строй, пропуская в середину фалангу готов. Вот тут и пошла потеха! Готы ударили изнутри, наши снаружи, потом в разрывы врубилась конница. И сарматская в том числе.... В общем, с румийцами, потерявшими строй, покончили достаточно быстро. Молодцы! Особенно Велимир. Я зауважал его еще больше - так быстро сориентироваться!

Еще раз от души поздравил Великого князя с победой и озабоченно оглянулся, на продолжающее несокрушимо стоять, румийское каре. Может и здесь попробовать тот же фокус. Да нет, они же видели, что готы и сарматы явились сюда в составе нашей колонны и все поняли. Ладно.

Сказал, чтобы пехота строилась в боевые порядки, а вновь прибывшая славская конница занялась обстрелом левого фланга румийского каре - пусть и тем не скучно будет. Потом все вместе забрались на гребень и устроились, на облюбованной мной, возвышенности. Минут пять наблюдали за сыплющимся на легионеров дождем стрел. Потом Велимир почесал бороду, крикнул и констатировал:

- Да, не берет!

Все присутствующие, молча, согласились, глубокомысленно кивнув. Я в том числе.

- Что будем делать? - это опять Велимир.

Идей ни у кого, похоже, не было. Опять воцарилось молчание. Хеканье стрелков, щелканье тетив, шелест летящих стрел, все это слилось в своеобразную мелодию. Так бы слушал и слушал. Опять посетило ощущение, что все происходящее не реально: кино, сон, или горячечный бред воспаленного мозга. Фу ты, черт! Тряхнул головой, возвращаясь в реальность. Так, а стрелы, похоже, подходят к концу. Конный отряд на нашем левом фланге, прекратил стрельбу и начал выстраиваться тремя клиньями, готовясь к атаке. Этими командовал Дубыня. Решительный, однако, мужик. Срочно отправил к нему посыльного, чтобы не гнал коней - ждал распоряжений. Обозные мужики подтаскивали казакам последние связки стрел. Всадники на нашем правом фланге, пока стреляли. Ну, правильно - они занялись этим делом самыми последними.

Через десяток минут стрелы закончились и у них. По рядам легионеров, словно прошел вздох облегчения. Пропела труба и румийцы взяли щиты в обычное положение. В следующую минуту, к поблескивающим сталью рядам, побежали велиты, протискивались внутрь строя и показывались обратно, таща на себе раненых легионеров. Способные передвигаться самостоятельно, выбирались из строя иковыляли к берегу болота. Раненых было не так уж мало. А ведь есть еще убитые, лежащие внутри строя под ногами живых. Не так уж и бесполезен оказался обстрел - все же находили стрелы в этой стене щели.

После выноса раненых шеренги легионеров пришли в движение, уплотнившись и немного попятившись к болоту. Ножки буквы 'П' стали короче, а переключинка - уже. Через пару минут строй опять застыл в какой-то механической неподвижности. Все же придется атаковать. Ох, как не хочется! Внизу у подошвы гребня возникло движение. Глянул туда. Вверх по склону карабкалась группа из десятка человек. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это Ратослав - командир Новуградского полка и Атли - командир полка варангов. Оба с небольшим сопровождением. Подойдя к нам, вся группа опустилась на колени. Сделал знак подняться и вопросительно глянул, сначала на одного, потом на другого.

- Позволь сказать, Посланник, - начал Ратослав.

- Говори, говори, - поторопил я.

- Мои люди хотят первыми пойти в атаку на румийцев. Там, - он кивнул в сторону уничтоженного хвоста колонны, - мы и размяться, толком не успели.

- Достойное желание, - кивнул в ответ. - Ты и твои люди возглавят атаку левого фланга румийского каре. Ступай. Строй людей.

Командир новуградцев степенно кивнул и двинулся к откосу.

- Я с такой же просьбой, - выступил вперед Атли. - Прости, но твои славы во время боя только мешались под ногами, не давая развернуться моим воинам.

Я хмыкнул - от скромности варангам, похоже, смерть не грозит. Потом важно произнес:

- Ты и твои люди атакуют правый фланг.

Атли поклонился, прижав руку к груди, и почти бегом двинулся к своему отряду.

Вскоре внизу среди нашего войска началось движение. Выстроившиеся стеной городские ополченцы, которых сюда привел я, немного попятнулись, пропуская впереди себя полк новуградцев. Те построились тремя отрядами в виде клиньев, обращенных острыми углами в сторону румийского каре. Справа от каре, потеснив конницу Дубыни, строились варанги. Точно таким же образом. Только 'клинка' было два. Такого типа построения пехоты я здесь пока не видел. Поинтересовался, у стоящего рядом Хегни.

- Так строятся варанги. Для атаки. С незапамятных времен. Некоторые соседи переняли у нас такой строй. В том числе новуградцы. На острие клина всегда находится сильнейший воин. Два, тоже сильных воина, по бокам и чуть сзади, прикрывают его, их бока прикрывают следующие из клина. Сразу за центральным воином стоит такой же сильный боец, на случай, если первого убьют. Тогда он встает на его место. Такие клинья очень хороши против плотного строя пехоты.

- Понятно, - кивнул я и снова перевел взгляд на поле битвы.

Два, изрядно потрепанных крестьянских полка, атаковавших румийцев с фронта, перестроились и тоже были готовы к бою. Получалось, в первой волне атаки, даже с учетом

потерь, количество наших воинов составит тысяч пятнадцать-шестнадцать. Еще тысяч одиннадцать-двенадцать во втором эшелоне. Плюс три тысячи казаков, плюс кавалерия. И это против пяти с небольшим тысяч румийцев! Шансов у них, видимо, нет, и они сами это понимают. Вот, только в какую цену нам обойдется эта победа? А если предложить им капитуляцию?

Поделится этой идеей с Хегни. Тот с сомнением покачал головой.

- Не слышал, чтобы румийцы когда-либо сдавались. Пленных в бою, да - брали, но, чтобы вот так, целым подразделением, готовым к бою...

- И, все же, попробуем. Как можно вызвать на переговоры их командира?

- Белый флаг, - опять пожал плечами варанг.

И тут же обеспокоенно спросил:

- Надеюсь, ты не собираешься сам с ними разговаривать?

- Только сам. Ну, еще тебя возьму и Туробоя.

- Тогда ладно, - успокоено кивнул варанг.

Нашли белую тряпку, водрузили ее на древко и отправили к румийскому каре бойца из ближней дружины. Тот вышел на нейтральную пятидесятиметровую полосу перед фронтом каре. Минут пять разговора, и дружинник развернулся обратно. Мы втроем, к этому времени, уже спустились с гребня, прошли через промежуток между двумя крестьянскими полками и остановились на уровне их первой шеренги. Наш парламентар легкой рысью приблизился и сообщил:

- Их командир согласен говорить. Прямо здесь.

Он ткнул пальцем в середину ничейного пространства. Я глянул на своих спутников. Ну, что, пошли? Туробой и Хегни позаимствовали у стоявших рядом воинов по щиту. Я двинулся налегке. Преодолели половину расстояния до румийского строя и остановились, ожидая противную сторону.

До легионеров было метров двадцать с небольшим и их стало можно рассмотреть поподробнее. Румийские воины поставили щиты на землю. Их серые от пыли, в потеках пота лица, выражали усталое любопытство. Приветственно помахал им рукой. К любопытству на лицах легионеров добавилась толика недоумения. Ну да, наверное, этот мой жест в данной ситуации малость неуместен.

Один из рядов румийских воинов синхронно сделал шаг назад и вправо. В образовавшемся коридоре показалось три человека. Офицеры, судя по богатым, золоченым доспехам и пышному красному плюмажу на шлемах. Четким, почти строевым шагом они приблизились и остановились в метре напротив нас.

Вперед выступил командир. Суровый мужчина лет сорока. Этаким типичный римский патриций. Довольно высокий, повыше меня. Сухощавого телосложения, но крепкий и жилистый. Смугловатое, гладко выбритое лицо, тонкий с горбинкой нос, тонкие, крепко сжатые губы, волевой подбородок с ямочкой, впалые щеки, выраженные носогубные складки. Можно сказать, красив суровой мужской красотой с южноевропейским уклоном. Лицо выражало скуку с налетом презрения. Двое его спутников оказались заметно моложе - лет двадцать пять, плюс-минус пара лет. Щитов при них не было, только гладиусы. Причем прицепленные к левому боку. Ну, правильно - начальство - щиты не носят. Эти встали по бокам своего патрона и чуть позади, расставив ноги и заложив руки за спину. Лица так же выражали скуку и презрение. Вот юберменши чертовы.

- Кто ты и о чем хочешь говорить? - разжав губы, процедил главный.

- Хотелось бы вначале услышать твое имя, - добавив в голос надменности, ответил я. Таких на место надо ставить сразу. Проверено.

Похоже, румиец слегка удивился такой наглости. Потом усмехнулся и, с издевкой в голосе, представился:

- Гай Луций Флавий, легат 'восьмого молниеносного'.

Надо же, имена у них, действительно, земные латинские. Может они сюда перебрались из моего мира? Но причем тут какая-то катастрофа, от которой они бежали? На Земле во времена Римской Империи ничего такого, вроде, не было. Какой-то еще один параллельный мир, третий по счету, еще более похожий на мой? Видимо, так.

- Остатков 'восьмого молниеносного', - поправил этого достойного представителя

народа, повелевающего местным миром. - От которого вскоре, вообще, останется только название.

Гай Луций дернул углом рта. И ответил:

- Ты вызвал меня на переговоры только за тем, чтобы сообщить это? Если боги отвернулись от нас, мы сумеем умереть с честью, как подобает румийским воинам.

С чувством сказал. Так сказал, что я поверил - умрут с честью. И еще утащат за собой кучу наших воинов. А вот этого не хотелось бы. Помолчали. Потом румиец спросил:

- Так все же, с кем я говорю?

- С Посланником Богов, - скромно так, представился я.

В глазах легата загорелся интерес. Нехороший, надо сказать интерес.

- Тот самый? - уточнил он.

- А что, они здесь стадами пасутся? - добавил в голос раздражения.

- Ну да, действительно, а какой же еще, - констатировал румиец и, вроде бы случайно, поправил меч.

- Не советую, - предостерег я. - Убить меня не просто. Опять же - мы парламентареры, а румийцы люди чести. Так, кажется?

- Это так... - разочарованно обронил Гай Луций.

Воцарилось недолгое молчание. За это время легат взял себя в руки, видимо, отказавшись от попытки меня убить. Лицо его вновь стало бесстрастным. Он снова заговорил. На этот раз презрения в голосе румийца не было слышно. Только легкий сарказм.

- Так что же Посланник Богов хочет от нас, смертных?

- Хочет прекратить кровопролитие и предложить вам почетную капитуляцию.

- Почетную? - сарказма в голосе моего собеседника прибавилось. - И в чем будет заключаться почет?

Я, как-то, сразу понял, что дальнейший разговор бесполезен, но по инерции продолжал говорить.

- Вам оставят знамена. Командному составу - личное оружие. На все время войны вы и ваши люди разместятся в глубине славской земли и будут снабжаться всем необходимым. После нашей победы всех отпустят восвояси.

- Вашей победы? Ты бредишь, Посланник. Эта ваша случайная победа, одержанная не честно, исподтишка, ничего не значит. Не смотря на твое возможное отношение к богам, ты, похоже, не представляешь мощь империи. Вы будете раздавлены. Рано, или поздно. И никакие боги тебе здесь не помогут.

Легат даже слегка зарумянился в процессе своей эмоциональной речи. Сделав небольшую передышку, он продолжил:

- Я сделаю тебе встречное предложение. Эту битву мы, конечно, проиграли. Но теперь, когда мы готовы к последней для нас схватке, за каждую свою жизнь мои воины возьмут по три жизни твоих воинов. И, если ты хочешь избежать этих потерь пропусти нас обратно в Лютецию. И дай слово, что не нападешь во время марша. Почему-то я верю, что ты сдержишь слово.

Румиец криво усмехнулся.

- Что скажешь на это?

- Ну да, в Лютеции, обороняясь за стенами, твои люди точно возьмут по три жизни моих воинов каждый. А может и больше. Потому, или вы сейчас отправитесь, сложив оружие, в почетный плен, или все останетесь здесь, в виде трупов.

- Не договорились, - опять усмехнулся Гай Луций. Но мне показалось, что в глубине глаз его мелькнула смертная тоска. - Прощай, Посланник. Встретимся в Ирии.

Легат повернулся кругом, четко, через левое плечо и зашагал к строю легионеров. Два, сопровождающих его офицера, двинулись следом. Румийские воины опять сдвоили ряды, пропуская командира, затем сомкнулись. М-да, не вышло. Хегни дернул меня за кольчужный рукав.

- Нам пора, господин.

Да, действительно - пора. Не стоит искушать румийцев своей персоной в такой доступной близости. Мы развернулись и, стараясь не спешить, направились к своим.

Добравшись до гребня откоса, еще на подходе, махнул Велимиру, окруженному свитой

и командирами подразделений, подтянувшимися к нашему НП.

- Командуй атаку, Великий князь!

Взревела сигнальная труба, и масса войск внизу пришла в движение. К этому времени я занял удобное для наблюдения место. Командиры полков разбежались по своим подразделениям и рядом со мной остались Велимир со свитой, Хитрован, ну и, естественно, троица в лице Хегни, Туробоя и Вальки. Сзади толпились воины ближней дружины. Велимир, тоже, испросив разрешения, убыл на правый фланг, чтобы возглавить находящиеся там войска.

Низменность, по которой шла дорога, оказалась сыроватой, поросшей сочной высокой травой. Траву, конечно, вытоптали, но пыли, сражающиеся, не поднимали. Потому панорама битвы просматривалась, как на ладони.

Два крестьянских полка, стоящих против фронта румийского каре, издали воинственный вопль, бегом преодолели полсотни метров, разделяющие их с врагами и с грохотом врезались в строй легионеров. Клинья варангов и новуградцев на румийских флангах, начали разбег. Перед самым каре скорость достигла максимума. Мощные воины, находящиеся на острие клиньев своими щитами ударили в щиты, противостоящих им в первых рядах легионеров, вкладывая в удар всю свою массу, помноженную на массу, давящих им в спину соратников. К счастью, метательные копья у легионеров кончились, и сбить напор атаки им было нечем. Румийцы встретили удар, уплотнив ряды, оперевшись щитами в спины впереди стоящих. Удар клиньев был страшен. Грохот, лязг металла, предсмертный вой. По-моему, воины, находящиеся в месте первого столкновения погибли мгновенно. И наши и румийские. Строй легионеров в местах удара клиньев прогнулся - все же глубина строя в клиньях была больше, соответственно, больше была и масса наших воинов, давящих на румийцев. Но те удержались. Отступив на несколько шагов, они спрямили строй и заработали своими короткими мечами.

В общем, клинья увязли. Они продолжали давить вперед, румийцы гибли под их мечами, но гибли и наши. Острые углы клиньев, словно затупились, размазались по строю легионеров. Похоже, самых крутых бойцов румийцам удалось выбить. Атака с фронта развивалась еще менее успешно. Два крестьянских полка, понесшие ощутимые потери в предыдущей стычке, похоже, психологически надломились. Получив жесткий отпор, они отхлынули назад, разорвав дистанцию между собой и противником до десяти метров. Ряды их расстроились. Если бы румийцы сейчас предприняли контратаку, наши, пожалуй, дрогнули бы и побежали. Сотники и тысяцкие пытались привести воинов в чувство и выровнять ряды. Получалось, пока, плохо.

Командир одного из полков, приведенных Велимиром, находящийся пока в резерве, вдруг решил проявить инициативу и начал движение, пытаясь обойти каре болотом. Хотел остановить эту авантюру, но потом подумалось, а вдруг получится? Не получилось. С трудом передвигающихся в вязкой жиже славов, прямо в болоте встретила тяжелая румийская кавалерия, которую поддерживали стрелами герулы. Наши брели, погрузившись до пояса, лошадям же ржавая грязь не доходила и до брюха. Потому передвигались они в болоте довольно свободно и всадники буквально вырубали нашу, расстроившую боевые порядки, пехоту. Славы не выдержали и побежали, пытаясь выбраться на берег. Бежать получалось плохо - увязали. Румийская кавалерия тоже повернула направо, к берегу, настигала бегущих, и рубила, рубила... Спас остатки разбитого полка конный полк, тоже, стоящий в резерве. Командир молодец - сориентировался. Загнал своих людей в болото и ударил, увлекшимся преследованием румийцам, в левый фланг. Наших было намного больше, и они легко их смяли. Враги развернули коней и попытались добраться до берега, отгороженного румийским каре. Удалось это не более чем сотне. Наша конница попыталась на плечах отступающих ворваться в середину легионного строя, но на берегу их уже ждала стена воинов из трех резервных манипул. Они, сдвоив ряды, пропустили своих всадников, а затем встретили наших в копья. Славы несли потери, но не отступали, продолжая давить на железный строй. Опять над полем битвы, заглушая грохот, крики и лязг, разнеслось ржание и визг, смертельно раненных коней.

Прошло пять минут, десять, пятнадцать. Наши давили, румийцы стояли. Стояли непоколебимо. Во всяком случае, отсюда, с гребня, так казалось. И что делать? Вводить в бой

резерв? Ему просто некуда ударить - бой шел по всему периметру каре, новые отряды будут просто топтаться за спинами, уже сражающихся подразделений. Попробовать спровоцировать легионеров нарушить строй? Ложным отступлением, например. Только, вот, такой сложный маневр готовится заранее, причем, тщательно. А почему отступление обязательно должно быть ложным? Крестьянские полки, отогнанные румийцами, командиры кое-как привели в порядок, но на следующую атаку, пока, не решались. А что, если.... Ну, да - если сейчас их, деморализованных неудачами, опять погнать вперед на строй легионеров, то они неизбежно снова отступят. А если кто-то в их рядах поднимет панику, то и побегут. Бегущий противник - большой соблазн. Может, румийцы не удержатся? Значит, надо заслат в ряды атакующих паникеров. Ну, это просто.

Выбрал, из толпящейся за спиной ближней дружины, десяток воинов, показавшихся наиболее сообразительными, и объяснил задачу. Те понятливо кивнули и, съехав вниз по склону, побежали, к переминающимся в нерешительности, полкам. Я повернулся к Хитровану.

- Как, твоим ребятам не хочется размяться?

- Еще бы не хотелось! Стрелы истратили. Застоялись уже.

Быстренько объяснил атаману диспозицию.

- Все понял, - кивнул Хитрован и бегом бросился к своим людям, на ходу раздавая приказы.

К этому времени, к двум казачьим полкам, находящимся на гребне, уже присоединился третий, действовавший до того в хвосте колонны. Казаки разобрали, сложенные в кучи щиты, сложили на их место колчаны с луками и, разделившись на две, примерно равные группы, посыпались вниз. Там они обогнули крестьянские полки и начали выстраиваться справа и слева от них, на некотором удалении. Увидев, что казаки заняли свои места, я отправил посыльного к командирам с приказом начинать атаку.

Через пару минут крестьянские полки двинулись вперед. Без всякого энтузиазма. Ну, в данном случае, этого и не требовалось. Короткое столкновение и славы опять отхлынули. Панических криков в шуме сражения я не услышал, но, видимо, таковые имели место быть, поскольку относительно организованное подразделение вдруг расстроило ряды, и народ в нем замялся. Некоторые покинули строй и побежали. И тут румийцы не выдержали - все же они были людьми, а не неодушевленными механизмами. Они ударили по заколебавшемуся противнику. Правда, даже здесь у них был сплошной 'ordnung und disziplin'. Вперед бросились три манипулы из шести, обороняющих фронт легионного каре. Через одну, согласно римско-румийской тактике. Эффект удара этих манипул по колеблющемуся славскому строю был сокрушительным - началось повальное бегство. Легионеры начали преследование, разя славов в незащищенные спины. Вот здесь их, до того безукоризненный строй, начал рассыпаться. А иначе, бегущего в беспорядке противника, преследовать, в принципе, невозможно.

Отступающие славы добежали до откоса, на гребне которого мы стояли и, не решившись карабкаться на него, порскнули, кто вправо, кто влево. На этом румийцы решили прекратить преследование и начали сбиваться в коробки манипул. Вот тут-то им во фланг и ударили спешенные казачьи полки. Бились они безо всякого строя, исключительно на индивидуальном мастерстве. Румийцы до казачьей атаки выстроиться толком не успели, а теперь те им этого старались не позволить. Имея подавляющее численное преимущество, они отрезали три, покинувшие румийский строй, манипулы и прижали их к откосу. Правда, при этом казачки неосторожно повернулись тылом к легионному каре. Этим не преминули воспользоваться, оставшиеся три, стоящие во фронте каре, манипулы. Сомкнувшись в сплошную фалангу, они совершили стремительный бросок и ударили казакам в спину. Но казачки это не крестьянская пехота: задние ряды развернулись и достойно встретили, атакующих румийцев. Кстати, эти степные разбойники не взяли в сражение сабель и дрались длинными кинжалами, очень похожими на кавказские кинжалы из моего мира. Против румийских гладиусов в тесном бою - самое то.

Все эти события происходили, практически, прямо под нами, у подножия гребня, с которого мы наблюдали за ходом битвы. В настоящее время расстроенные манипулы, покинувшие каре первыми, были обращены к нам тылом. Что ж, грех не воспользоваться

моментом. У меня под рукой все еще находилось человек тридцать ближней дружины, плюс Хегни, Туробой, ну и сам я, без ложной скромности, боец не из последних. Вот только, что медлят Велимир с Дубыней - сейчас коннице самое время ударить во фланг и тыл, атаковавшим казаков легионерам. Что, отправлять к ним посыльных с соответствующим приказом? Но нет, князь и воевода свое дело знают. Два конных полка, по одному с каждого фланга начали разворачиваться для атаки. Надо поторопиться - отвлечь румийцев от готовящихся к удару конников. Подхватил, лежащий в общей куче щит, и, не давая Хегни опомниться и начать отговаривать меня, прыгнул вниз, командуя уже на лету:

- Все за мной!

Прижатые к откосу румийцы, успели среагировать. Задние развернулись к нам и закрылись щитами. Подъезжая на заднице к подошве откоса, вскочил на ноги и, выставив щит, со всего разгона врезался в толпу легионеров. Опрокинул первого, ткнул острием меча в лицо второго. Третий встретил жестко, встречным ударом щита в щит, затормозив мое продвижение в толпе врагов. Но тут до румийцев добрались воины ближней дружины, ну и, естественно, Хегни с Туробоем. Последние тут же пристроились справа и слева, прикрывая мне бока. Остановивший меня легионер, оказался тертым калачом. Зацепив умбоном правый край моего щита, и сбив его влево, он хитро над верхним краем своего щита попытался уколоть меня, в открывшееся горло. С трудом отбил выпад крестовиной меча и тут же провел контратаку, рубанув противника в открывшийся левый бок. Чешуйчатый панцирь не пробил, но удар, судя по всему, оказался весьма болезненным. Румиец дернул щит влево, рефлекторно пытаясь прикрыть пострадавший бок и открывая правую сторону груди. Я тут же нанес ему диагональный рубящий удар между правым плечом и шеей. Легионер глухо вскрикнул и завалился навзничь. Следующего противника убили в спину казаки, громящие румийцев с фронта. Глянул вправо, влево - больше в поле зрения живых противников не наблюдалось, сплошь казаки и мои дружинники. Видимо, наш удар стал той последней соломинкой, сломавшей хребет верблюда. С этими тремя манипулами было покончено. Оставались еще три, атаковавшие казаков, и в тыл которым сейчас должны были ударить всадники Дубыни и Велимира. Попытался, было, протиснуться вперед, но меня притормозил Хегни, ухватив за рукав и сказав:

- Хватит на сегодня испытывать судьбу, господин. Теперь справятся и без тебя.

В другой рукав вцепился Туробой и замычал, давая понять, что целиком поддерживает мнение варанга.

- Они правы, посланник.

Это уже голос Волеславы, раздавшийся откуда-то из-за спины. Чертова девка все же полезла вместе с нами в гущу схватки. Обернулся посмотреть, как у нее дела. Слава богам - вроде цела.

Впереди справа и слева нарастал грохот копыт - пошла в атаку наша конница. Отсюда снизу разглядеть, что либо, было сложно, лезть опять на гребень гряды не хотелось. Решил забраться вверх метров на семь. Там из склона выпирала известняковая глыба, на которой вполне могли устроиться несколько человек. Залезли туда вчетвером. Бойцы ближней дружины остались внизу.

К этому времени, три оставшихся манипулы почти добили - удара в тыл тяжелой конницы румийцы отразить не смогли. Большая часть всадников развернула коней и, переходя на галоп, устремились, в оставшуюся открытой, середину каре. Легионеры пытались загнуть фланги и прикрыть брешь в построении. Однако атакующие новуградцы и варанги усилили напор и румийцы не успели. Кавалерия ворвалась в центр вражеского строя и, разделившись, ударила по флангам и трем резервным манипулам, отбивающим атаку со стороны болота. Ожидаемой паники и неразберихи не произошло: прямоугольники манипул, за исключением двух ближних, слишком растянувших свой строй, в стремлении закрыть брешь в построении, как-то укоротились и покрылись с боков и сверху панцирем щитов. Вот она - знаменитая римская, в смысле, румийская 'черепаха'. Целых шесть штук. Две растянувшиеся манипулы, не сумевшие совершить спасительную метаморфозу, наши раскололи на части и, сейчас, добивали. Так же, добивали велитов и остатки румийской и герульской конницы.

А вот 'черепахи' устояли. Этакie прямоугольные острова в бушующем море,

перемешавшейся в боевом угаре, варанго-славской пехоты и конницы. Конницу, которая не могла разогнаться для хорошего таранного удара, легионеры отбивали просунутыми между щитов, копьями. Наскоки пехоты встречали убийственными ударами гладиусов. Отбив первый самый страшный натиск, 'черепахи' начали двигаться, убивая, опрокидывая и давя наших воинов. Оба бывших фланга сблизилась друг с другом и прямоугольники, превратившихся в черепах манипул, выстроились в линию. Длинными сторонами почти вплотную друг к другу. С интервалом метров в пять. Все славы, оказавшиеся в этих промежутках, были переколоты в минуту. Потом 'черепаший строй' медленно двинулся вдоль дороги. В сторону Лютеции.

Да что же такое творится! Какие-то роботы не убиваемые! Терминаторы! Черт бы их взял! Меня переполняло чувство почти мистического ужаса и восхищения при виде того, что творили эти ребята. Разбитые, обреченные, они выполняли свой долг, как они его понимали, до конца. 'Черепахи' двигались вперед. Не быстро, но и не замедляясь. Этакие танки античности. И, казалось, нет такой силы, которая могла бы их остановить. Но, нет - нашлась такая. Постепенно вокругдвигающихся манипул концентрировались новуградские и варангские воины. Они не кидались бестолково на клинки и копья румийцев, они выжидали, как охотящийся хищник, выбирающий момент для смертельного прыжка. И вот, момент настал: охотники, издав оглушительный рев, кинулись на румийцев. Идущие в передних рядах были облачены в прочные доспехи и вооружены тяжелыми боевыми топорами. Они мощными ударами крушили щиты, перерубали копья, добивались до скрывающихся за щитами легионеров, прорубая доспехи, раскалывая шлемы. Самые отчаянные, карабкались по плечам своих соратников, перепрыгивали на 'крышу' 'черепах' и отчаянно рубили ее. Легионеры размыкали щиты, и храбрецы проваливались внутрь под удары гладиусов, но, судя по образующимся провалам в крыше, успевали убить или искалечить двух-трех, а иногда и больше, легионеров. Прорех и дыр в 'черепахах' становилось все больше, они расширялись, а потом от 'черепах' начали откалываться целые куски, быстро исчезающие в бушующем море, окружающего их, славского войска. Манипулы раскалывались и таяли, как льдины под жарким солнцем. Их огрызки начали смыкаться, соединяясь друг с другом, слившись вскоре, в общую кучу. Именно кучу, строем это назвать уже было нельзя - неправильный, быстро уменьшающийся круг с легионным орлом и пучком, колеблющихся манипулярных знамен в центре. Пять-семь минут и круг сжался метров до десяти в диаметре. Наши подступили вплотную к знаменам. Их древки, с прикрепленными в верхней части манипулярными значками, наклонялись и падали одно за другим. Вскоре от румийцев остался совсем жалкий островок с одиноким орлом на древке. Миг и волны славов затопили его. Орел наклонился, выпрямился, еще раз наклонился, почти упал, но снова выпрямился. Потом, наклонился и рухнул окончательно. Все. Кончено. Alles gemacht.

Секунду спустя, над полем боя разнесся рев ликования десятков тысяч глоток. Победа! Великая победа! Но мне, почему-то было не радостно. Вспомнилась тоска, мелькнувшая в глазах румийского легата, усталые, запыленные лица легионеров, рассматривающие меня во время переговоров, их несгибаемая храбрость и воля к победе до самого конца...

Расстегнул подбородочный ремень, снял шлем и отдал его Туробою, стянул с головы подшлемник, взъерошил, слипшиеся от пота волосы. Втянул носом воздух. Легкий ветерок доносил с поля битвы тошнотворный запах крови и вывороченных внутренностей.

- Что-то не так, господин, - не заметив на моем лице радости от одержанной победы, поинтересовался Хегни.

Глянул на него, Туробоя. Оглянулся через правое плечо на Вальку. Все они с легкой тревогой смотрели на меня. Через силу улыбнулся.

- Все в порядке. Я бы даже сказал, все замечательно. Но надо позаботиться о раненых. Хегни, распорядись. Пусть собирают и несут вот сюда, - ткнул пальцем вниз, на свободный от трупов участок рядом с откосом. - В первую очередь тяжелых.

Варанг кивнул и приготовился съехать вниз.

- Да, - остановил я его, - пусть не добивают раненых румийцев. Тоже несут сюда. После всех наших, естественно.

Хегни еще раз кивнул и поехал по склону.

- Зачем лечить румийцев?

Это уже Валька. Голос звенит от злости. Ишь, кровожадная какая девица.

- Исключительно из гуманизма, - был мой ответ.

- Гуманизм - это какой-то бог Ирия? Не знаю такого, - Волеслава наморщила лобик, видимо, честно пытаюсь вспомнить имя незнакомого бога.

- Именно. В ваших краях он малоизвестен, но, тем не менее, в Ирии весьма уважаем и влиятелен. И он не любит, когда добивают раненых. Даже врагов.

- Станный бог, - в голосе жрицы слышалось плохо скрытое недоверие, но в открытую выразить сомнение в словах признанного Посланца Богов, она не решилась.

Ликование войска продолжалось минут десять. Потом командиры, озадаченные Хегни, начали действовать, приводя в чувство воинов и отдавая соответствующие приказы. Я спустился вниз и приказал дружинникам подтаскивать ко мне раненых, лежащих поблизости. Сам уселся на валяющийся рядом булыжник и, уткнув лицо в ладони, попытался сосредоточиться на предстоящем лечении. Валька и Туробой встали позади меня.

Наконец почувствовал, что можно попробовать провести первый сеанс. Поднял голову. Дружинники за это время успели подтащить с полсотни раненых. Десятка полтора сумели добрести самостоятельно. Попробовал - получилось. Слава богам. Исцеленные, кто мог, сами покидали место лечения, кто не мог (после тяжелых ран требовалось восстановление, истраченных на лечение резервов организма), тех укладывали у откоса воины моей ближней дружины. Раненых все подтаскивали. Я исцелял. Заодно выяснялись мои возможности в этом вопросе. Поправлялись болящие, находящиеся от меня в радиусе метров пятнадцати, не дальше. Где-то минут через сорок стало ясно, что и по количеству сеансов есть ограничения. К этому времени вызывать радужный поток стало почти невозможно - в глазах темнело, в затылке стучало, конечности дрожали. В общем, я был на грани обморока, если не чего-нибудь похуже, вроде инсульта. Пришлось сделать перерыв. Но раненые все прибывали. Их стоны и крики буквально корежили психику. И, потому, как только почувствовал некоторое облегчение, опять принялся за лечение. Отдыха хватило еще на три партии раненых. Потом опять приплохло. Пришлось снова делать перерыв. Раненых подтаскивали. Опять приступил к излечению. Так, балансируя на грани обморока, проработал часов пять. Наконец, раненые закончились. Уже в сумерки. В последней партии находились выжившие румийцы. Человек семьдесят. Не много, надо сказать. Их лечил, буквально, на последнем издыхании. Потом, повиснув на Туробое, добрал до участка с чистой травой, рухнул навзничь и провалился в сон.

Проснулся рано - только-только начинало светать. Жрать хотелось невероятно. Туробой сидел неподалеку у тлеющего костра - стерег мой сон. Увидев, что я зашевелился, вскочил, подхватил греющийся у углей котелок с кашей и сунул мне в руки. Достав из сапога, протянул ложку. Каша была щедро заправлена мясом и показалась невероятно вкусной. Проглотил ее в один присест. Запил родниковой водой из фляги, протянутой все тем же Туробоем. Уф! Хорошо! Чувствовал себя, не смотря на тяжелый вчерашний день, вполне бодро. Огляделся. О, вот и Валька появилась - куда же без нее. Ладно - хоть есть, кого расспросить, чем вчерашний день закончился.

- Раненые, кто дождался твоей помощи, все живы, - пожав плечами, начала отвечать на заданный вопрос Волеслава. - Их почти десять тысяч. Убитых наших больше семи. Войско ушло в лагерь, отдыхает. Мужики из обоза собирают трофеи и роют могилы.

Валька замолчала, решив, что исчерпывающе ответила на мой вопрос. Спартанка, блин.

- Велимир, Дубыня живы?

- Да, слава Богам.

- Что с румийскими пленными?

- Живы. Под надежной охраной, - опять пожала плечами моя неразговорчивая собеседница. Не выпалась, что ли?

- Да, - видимо, только что вспомнила Валька, - один из них хотел тебя видеть.

- Кто именно?

- Тот, с которым ты разговаривал.

Легат Гай Луций!? Жив, оказывается! Надо пойти поговорить с человеком.

- Где пленные? Проводишь?

- Пойдем.

Жрица повернулась и зашагала вдоль откоса. Я поспешил следом. За мной, моя вторая тень - Туробой. Пленные легионеры находились неподалеку, метрах в ста. Почти все спали, восстанавливая силы после излечения ран. Здоровые в плен не сдавались. Об этом поведал, один из охранявших румийцев, воинов. Несколько человек сидели, положив головы на руки, покоящиеся на подтянутых к груди, коленях. Один из сидящих поднял голову, всмотрелся в меня, узнал, с трудом поднялся на ноги и направился к нам. Охранник угрожающе опустил копье. Я успокаивающе похлопал его по плечу. Румиец подошел.

- Здравствуй, Посланец Богов, - голос его был слабым и потухшим. Да и сам он выглядел как-то потерянно. Тогда на переговорах, за какой-то час до своей предполагаемой гибели, он смотрелся не в пример уверенней и импозантней. Сейчас румийский командир был в одной тунике, изрядно запачканной засохшей кровью.

- Здравствуй, легат Гай Луций. Рад видеть тебя живым.

- Не могу сказать того же, - криво усмехнулся румиец, на мгновение став похожим на себя прежнего.

- Зачем ты спас меня и моих людей? - спросил он после короткого молчания.

- Уважаю достойных противников. А ты мне просто понравился. Скажем так.

- Странно. Ты, действительно, не из нашего мира. Неужели и, правда, из Ирия? Тогда для Румийской империи настали тяжелые времена.

Я скромно поклонился.

- Ну, хорошо, что ты хочешь сделать с моими людьми? Как обычно поступают твои соплеменники - принести в жертву Богу Войны? - задал следующий вопрос легат.

Вот, оказывается, как поступают славы с пленными. Не мудрено, что румийцы дрались до последнего.

- Нет. Этому обычаю положен конец. Ведь теперь у славов есть другой бог - живой, которого можно потрогать. И он крайне отрицательно относится к человеческим жертвам.

Я усмехнулся. Румиец же посмотрел на меня вполне серьезно.

- И что же все-таки с моими людьми.

- Их отправят в Кийград и там продержат до конца войны. Ну и поработать придется, чтобы не зря хлеб есть.

Помолчали. Потом я спросил:

- А твоя судьба тебя не интересует?

- Моя? - искренне удивился Гай Луций. - Моя - нет. Моя судьба мне известна.

- Тебя в жертву тоже никто не принесет, - успокоил его.

- Тем хуже, - непонятно усмехнулся мой собеседник. - Кстати, ты обещал сохранить начальствующему составу личное оружие.

- Ну, речь тогда шла о капитуляции. Сейчас ситуация, согласишься, другая.

По лицу легата пробежала тень разочарования.

- Но, если ты пообещаешь не пытаться нанести вред моим людям, я прикажу вернуть тебе меч.

- Обещаю, - ни секунды не колеблясь, ответил румиец.

- Хорошо.

Я подозвал одного из воинов и приказал ему принести меч из кучи трофейного оружия, собранного обозниками. Тот обернулся быстро. Гладиус оказался простым солдатским, но, зато с ножнами и перевязью. Легат принял его, как величайшую ценность.

- Благодарю, - только и сказал он.

- Не за что.

Вздохнул, развернулся и зашагал к месту нашей временной стоянки. Когда мы уже подходили к подернутым пеплом углям костра, позади, в месте размещения румийских пленников возникло какое-то оживление.

- Схожу, узнаю, в чем дело, - вызвалась Волеслава.

Я кивнул. Через пять минут Валька вернулась.

- Румийский легат бросился на меч, - сообщила она.

Нельзя сказать, что новость была неожиданной - не совсем же debil, понимал для чего румийцу гладиус, но стало грустно. Может, не стоило давать оружие? Да нет, Гай Луций нашел бы другой способ свести счеты с жизнью. А так, умер, как воин - от меча. Кажется, у

римлян такой способ самоубийства считался даже почетным, как сеппука у самураев?

Глава 16

По ушам ударил грохот сработавшей баллисты. От боевой площадки ближней к нам башни отделился приличных размеров булыжник и, быстро увеличиваясь в размерах, понесся в сторону нашего маленького отряда. Вряд ли румийский расчет надеялся, действительно, попасть - с точностью у данного метательного орудия было плохо. По штурмующей толпе - да, попадало, а по нашему, движущемуся компактному отряду из полутора десятков человек - разве что случайно. Тем не менее, наблюдать за приближающимся камнем было неприятно - черт его знает, а вдруг? Голова невольно втянулась в плечи. Остальным моим спутникам тоже, похоже, не по себе. Но виду стараются не показывать. Я постарался выпрямиться. Нелегко, но надо - положение обязывает. Булыжник, слава богам, грохнулся метров в тридцати впереди и правее. Незаметно перевел дух. Спутники тоже приободрились. Сзади, дав коню шпоры, приблизился Хегни.

- Может, отъедем подальше, господин, - сказал он. - Глупо рисковать головой без надобности.

Конечно же, командир моей личной дружины был, безусловно, прав, но глупая мальчишеская бравада заставила меня остановить Воронка и, вроде бы в раздумье, погладить, уже изрядно отросшую бородку. Грохот, вновь сработавшей баллисты, заставил вздрогнуть и поторопиться с ответом.

- Ты прав, - коротко бросил я и, прищипорив коня, поскакал подальше от опасных стен, изо всех сил стараясь не смотреть в сторону очередного, летящего в нашу сторону, булыжника.

Опять мимо! Минута галопа и наш отряд выбрался из зоны поражения метательных орудий румийской крепости. Перейдя на рысь, взобрались на небольшой холм метрах в пятистах от города. Здесь я развернул коня в сторону Лютеции и занялся созерцанием ее неприступных стен.

Такие вот ежеутренние прогулки после завтрака стали у нас, в последнее время, традиционными. Участвовали в них я, Туробой - куда же без него, Хегни, Велимир, Дубыня, Ратослав, Атли, Хитрован и, присоединившиеся к нашему войску со своими отрядами уже здесь, под Лютецией, Хулагу и Лотар. Ну и еще десять человек охраны. Чем занимались во время прогулок? Разглядывали укрепления города и пытались по очереди придумать план, как эти укрепления взять. За неделю никаких перспективных идей никто так и не родил. Соответственно, осада этого оплота румийского владычества в славских землях грозила затянуться на неопределенное время. А ведь, уже начало осени, а там и до зимы рукой подать. Войско надо кормить, а зимой разместить в теплом жилье, которого на всех точно не хватит. Проблема. А ведь, как все хорошо начиналось.

Блестящая - не побоюсь этого слова - победа у Лешачьего болота. С минимальными, учитывая раненых, вернувшихся с моей помощью в строй, потерями. Быстрый марш к Лютеции и взятие ее в плотную осаду. Уже здесь начали приходить сведения о повсеместных восстаниях и уничтожении румийских гарнизонов в славских городах. Восстали, так же, ливы, эсты, литвины, готы, герулы, гепиды, сарматы и еще куча племен помельче, тех, которые жили поэту сторону стены. Вооруженные отряды добровольцев освободившихся народов прибывали сюда к нам, пополняя и без того не маленькое войско. Казалось, дни Лютеции сочтены, но.... Так только казалось.

Город этот, как уже говорилось, был расположен в верховьях Донебра. Ширина реки здесь не превышала полутора сотен метров. Лютеция раскинулась на обоих ее берегах. Изначально военный лагерь, из которого вырос город, располагался на обрывистом правом берегу. Потом, по мере роста города, через реку был перекинут мощный каменный мост. С предмостным укреплением на левом берегу. Из этого укрепления выросла левобережная часть города. В правобережной части селились исключительно граждане Румийской империи. Военачальники и гражданские чиновники с семьями, купцы, ремесленники и прочие. В левобережной царил полный интернационал. По социальному статусу, в основном, купечество и ремесленники. Еще здесь располагались дома местной славской знати, лояльно

настроенной к румийцам. Беднота селилась в пригороде левобережной части вне крепостных стен. Сейчас их деревянные лачуги были сожжены легионерами.

Обе части города окружала мощная каменная крепостная стена высотой метров десять-двенадцать. Через каждые пятьдесят-шестьдесят метров были расположены еще более высокие квадратные башни. Стены окружал широкий и глубокий ров, заполненный водой из реки.

Соединялись укрепления обеих частей города с помощью двух эдаких стен-мостов, пересекающих Донеpr. В основании их располагались по четыре арки для беспрепятственного протока речных вод и прохода речных судов. Ширина каждой арки достигала метров пятнадцати - как раз пройти судну, высота - метров восемь. Мачту, видимо, приходилось снимать. Чтобы воспрепятствовать прохождению кораблей, или при осаде, как сейчас, арки перегораживались толстыми железными решетками, опускающимися сверху и упирающимися в дно.

Внутри стен город был густо застроен. В правобережной части просматривались каменные и кирпичные строения в классическом римском стиле с красными черепичными крышами с прямыми улицами между ними. В левобережной части царило смешение стилей, а улицы были узкими и путанными. Все это я рассмотрел во время многочисленных рекогносцировок и таких вот, как сегодня, прогулок.

При нашем приближении румийцы выселили население левобережья, справедливо опасаясь удара в спину. Но в богатых домах граждан империи осталось довольно много домашних рабов, которым периодически удавалось выбираться за стены и приносить нам сведения об обстановке в городе.

С их слов в Лютеции находилось два полных легиона, а это двенадцать тысяч пехоты и семьсот с лишним всадников. Плюс к этому полторы тысячи кийградского гарнизона и еще пара тысяч воинов, сумевших добраться сюда из взбунтовавшихся близлежащих городов. А еще командование мобилизовало способных держать оружие румийских граждан, проживающих в Лютеции. Таковых набралось порядка пяти тысяч. Конечно это не легионеры, но все же.... В империи все граждане мужского пола, кроме конченных инвалидов, обязаны были проходить воинскую подготовку.

Таким образом, нам противостояло более двадцати тысяч пехоты и около тысячи конницы (кое-кто из местной румийской аристократии решил пополнить ее ряды). Такое количество воинов могли надежно прикрыть весь периметр стены, в чем мы и убедились в первые два дня, когда, воодушевленные победой у лешачьего болота славы с энтузиазмом и наскоро сделанными лестницами, полезли на стены. С короткими перерывами штурм продолжался, как было сказано, почти двое суток - благо постоянно прибывало подкрепление.

Крепостные стены Лютеции были щедро насыщены всякими разными смертоносными механизмами. Во время штурма, то и дело, не к месту вспоминался старый советский мультик, где римляне осаждают Сиракузы, а машины Архимеда крушат их со страшной силой. Вот и здесь, со стен в наши наступающие колонны летели камни из баллист, гигантские стрелы из катапульт. На воинов, добравшихся до стены, сверху сыпались камни из каких-то металлических ковшей на длинных шестах с открывающимся дном, лился кипяток из выносящихся за стену на тех же шестах, громадных котлов. Лестницы ломались бревнами, вынесенными за стену, громадными клещами. Этими же освободившимися клещами еще не поломанные лестницы захватывались, поднимались вместе с облепившими их людьми метров на семь-восемь и сбрасывались с этой высоты, калеча всех, имеющих несчастье на них оказаться.

В общем, стоил нам этот штурм трех с половиной тысяч убитыми. Тысяч десять раненых и обожженных я, слава богам, вернул в строй. Какие потери понесли румийцы - неизвестно, но вряд ли слишком большие.

На третий день осажденные предложили вынести наших погибших из под стен. Это был не акт благородства - просто трупы начали разлагаться, распространяя соответствующий запах. У меня, было, мелькнула мысль оставить их на месте, используя, как химико-биологическое оружие, но при здравом размышлении, эту идею озвучить не решился. Убитых вынесли и с почестями похоронили.

На четвертый день, соорудив громадный таран под навесом из толстых досок и мокрых

шкур, и с трудом подтащив это сооружение к воротам левобережной части, предварительно засыпав ров, попытались пробить окованные железом створки. Проработал таран не долго. На его крышу полетели горшки с каким-то местным аналогом 'греческого огня', от которого не спасли мокрые шкуры. Так что минут через десять весь этот передвижной сарай запылал жарким пламенем и из него побежали воины, раскачивающие бревно. Часть их расстреляли со стен, но большинство сумело спастись. Сейчас обугленный остов печальным памятником возвышался перед воротами.

После этой попытки я запретил всякие активные действия и на сутки погрузился в размышления. И так, что я мог предложить с высоты знаний человека двадцать первого века в данной ситуации? Первое, что приходило в голову - взорвать стену к чертовой матери. Подвести подкоп, заложить мину и взорвать. Дело было за малым: сделать взрывчатку. Опять же, первое, что приходило в голову - элементарный черный порох. Использовали же его для этой цели вплоть до девятнадцатого века. И так, что для его изготовления нужно? Ну как же, знаем, фантастику на эту тему читывали! Первое - древесный уголь. Это, я думаю, просто: чего-чего, а угля навалом - кузнечное дело развито. Дальше - селитра. Здесь несколько сложнее, но и по получению этого вещества в тех же фантастических романах рецептов немеряно. И из куч лежалого навоза, и из людских туалетов, и еще можно что-то вспомнить, если напрячься. Ну и последнее - сера. Сера.... А вот про добычу этого ингредиента в книжках, как-то не упоминалось. Видимо, подразумевалось, что он валяется, буквально, под ногами. И где это? Нет, был бы поблизости вулкан, тогда - да. Но, что-то не слышал о таком. Где еще можно взять эту чертову серу? Что-то помню из уроков природоведения в начальных классах про серный колчедан, но как он выглядит и где встречается? И, даже если таковой обнаружится, как из него получают серу? И, кстати, в каких пропорциях все эти составные части смешиваются? Ведь про это точно читал, но не помню. М-да.... Плохо жить с фанерной головой. Всем этим книжным попаданцам, наверное, сейчас за меня ужасно стыдно. Был бы на моем месте какой-нибудь Сайрус Смит из 'Таинственного острова', слепил бы этот порох в момент.

Мечтать о производстве какой-то более продвинутой взрывчатки, вообще, не приходилось. Что-то брезжит в памяти о вате, пропитанной азотной кислотой, но где ее взять, эту кислоту? В общем, про взрывчатку, в связи с общей убогостью моих знаний, можно забыть.

Может сделать напалм? Что там? Бензин, битум, в качестве загустителя, что-то еще, встречающееся в этом мире не чаще, чем все вышеперечисленное. Хотя бы нефть! Но и ее здесь не видел.

Ладно, оставим в покое химию, подумаем о примитивной механике. Какую-нибудь элементарную баллисту помощнее могу я придумать? А вот и нет! Как-то не заморачивался при чтении книжек про античность и средневековые устройства всех этих металоков. Доблестные славы в этих штуках тоже плохо разбирались - по причине отсутствия у них такой техники. Тем не менее, поручил местным умельцам разобраться в устройстве захваченных метательных машин и попытаться соорудить на их базе, что-то более мощное. Те честно пытались выполнить задание, но пока без особого успеха.

Попытка сделать подкоп тоже не прокатилась - этот метод проникновения в осажденные города здесь был давно известен и контрмеры отработаны.

В итоге, единственное, что родил мой измученный бесплодными размышлениями мозг - передвижные штурмовые башни. Мудрого в этих сооружениях ничего не было - каркас, обшитый досками, поставленный на колеса. Плотниками славы были хорошими, и когда я объяснил им идею и нарисовал примитивный чертеж, они все поняли и с энтузиазмом принялись за дело. К завтрашнему дню три таких башни будут готовы. На завтра же запланирован очередной штурм с их использованием. Честно сказать, я сомневался, что от башен будет большой толк. Наверняка что-то подобное здесь уже видели, и как бороться с такой напастью знали. Но пробовать, все равно надо.

Еще раз окинул взглядом город, вздохнул и с надеждой оглянулся на спутников: не родилась ли в голове кого-нибудь из них гениальная идея. Судя по скучным лицам, никакие светлые мысли их не посетили. Ладно, надо двигаться к лагерю. Я повернул Воронку влево и дал ему шпоры. Конь недовольно фыркнул и с места взял в галоп. Наездником я был пока не

слишком опытным, потому в седле удержался с некоторым трудом. Но удержался, матерясь про себя.

Вообще, лагеря у нас было два: один на правом берегу, другой на левом. Войско, соответственно, тоже поделили на две, примерно, равные части. Для подачи помощи друг другу в случае вылазки выше по течению соорудили наплавной мост из поставленных борт к борту кораблей. Заодно мост предотвращал возможность проникновения извне в город, каких либо судов с продовольствием или подкреплением. Ниже по течению русло реки, во избежание нежелательного проникновения, круглосуточно патрулировали корабли варангов. По периметру стены дежурили плотно расставленные дозоры и небольшие отряды лучников, постреливающие по неосторожно высунувшимся из-за зубцов стены защитникам крепости. Со стены им, правда, тоже доставалось, но тут уж ничего не поделаешь - на войне - как на войне.

Сам я поселился в левобережном лагере, примерно в его середине. Велимир подарил просторный шатер очень удобный, для проходящих почти ежедневно, военных советов. К нему мы сейчас и направлялись. Подъехав к шатру, обнаружили толпу народа, ожидающего аудиенции. Черт! Злоба дня заедала. Бесконечные вопросы снабжения, размещения вновьприбывших, раздувание конфликтов внутри разноплеменного войска, еще куча всякого разного. Я, конечно, пытался спихнуть часть проблем, на вновь назначенных замов, но многие вопросы требовали моего личного вмешательства.

Ну, что ж, никуда от этого геморроя не деться. Спешился и направился к входу в шатер. У моих спутников сразу нашлись срочные дела, и они, быстренько распрощавшись, испарились, оставив меня с толпой проблем наедине. Прошел внутрь шатра, сопровождаемый одним Туробоем. Здесь у входа меня встретила Волеслава, теперь исполняющая роль секретаря. Не плохо, надо сказать, исполняющая. Без нее все было бы гораздо хуже - вопросы, которые можно было решить без моего участия, она решала самостоятельно. Народ, кучковавшийся сейчас у моего жилища, представлял из себя сухой остаток, с которым Валька, при всем желании, без моего участия, сделать ничего не могла.

Следующие два часа занимался текущими вопросами с ожидающими приема просителями. Потом - обед. После обеда посетил место строительства штурмовых башен. Здесь все было в порядке - к завтрашнему дню башни будут готовы. Дальше пообщался с мастерами, колдующими над супербаллистой. Здесь дела обстояли хуже - до готового, надежно работающего изделия, было еще далеко. Тем не менее, похвалил за усердие - надо настраивать людей на позитив.

Следующим пунктом моего посещения стал лазарет. В него наведывался два-три раза в сутки, в зависимости от количества, поступивших сюда раненых. Сегодня таковых оказалось немного - двенадцать человек, подстреленных со стен. Ночью будет больше. Гораздо больше: с сумерками начнется выравнивание дорог, по которым потащат к крепости штурмовые башни. Плюс засыпание рва. Здесь потери предстоят, вообще, огромные.

Зашел в палатку со страждущими и провел, ставшую уже рутинной, процедуру исцеления. Вышел наружу. Неподалеку, у опушки небольшой рощицы лежали те, кому сегодня совсем не повезло. Четыре тела, прикрытые рогожей, ожидали погребения. Сердце резануло жалостью. Надо ведь! В меде на трупы в анатомичке насмотрелся. И повоевать довелось - убитых там тоже хватало. И здесь таких видел гораздо больше, чем нужно, а мозолей на душе так и не набил - щемит! Два дня назад даже решился на эксперимент. Если исцеляю раненых, то, может, могу воскрешать и умерших? Почему, собственно, и нет? Лучше бы не пробовал! Хотя.... Приобрел опыт. А опыт, он всегда может пригодиться. Даже такой...

А было так. Вечерело. Смеркалось. Раненых к этому времени набралось больше трех десятков. Убитых - двенадцать. Их снесли в эту самую рощицу, на противоположной опушке которой, мы хоронили своих погибших. Идея оживления усопших зрела во мне уже третий день и в этот вечер я решился попробовать. Приказал никому в рощу не заходить. Взял с собой только Туробоя. Ну, как взял. Он сам пошел. А спорить с ним не было сил - день выдался насыщенным. Зашли в рощу, подошли, к выложенным в ряд трупам. Попросил моего телохранителя снять дерюгу с крайнего убитого - хотелось видеть воочию результаты воздействия. Экспериментатор, блин! Туробой выполнил, что просили и отошел в сторонку, видимо, не совсем понимая, что я собираюсь делать. Воин, лет тридцати, был убит гигантской

стрелой из стеновой катапульты. Стрела угодила в середину груди. Наконечник ее застрял в позвоночнике, и выдернуть ее оказалось не по силам похоронной команде. Древко обломали, чтобы можно было стянуть с трупа дорогую кольчугу. Обломок так и торчал из тела сантиметров на пять-шесть. Челюсть погибшего отвалилась, из под приоткрытых век белели белки глаз, лицо приобрело неживую желтизну и заострилось. Видно, бедняга погиб еще утром, если не ночью.

Ну, что ж, приступим. Подавив невольную дрожь, ввел себя в нужное состояние, концентрируясь на этом, конкретном теле. Радужный поток, тем не менее, ударил широким конусом, захватывая весь ряд погибших. Лился он, как показалось, несколько дольше, чем обычно. Потом погас. Я впился взглядом в мертвого воина. С минуту ничего не происходило. Потом его веки дрогнули и глаза открылись. Ну же! Вставай! Воскрешенный сел, потом рывком вскочил на ноги, пошатнулся, но устоял. Сделал пару шагов в мою сторону, остановился и уставился на меня. От этого взгляда мороз продрал вдоль хребта. Роговица его глаз уже подсохла и немного помутнела. Моргать он не мог, но главное - из глаз не смотрела душа человека. Смотрело что-то иное, не из мира живых. И это было самым жутким.

'Воскрешенный' стоял и смотрел. Не двигаясь и не пытаясь, что-то произнести, словно чего-то ждал. Челюсть его все еще была опущена, рот приоткрыт, что придавало лицу еще более жуткое выражение. Хоть бы прикрыл, что ли, подумалось. Воин двинул челюстью из стороны в сторону и закрыл рот. Стоял он ко мне близко, не дальше метра и воздух из прикрытого рта, щедро сдобренный трупным запахом, дошел до моих ноздрей. Черт! Что ж так близко-то! Оживший труп послушно сделал три шага назад, увеличивая дистанцию.

Справа на границе поля зрения уловил какое-то движение. Повернулся. Шевелились под своими рогожками, оставшиеся одиннадцать мертвых тел. Перебор! Меня начала охватывать паника. Что теперь делать с этими, созданными мной зомбьями? Лежите уж, заразы, не шевелитесь! Трупы под рогожами послушно застыли. Уф! А ведь, похоже, эти друзья во всем меня слушаются. Этот первый рот закрыл, как только я подумал, о том, что с закрытым ртом он будет выглядеть менее жутко, отступил, когда я подумал, что стоит он слишком близко. А ну ка! Мысленно приказал сделать зомби еще пять шагов назад - ну его, пусть стоит подальше. Тот выполнил приказ. Присядь! Присел. Встань! Встал. Да, действительно - слушается. А те, другие. А ну ка, встаньте! До сего момента, лежащие неподвижно тела, зашевелились, сбросили с себя рогожи и поднялись на ноги, уставившись на меня неподвижными, мутными глазами. Понятно.... Похоже, я, по простоте душевной, заделался в некроманты. Так, кажется, называют в фэнтезийных романах магов, повелевающих мертвецами? Ну и что ты теперь будешь с ними делать?

Ожившие трупы стояли, не двигаясь, видимо, ожидая приказов. Как бы их вернуть в первоначальное состояние? Не головы же рубить, как советуют в книжках про зомбьяков? У моих соратников, пожалуй, появятся ненужные вопросы. А, если так? Я снова ввел себя в состояние, в которое погружался во время лечения, только пожелал не выздоровления, а смерти, стоящим передо мной, и так уже, покойникам. Световые эффекты, если их можно было так назвать, в этот раз оказались странными, если не сказать, жуткими. С неба ударил поток черного света. Да-да, оказывается, такой бывает. Поток состоял, из огромного количества отдельных тоненьких черных лучиков, неприятно шевелящихся в общей массе. Поток упал, на стоящих мертвецов, и те, словно им обрезами, держащие их ниточки, рухнули на землю безжизненными куклами. Поток черного света, однако, не исчез. Конус его начал потихоньку расширяться. Отдельные черные лучи, как-то неприятно изгибаясь, выбирались из потока, обшаривали-ощупывали землю и потихоньку подбирались ко мне и, застывшему в ужасе, от всего увиденного, Туробою. Еще не легче! Из всех сил пожелал, чтобы подбирающиеся лучи-щупальца, держались подальше. Те, словно наткнулись на невидимую стену и прекратили движение в мою сторону. Зато быстрее поползли к Туробою. Черт! Как-то надо прибирать за собой все, что тут натворил! И как? Проверенным способом! Опять стандартный транс и посыл к небесам о ликвидации этого черного ужаса. Получилось! Там наверху, словно кто-то прикрыл ставню, отсекая черный поток. Уф! Слава Богу! Вернее, местным Богам!

Я плюхнулся задом на голую землю. Руки тряслись, по спине под рубахой струился холодный пот. Нахрен-нахрен такие эксперименты! Бр-р-р! Минут через пять немного

пришел в себя. Осмотрелся. Покойники, как и положено нормальным покойникам, неподвижно лежали на тех местах, где их покинула непонятная сила, позволяющая им двигаться. Мой телохранитель стоял там же, где я его видел в последний раз. Бледнее, чем те же покойники, и его волосы.... Да, в самом деле. Волосы на его голове стояли дыбом. Невольно провел ладонью по своей шевелюре. Нет, мои, вроде, в нормальном состоянии. Однако надо выводить мужика из шока, а то, эдак, кондратий хватит. Поднялся на ноги, подошел к другу-телохранителю. Тот, остановившимся взглядом уставился, на лежащих в живописных позах, покойников. Помахал у него перед лицом рукой - никакого эффекта. Резко, не задумываясь, вlepил ему по щеке открытой ладонью. Справа и сразу же слева. Ага! Заморгал! На отхлестанных щеках появился румянец.

- Все-все! Все уже кончилось, Туробой! Давай, приходи в себя! - стараясь, чтобы голос не дрожал, произнес я. - Давай, помоги мне их уложить, как было.

Не дожидаясь, когда телохранитель окончательно придет в себя, направился к трупам и стал их стаскивать, укладывая в такой же ряд, в каком они лежали до этого моего дурацкого эксперимента. Через минуту, очухавшийся Туробой, пришел мне на помощь.

Вот такой я приобрел опыт в оживлении покойников. Вывод сделал такой: видимо, рассказы о душе не лишены под собой основания. Если душа отлетела - все, вернуть ее нельзя. Во всяком случае, не мне. Поднятые трупы - просто куклы, не имеющие сознания и выполняющие все мои приказы. Каким образом они обретают способность к движению, для меня, пусть недоучившегося, но, все же, медика, осталось загадкой.

Кстати, раз уж пошла речь о магических опытах. Еще одной моей попыткой, в этом смысле, стала попытка разрушить стены Лютеции. Ни больше, ни меньше. Произошло это на третий день осады. После двух суток безуспешного штурма. Утром третьего дня, посмотрев на кучи трупов наших воинов, наваленных у стен, я уставился на эти самые стены и представил, как они рушатся. Ничего не произошло. Так, какое-то небольшое багровое свечение повыше зубцов, которое кроме меня никто не заметил. В общем, магические опыты принесли сплошное разочарование.

Итак, очередной день осады подходил к концу. Полюбовавшись на Лютецию, очень красивую в лучах заходящего солнца, отправился в центр лагеря, к своему шатру. Здесь меня уже ожидали. Человек сорок. Предстоял совет по поводу завтрашнего штурма. В принципе, порядок действий подразделений, в нем участвующих, обсуждался уже не раз, сегодня нужно было утрясти детали. Часа два, тем не менее, на эту утряску ушло. Расходились военачальники уже в темноте. Проводив, уходившего последним Хегни, решил улечься пораньше спать. Завтра предстоял трудный день.

Глава 17

Проснулся я от шума, начавшегося штурма. Быстренько совершив утренний туалет, облачился с помощью Туробоя и вездесущей Вальки в доспехи и двинулся к стенам Лютеции. Пока шли по лагерю, обросли свитой. На выходе нас бегом догнала моя ближняя дружина с Хегни во главе, число которой он довел почти до сотни. Благо - выбирать было из кого. Когда я и толпа, окружившая меня, покинули лагерь, и приблизились к крепостным стенам, небо на востоке только-только начало светлеть. Ночная тьма потихоньку сменялась серыми сумерками. Мы поднялись на небольшую возвышенность метрах в пятистах от города, очень удобную для наблюдения за ходом штурма. Собственно штурм еще не начался. Башни за ночь были выдвинуты на очищенные и выровненные для них за предыдущие дни дорожки, упирающиеся в ров. Вот этот ров на участках, где должны были пройти башни сейчас и засыпался. Заранее запасенными мешками с песком. Кучи этих мешков лежали метрах в трехстах от стены - на расстоянии недоступном для обстрела из луков и небольших катапульт. Баллисты и дальнобойные катапульты сюда доставали, но с небольшим уроном, который они наносили, можно было мириться. Наши воины выстроились в цепочки от этих куч и до рва, передавая мешки из рук в руки. Каждого из этой цепи прикрывал воин с большим, специально сколоченным для этой цели, щитом. Прикрывал себя и работающего. Полной защиты, конечно, не получалось, но потери сократились до возможного минимума. Грохот баллист и катапульт, вопли раненых и умирающих, крики ярости, команды начальников - все это

сливалось, в накатывающийся волнами, рокочущий шум.

Больше всего доставалось тем, кто работал непосредственно у рва. Здесь и обстрел из пращей и луков был интенсивнее, и настенные боевые машины, от которых щиты не спасали, действовали весьма эффективно. В сотне метров от стен растянулись цепи наших лучников из казачков и степняков Хулагу, засыпающих стрелами защитников города. Раненых вытаскивали назначенные для этого воины и сносили к подножью возвышенности, на которой расположился я со свитой. К моменту нашего появления их накопилось уже сотни полторы. Десятка два лекарей с помощниками накладывали давящие повязки и жгуты, останавливая кровь, чтобы страждущие дожили до моей помощи. Спустился к раненым, провел сеанс исцеления. Поднялся обратно.

На восточном горизонте появился край кроваво-красного, под стать начинающемуся дню, солнца. Минут через десять рассвело окончательно и стало возможным рассмотреть результаты проделанной, к настоящему времени, работы. Рвы, в нужных местах, оказались засыпаны уже на три четверти и, судя по динамике, до конца работы оставалось минут тридцать-сорок. Пожалуй, нужно отдавать команду на начало движения штурмовых башен. Скорость у них небольшая, пока они преодолеют полкилометра до рва, как раз все будет готово. Отправил к башням посыльного, с соответствующим приказом. Немного погодя, башни вздрогнули и, величаво покачиваясь, потихоньку двинулись к стенам.

Через полчаса засыпка рва была завершена. Воины потащили и начали укладывать на мешки с песком бревна, чтобы колеса башен не увязли в только что созданной насыпи. На бревна бросали в несколько слоев мокрые шкуры - если осажденные попытаются поджечь настил. Не попытались. Видно, количество горшков с огненной смесью было ограничено, и их решили приберечь для башен. Количество убитых и раненых росло.

Спустился к подножью холма и полечил следующую партию увечных. Поднялся. Глянул на ров, на штурмовые башни. Последним до стены оставалось метров сто пятьдесят. В них уже полетели камни баллист и стрелы катапульт, хотя стрелы им вреда причинить точно не могли. Камни средних и мелких калибров - тоже. Каркас башен был сколочен из мощных брусьев, обшивка сделана из трехдюймовых, примерно, досок. Все это закрывалось мокрыми шкурами в несколько слоев, которые служили защитой от огня и смягчали удары камней. При высоте в пятнадцать метров, весили эти сооружения весьма прилично, потому были снабжены десятью колесами с каждой стороны. Толкали башню сто человек, находящихся внутри нее на самом нижнем уровне. Приходилось ребятам нелегко - вес башен, повторюсь, оказался не маленьким. Но двигали потихоньку. На плечах они несли накинутые мокрые шкуры - для гашения горючей смеси, которая должна будет стекать на землю со стен башни и окажется у них под ногами. Обуты воины были в высокие, тоже пропитанные водой сапоги - чтобы не обжечь ноги. Крыши башен сделали наклонными, чтобы жидкий огонь стекал, не задерживаясь, вниз. На верхнем ярусе под крышей находилось два десятка лучников, которые уже открыли стрельбу по защитникам города, благо они теперь были, как на ладони - верхний ярус возвышался над стеной метра на три-четыре. Со второго яруса, считая сверху, должен был перекидываться штурмовой мост на стену - для атакующих. Довольно широкий - бой могли вести сразу пять воинов в ряд.

Тем временем, вымостка бревнами и мокрыми шкурами перемычек через рвы была закончена. Воины, занимающиеся этим, отхлынули от стены, волоча за собой раненых товарищей. Между рвом и башнями осталось метров сто. Обстрел их усилился - башни вошли в зону действия больших камнеметов. В воздухе появились крупные булыжники. Свита вокруг меня, до сих пор оживленно комментирующая все происходящее, затихла, ожидая первого попадания. Камень в два пуда весом - это серьезно, даже для таких основательных сооружений, которые сколотили наши умельцы. Ждать пришлось недолго. Первой поймала крупный камень штурмовая башня,двигающаяся в центре. Удар сопровождался треском. Видимо, доска, все же, не выдержала. Но никаких особых последствий попадание не повлекло - башня все той же скоростью продолжала свое движение.

Румийцы, понимая, что мелкие камнеметы не в силах причинить, движущимся монстрам вред, начали заряжать их горшками с горючей смесью. Глиняные емкости разбивались о стенки, но выливающаяся из них жидкость, не успевала поджечь мокрую обивку и стекала вниз, под ноги, толкающим башни воинам. Те, прихваченными шкурами,

гасили огненные лужи и продолжали двигаться дальше.

Еще десяток минут и башни въехали передними колесами на бревенчатый настил перемычек. Опять напряженное ожидание - выдержат ли бревна немалый их вес. Бревна выдержали. Приостановившиеся, было, гиганты, двинулись к стене. Горшки с горючей смесью полетели гуще. Баллисты били в упор. Башни трещали, дымили, но держались. Сзади к каждой из них пристроилось по штурмовой колонне одоспешенных воинов, готовых броситься по лестницам башен на штурмовые площадки, как только те приблизятся к стене на расстояние, позволяющее перебросить на нее мостик.

Крайняя справа башня добралась до стены первой. Остановилась, и внутрь ее хлынули, толпящиеся позади воины, весьма неуютно чувствующие себя под потоком стрел и камней, летящих в них со стен. Две другие башни достигли стены почти одновременно пару минут спустя и тоже стали заполняться воинами. На участках стены напротив башен выстроились легионеры, сумев организовать строй глубиной в три ряда. Их засыпали стрелами, приблизившиеся к стене еще на полсотни метров, наши лучники. Стрелы, однако, летели навесом и большого вреда румийской пехоте, закрывшейся сверху щитами, похоже, не причиняли. Лучше получалось у лучников с верхних площадок штурмовых башен, бьющих из луков сверху почти в упор.

Штурмовой мост, прижатый к передней стенке правой башни со скрипом, слышимым даже нам, вздрогнул и начал опускаться, одновременно открывая проход, столпившимся внутри, готовым ринуться на стены, воинам. Пара секунд и он с грохотом упал на зубцы стены. В следующий миг по нему на выстроившихся легионеров, с ревом хлынул поток, блестящих доспехами, славов и варангов. С треском и лязгом они врезались в строй румийцев, довольно легко, благодаря своей большой массе, прорвали его и попытались расширить захваченный плацдарм. Это сделать оказалось сложнее. Легионеры, повернувшись к штурмующим, сдавили их стальными тисками. В страшной давке и наши и румийские воины падали со стены, разбиваясь насмерть и калечась. Румийские гладиусы, предназначенные как раз для такого вот ближнего боя, собирали богатую жатву. Но штурмующие продолжали прибывать и, давя в обе стороны, медленно расширяли захваченный участок.

Вскоре вступили в сражение еще две башни. Там штурм разворачивался примерно по тому же сценарию. Забрехала надежда - может и получится? Главное, теперь, хотя бы одной из штурмующих групп добраться до ближайшей башни и захватить ее. Через башню можно будет ворваться в город. Ну а дальше основным станет доставка резервов. Используя те же штурмовые, башни это будет не слишком сложно.

Тем временем, катапульты и баллисты, расположенные на боевых площадках башен крепости, перенесли огонь на штурмовые помосты, по которым наши продолжали перебегать на стены. И, хотя, точность метательных орудий оставляла желать лучшего, некоторые камушки, все же, находили цель. В помост правой башни, вступившей в бой первой, угодило уже три снаряда: два средних и один крупный. Средние, сбив каждый по несколько человек, ricochetировали от досок помоста и улетели в сторону, не причинив им видимого вреда. Крупный ударил вскользь. Народу от него пострадало гораздо больше - с десяток, но помост, вроде бы, снова остался цел. Притормозившие, было, при виде гибели своих соратников воины, снова побежали на стену. Обстрел помостов двух других башен пока тоже не нанес им непоправимого ущерба. Наши гибли, но гибли они и на стенах.

А потом румийцы ударили по помостам горшками с горючей смесью. Били из тяжелых баллист, закладывая в их чаши по десятку глиняных емкостей зараз. Попадания ждать пришлось недолго. Первой досталось опять правой штурмовой башне. О ее помост разбилось сразу два горшка. Расплескавшаяся по доскам жидкость, породила столб пламени высотой метра в три. Пламя сразу охватило большую часть помоста и десятка два воинов, перебегающих по нему в этот момент. Вой, горящих заживо людей, вознесся над всеми другими звуками битвы. Я невольно зажмурился, но тут же открыл глаза. За это время горящие воины, то ли попрыгали, то ли попадали вниз под стену и догорали там дымным пламенем, превращаясь в неопрятные кучи тряпья и закопченного железа. Еще хуже было то, что огнем занялся сам помост. Сторону его, обращенную сейчас вверх, мы тоже обили мокрыми противопожарными шкурами, но это не спасло - часть жидкости удержалась на ней

и, имея, видимо, весьма не слабую температуру горения, не быстро, но уверенно прожигала шкуры, добираясь до досок основы. Несколько человек, переданными снизу мокрыми шкурами, пытались сбить пламя, но в это время о помост разбилось еще три горшка. На этот раз пламя ударило даже в проход, ведущий внутрь штурмовой башни, где толпились, готовящиеся к штурму воины. Те, кто пытались тушить помост, огненными, воющими от боли комками, попадали вниз. Через секунду еще один горшок влетел в открытый проход. Внутренность переходной площадки, со всеми столпившимися там людьми, охватило пламя.

Я опять прикрыл глаза. Все кончено - изнутри от огня штурмовая башня ничем не защищена. Снизу из входа башни хлынули, заполнявшие ее воины. Лучники, находящиеся на верхней площадке, заматались, а потом, припекаемые снизу разгорающимся огнем, начали прыгать вниз. Пятнадцать метров. Это где-то этаж шестой. Показалось, что даже отсюда - с полукилометра я слышу, как трещат их кости. Минута и изломанные фигурки лучников дополнили собой пейзаж поля сражения.

Наши воины, оставшиеся на стене, растерявшиеся от такого развития событий, ошутимо сбавили натиск. Плацдарм перестал расширяться. Чувствовалось, что вскоре он начнет сжиматься. К этому времени стена у правой башни была занята нашими на протяжении метров пятидесяти. В принципе, подобный сценарий развития событий нами был тоже предусмотрен. В двухстах метрах от стены стояли штурмовые группы, снабженные лестницами. Послал гонца с приказом о наступлении. По-моему они ринулись вперед еще до того, как мой посыльный до них добрался. Ну, правильно - их командиры все видели и, понимая, что дорога каждая секунда, повели своих воинов на штурм.

К этому времени запылал помост левой штурмовой башни, а через минуту и центральной. Верх правой башни, подожженной первой, уже пылал вовсю. Участки стены, захваченные штурмующими центральной и левой башни, оказались заметно меньше, но я послал воинов с лестницами и туда: если не поддержат атаку, то хотя бы дадут возможность отступить со стены по лестницам, уцелевшим соратникам.

Штурмовые колонны с лестницами, бегущие к правой, пылающей башне, наконец-то добрались до стены. Плацдарм на ее гребне сократился метров до тридцати - румийцы, понимая, что время решает все, давили на наших изо всех сил. Пока приставили лестницы, пока залезли наверх, занятый участок сократился до двадцати метров, потому часть лестниц оказалось установлена в местах, уже отбитых противником. Потому встретили, забравшихся сюда славов, совсем неласково. По лестницам, попавшим на плацдарм, начало прибывать подкрепление. Отступать наши, вроде, перестали. Плацдарм больше не сокращался. Но и не увеличивался. Такое неустойчивое равновесие сохранялось до тех пор, пока какому-то румийскому артиллеристу не пришла в голову идея ударить, по сражающимся на стене нашим, горшками с горючей смесью. Сыпанул щедро, с десятков. И половина из них угодила, по плотно сгрудившимся варанго-славам. Остальные упали по обе стороны от стены. Все, кроме одного. Один попал по румийцам. Тем такой подарочек пришелся не по нраву. Что уж говорить про наших, заполучивших таких подарков в пять раз больше. Опять послышались вопли, сгорающих заживо. Со стены, начали падать охваченные ужасом люди.... Боевой дух штурмующих был подорван. Легионеры поднажали и наши посыпались со стены. Частью буквально - начали просто спрыгивать, разбиваясь насмерть, или ломая кости, другие пытались спуститься по лестницам. На плацдармах, захваченных воинами двух других башен, ситуация складывалась не так катастрофически, но динамика тоже была не в нашу пользу - румийцы потихоньку выдавливали славов со стены.

Все! Штурм не удался! Надо было отводить воинов, чтобы не увеличивать и без того немаленькие потери. Я отдал соответствующий приказ. Пропели сигнальные трубы. Кто мог, спускался по лестницам. Кто-то из последних сил пытался сдерживать натиск румийцев, прикрывая их отход. Лучники усилили обстрел, стараясь облегчить отчаянное положение наших на стенах. Уже все три башни пылали гигантскими кострами. Румийцы возобновили стрельбу из своей настенной артиллерии, по все еще толпящимся у подошвы стены воинам, второй атакующей волны. Те, закинув щиты за спины, начали отходить, прихватив с собой раненых и искалеченных.

В течение следующих десяти минут на стенах все было кончено. Какой-то части наших удалось спастись, спустившись по лестницам. Большинство же погибло. Я глянул на солнце.

Наступил полдень. Получалось, что с момента начала выдвижения штурмовых башен прошло уже часов шесть. Ну, что ж, надо идти заниматься ранеными. И думать, что делать дальше.

Глава 18

И так, нужно было думать, что делать дальше. Брать Лютецию измором? Сбежавшие оттуда рабы, говорят, что припасов в подвалах города запасено немеряно. Опять же, изгнав из-за стен кучу лишних ртов, эти запасы теперь можно растянуть на год, если не больше. Наше, ежедневно увеличивающееся войско, перемерет от голода и холодов, или разбежится, пожалуй, раньше. Еще раз перебрал в уме все химико-технические прибабасы из будущего, которые попаданцы-энциклопедисты применили бы в данном случае на моем месте. Снова убедился в полном своем невежестве в этом вопросе и загрустил.

Грустил в своем шатре. После завершения всех скорбных дел, принесенных сегодняшним днем. Раненых, искалеченных и обожженных, я исцелил. Тех, кого удалось вытащить из под стен. С наступлением темноты пластуны из казачков попробуют разыскать и вытащить тех, кого вынести не успели. К тому времени, как их начнут подтаскивать, меня разбудят - об этом я распорядился. Тут важна будет каждая минута - и так ребята провалялись без помощи полсуток.

А пока солнце только клонится к закату. С полчаса назад по настоянию Вальки и Туробоя через силу поужинал - аппетит отсутствовал совершенно, не смотря на пропущенный завтрак и обед. И вот теперь валялся на походной кровати в спальном половине шатра и предавался невеселым размышлениям.

Размышления, правда, не были такими уж бесплодными - вспомнил из прочитанных книжек еще один способ взятия крепостей. Но уж очень он был трудоемкий и долгий. И не гарантировал успеха. Способ назывался, если память не изменяет, примёт. Примёт - это такая гигантская насыпь, сооружаемая осаждающими вровень с верхним краем стен осажденной крепости и шириной достаточной для боя человек двадцати в ряд. Но, как только подумаю, сколько времени займет сооружение такой насыпи, оторопь берет. Да и не факт, что вот так, наш строй на строй румийцев, который они не преминут выставить, удастся их опрокинуть. Тем не менее, за неимением лучшего - вариант. Завтра можно и начать. Долго и тяжело, но пот лучше крови. А крови сегодня пролилось много. По докладам командиров подразделений, участвовавших в штурме, наших погибло не менее полутора тысяч. Надо бы договориться с румийцами о перемирии для захоронения трупов - легионеров наружу нападало тоже изрядно.

Что-то еще брезжило в голове. Где-то на грани сознания, зрела идея, но никак не могла выкристаллизироваться. Все время лез в голову Гомер с его троянским конем. Но не зря же лез-то? Где-то, что-то мое подсознание зацепило. Понять бы, где и что? Из всех сил напряг извилины. Бесплезно - решение не приходило. Ну что ж, у меня есть старый испытанный способ для таких случаев - лечь спать. Да-да, просто лечь спать. У вас так не бывает? А у меня бывает. Проверено неоднократно - решения многих проблем приходили ко мне во сне. Прямо как у Менделеева с его таблицей. Ну, единственно, может не такие эпохальные.

Ну, спать, так спать. Тем более, денек выдался хлопотным. Стянул с себя сапоги, натянул одеяло - ночи стояли весьма прохладные - и сомкнул веки. Заснул почти мгновенно. И решение, таки, пришло. Снилось, что ныряю на большую глубину. Подплываю к громадному подводному гроту в виде арки, загороженному крупноячеистой решеткой. И надо мне за каким-то чертом в этот грот через эту решетку попасть. Тыкаюсь в нее, тыкаюсь - никак. А потом решил поискать зазор снизу у самого дна грота. И ведь нашел - пролез. На этом месте проснулся. Немного очухавшись, начал соображать. Так, грот-арка.... Это же арки в стенах-мостах, забранные опускающимися решетками. И действительно - дно-то ведь не ровное, то там его течение размывает, то сям. Можно поднырнуть. Вопрос - какая глубина? Если нырять в арку ближнюю к левому пологому берегу, то не должна быть слишком большой: метров пять-шесть, если я что-то понимаю в реках.

Ну, хорошо, нырнул, нашел щель, через которую можно пролезть внутрь города, что дальше? В одиночку перебею весь гарнизон? Да даже ворота в одиночку не открою - ворота в лютеции были знатные, тяжелые, толстые, обитые железом. Одному человеку створку сдвинуть не по силам. Вывод: надо искать в войске хороших ныряльщиков. Что-то

подсказывает, что среди варангов, выросших на море, такие должны найтись. Сколько? Думаю, десятков пять. Больше - сложно будет незаметно проникнуть через арку. Меньше - не справимся с воротной охраной, а если и справимся - не удержим эти ворота нужное для подхода основных сил время. Но вначале - разведка. Есть ли, все же, щель-то? И никому кроме себя любимого эту задачу поручить, пожалуй, нельзя. О, боги! Снова нашел приключений на свою многострадальную задницу! А что делать, назвался посланником - полезай... не знаю куда, похоже, в ту же задницу.

Заснуть уже не смог. Вышел из шатра. Ночь. Глухая. По ощущениям час-два. Отсутствие часов в этом мире поначалу раздражало. Потом привык. Хотя, жаль, что все мое снаряжение, в котором я выбрался сюда, сгорело тогда в Святом. Все оно лежало в подвале дома-храма, где я жил. А для предстоящих водных процедур погибший гидрокостюм очень даже пригодился бы.

Почувствовал позади легкое движение. Оглянулся - Туробой. Одетый, вооруженный и даже облаченный в кольчугу. Опять не дал поспать мужику. Ну, что сделано, то сделано. Пожалуй, надо пойти к госпитальной части лагеря. Туда пластуны уже должны начать подтаскивать раненых от стены. Двинулись туда. В сопровождении десятка охраны. Раненых и в самом деле оказалось немного - двенадцать человек. В очень тяжелом состоянии. Ну это поправимо. Провел сеанс. Потом подождал еще пару часов, пока не начало светать. За это время доставили еще десяток увечных. Закончив с лечением, двинул к шатру. Позавтракал и приказал седлать коней - надо было более внимательно присмотреться к месту предстоящего купания.

Выехали вдвоем с Туробоем и десятком охраны, естественно. Остальной начальствующий состав отсыпался. Вот и славно. Чем меньше будет посвященных в предстоящую операцию - тем лучше. Шпионы румийцев у нас в лагере наверняка имеются. Вообще, все это нужно держать в строжайшем секрете. Не хотелось бы попасть, вылезая из воды внутри города, в теплые объятия готовых к встрече легионеров. Ну да, а при отборе ныряльщиков посвящать их в детали вовсе необязательно. Расскажем о предстоящей задаче непосредственно перед заплывом.

Пока размышлял обо всем этом, подъехали к берегу. Метрах в трехстах от стены-моста. Выше по течению. Проникать в город решил отсюда. Не нужно будет тратить силы на преодоление течения. Опять же, можно прикрываться плывущим по реке мусором - ветках, а иногда целых деревьях. Все это добро скапливалось у решеток, которые осажденные периодически открывали, пропуская дальше по реке, накопившийся плавник. Иначе за время осады он образовал бы здесь целые завалы. Сейчас перед интересующей меня аркой колыхалось пара крупных стволов с ветвями и куча более мелкого мусора. Деревья - это хорошо. Тем более, их количество можно увеличить искусственно. В общем, все что хотел, я увидел. Можно было возвращаться в лагерь и заняться отбором ныряльщиков. А ночью попробую нырнуть, проверить есть ли щель под решеткой.

У входа в шатер уже кучковались просители. Их сортировкой как раз занималась Волеслава. В шатре, в его 'штабной' половине меня ждал Хегни. Вот ты-то мне и нужен. Коротенько, без конкретики обрисовал ему задачу. Мой воевода коротко кивнул и пошел подбирать кадры для предстоящей операции.

За повседневными хлопотами незаметно пролетел день. Вечером, когда начало смеркаться, решил прилечь вздремнуть. Разбудил меня Туробой. В самую глухую ночь. Здесь это время называлось часом волка. На Земле у славян, такое название тоже было. Не помню только, соответствовало ли оно тому же времени, что и здесь. Привел себя в порядок и вышел из шатра. Кони были уже оседланы, и стояли у входа, недовольно пофыркивая. Было пасмурно, здешние луны заволокло тучами, соответственно, темнота стояла - глаз коли. Замечательно! Поеживаясь от ночной прохлады, забрался в седло, разобрал поводья, тронул Воронка. Сзади раздался глухой топот копыт коней моих сопровождающих. Оглянулся. В этот раз охрану, из соображений секретности, решил не брать. Ехать со мной должны были только Туробой и Хегни. За ними, однако, в ночной тьме маячил кто-то третий. Придержал коня, пригляделся. Ну конечно! Валька! Кто бы сомневался!

Махнул рукой Туробою и Хегни, чтобы проезжали вперед, а сам дождался, когда со мной поравняется Волеслава. Дождавшись, спросил:

- Ну и куда ты собралась, красавица? Кто тебя звал?

- Меня не зовут. Я сама прихожу туда, где должна быть, - пожала плечами жрица.

И ведь не поспоришь! Ну, ладно, не гнать же. Да и не уйдет. Поехали дальше. Добрались до места, откуда днем наблюдали за местом будущей операции. Здесь нас уже ждала лодка с двумя варангами, подобранными Хегни. Абсолютно надежными, с его слов. Рядом с лодкой в воде колыхало ветвями свежесрубленное дерево. Под его прикрытием я предполагал добраться до арки. Да и нырять, маскируясь в его кроне, будет способнее.

Подошел к воде, поболтал в ней рукой. М-да, градусов семнадцать, не больше. А что ты хотел - осень, хоть и ранняя. Начал раздеваться. Тело предполагалось намазать жиром, заранее припасенным Хегни, оказавшимся, к приятному моему удивлению, опытным ныряльщиком. Валька стояла в паре метров, не сводя с меня глаз. Добравшись в разоблачении до подштанников, я почувствовал некоторый дискомфорт под ее пристальным взглядом.

- Может, отвернешься? - развязывая шнурок, поддерживающий сей предмет нижнего белья на бедрах, спросил у нее.

- Ты собрался плыть туда? - кивнув на стены города, и не проявляя каких либо признаков смущения, ответила она вопросом на вопрос.

- Ну да, - не видя смысла в дальнейшей секретности, подтвердил я ее догадку.

- Вода холодная, - задумчиво протянула Валька.

- Это ты тонко подметила, - согласился с ней.

- Наверное, эта твоя одежда защищает от холода в воде?

- Какая?

- Вот эта.

Она тронула чересседельную сумку, набитую каким-то барахлом.

- Что там у тебя? - заинтересовался я.

Волеслава сдернула поклажу с седла и, развязав шнурок, стягивающий горловину, распахнула мешок. Из него высунулся конец резинового ластика. Я, не поверив глазам, присел и дернул ласт наружу. Действительно - он. Целый, не обгоревший. Вытащил второй, тоже целый. Ниже лежал аккуратно свернутый гидрокостюм.

- Откуда? - только и смог спросить.

- Из подвала храма в Святом, - чуть усмехнувшись, видя, что сюрприз удался, отозвалась жрица.

- Разве там не все сгорело тогда, - задал следующий, совсем уже глупый вопрос.

- Не все, как видишь, - снизошла, все же, до ответа эта зараза.

Покачивая головой, вытащил гидрокостюм и обнаружил под ним в матерчатых свертках маску, трубку, пояс с грузами, два ножа - свой и Андрюхин и водолазные часы, которые сразу прицепил на руку.

- Ну, Волеслава, порадовала, - поднимаясь на ноги, выразил, переполняющие меня чувства.

Глаза Вальки светились удовольствием от удавшегося сюрприза. Не удержавшись, заключил ее в объятия. Потом, опомнившись, хотел, было, отстраниться, ожидая очередной вспышки возмущения от допущенной фамильярности. Но та, как-то обмякла и даже попыталась неумело приобнять за плечи. А когда я попытался отстраниться, подалась за мной, но быстро опомнилась, отшатнулась, и на лице у нее появилось до боли знакомое отчужденное выражение. Вот так вот. А девица-то от моих объятий откровенно 'поплыла'. Еще бы, этакий мачо, да еще посланец небес. Тьфу! Старый пошляк! 'Девица!' 'Поплыла!' Как-то не хотелось думать в таких выражениях о Волеславе. Да уж не влюбился ли ты, братец!? На романтику потянуло? Ну, ладно, подумаем об этом позднее. Сейчас сосредоточимся на предстоящем купании.

Кстати. А какого, собственно! Откуда Валька узнала, что я куда-то собираюсь нырять? Припасла, ведь мое снаряжение! Знали об этом Туробой и Хегни. Туробой рассказать не мог. Написать тоже. Или мог? А Хегни? Я повернулся к обоим, неловко топчущимся в паре метров мужикам и задал единственный вопрос:

- Кто рассказал?

По недоуменному выражению лица Хегни и виноватому Туробоя все стало ясно. Все же - Туробой. Сумел объясниться, паразит. Понять его можно: сколько лет он служит при

храме и сколько у меня? Скорее всего, все еще считает Вальку начальницей. Да и не предупредил я его о режиме секретности. Не счел нужным - немой ведь. Но видно было, что мой друг-телохранитель переживает из-за своего промаха. Даже слезы на глаза навернулись. Успокаивающе махнул рукой:

- Ладно, Туробой. Я сам виноват - не предупредил, что никому не слова.

Эта моя фраза взбесила Вальку. До чего резко вспыхивает девка.

- От меня не должно быть секретов, - прошипела она. - Я твоя жрица. Единственная оставшаяся в живых. - Я - твое продолжение в наземном мире и должна знать все твои мысли и желания.

Ну, это вряд ли. Однако вслух, конечно, ничего такого не сказал. Просто повернулся к ней задом, стянул подштанники и не спеша, начал облачаться в гидрокостюм. В середине процесса повернулся к Волеславе в полоборота и скосил глаза. Та, все же, отвернулась. Вот так, а то - все должна знать, все видеть!

От гидрокостюма знакомо пахло резиной. Сердце защемила ностальгия по потерянному миру. В голову полезли лишние мысли: что я здесь делаю, зачем? Не ко времени. Рефлексовать будем позже, в теплой кровати в шатре. Закончил с одеванием, нацепил пояс с грузами и ножнами с ножом, натянул на лоб маску с трубкой, подхватил ласты и уселся в лодку.

- Отчаливаем, - приказал варангам, сидевшим в лодке.

Те оттолкнулись от берега. Один греб, второй придерживал за ветки, буксируемое за лодкой дерево. Оба с любопытством поглядывали на мой, экзотический для здешних мест, прикид. Решил спуститься на лодке метров на сто-сто пятьдесят ближе к крепости, а оставшееся расстояние проплыть, прикрываясь деревом. После разведки предполагал добраться до берега подальше от крепости самостоятельно, благо теперь, в обретенных ластах, это труда не составляло. Так что варанги, высадив меня, должны были возвратиться обратно, не дожидаясь меня.

Решив, что приблизились к арке достаточно, скомандовал гребцу остановиться, натянул ласты, зажал зубами загубник трубки и, стараясь не плеснуть, соскользнул в темную воду. Вынырнул уже метров за пять от лодки - течение было весьма приличным, глянул на стену-мост. Нужная мне арка довольно отчетливо чернела на более светлом фоне крепостной стены. В паре мерях плыло, отпущенное варангами дерево. Добрался до него, забрался поглубже в крону, подкорректировал направление и, слегка подрабатывая ластами, отдался речному потоку.

Плыл недолго, даже толком замерзнуть не успел. Дерево ткнулось комлем в решетку, потом течение развернуло его и боком прижало к арке. Надо мной нависла каменная громада стены. Ну, что, с богом! Я провентилировал легкие и, придерживаясь вплотную к решетке, пошел в глубину. Дна достиг быстро. Продуваться пришлось только один раз. Видимость не было никакой - темнота, да и вода не слишком прозрачная. Светящийся фосфором циферблат часов, нужно было подносить к глазам почти вплотную, чтобы рассмотреть цифры. Часы показывали глубину в четыре с половиной метра. Немного. Это хорошо. Плохо было то, что решетка, заканчивающаяся заостренными шипами, воткнулась ими глубоко в песчаное, судя по ощущениям, дно. Ладно, арка широкая, пойдем вдоль решетки, будем искать углубления в дне. Благо запас воздуха в легких еще оставался. Поплыл вправо к стрежню реки, полагая, что шансов обнаружить там искомые неровности больше. Плыл наощупь, придерживаясь левой рукой за решетку, а правой ощупывая дно.

На вымоину наткнулся метров через пять. Воздуха хватило добраться до ее дна метра на полтора ниже основного ложа реки и оценить ширину щели между ним и нижним краем ограждения. Пролезть было можно. Причем, вполне свободно. Ощущая настоятельную необходимость вздохнуть, устремился вверх. Всплыл среди какого-то мелкого мусора. Мое дерево осталось левее. Стараясь делать это потише, отдышался. Вытащил из воды длинную гибкую ветку и намотал ее на горизонтальную перекладину ограды, помечая место промоины. Подумал, не попробовать ли проникнуть в город - типа, на разведку. Но, по здравому размышлению, отказался от этой затеи: вдруг охрана что-то заметит, насторожится, усилит наблюдение, а все это чревато срывом предстоящей операции. Опять же, холодно становится - вода не парное молоко. В общем, что хотел, выяснил, а геройствовать будем завтра.

Надо двигать отсюда. Только осторожно - главное не насторожить охрану. Аккуратно нырнул где-то на метр и, сколько мог, плыл под водой стараясь держаться строго против течения. Вынырнул. Осмотрелся. Удалился от стены метров на тридцать. Вроде все тихо. Поплыл дальше, дыша через трубку. Отплыв метров на сто, активнее заработал ластами - надо было согреться. Еще минут десять и увидел мысок, от которого начал сегодняшний заплыв. Приблизившись к нему, разглядел на берегу своих спутников, напряженно вглядывающихся в ночную тьму. У меня еще остались силы для шуток. Метрах в десяти от берега нырнул, проплыл остаток расстояния под водой и, усиленно работая ластами, внезапно выскочил из воды буквально в метре от них. Сдержались, не заорали, хоть и шарахнулись от берега. Потом Валька постучала себя согнутым пальцем по лбу. Такой знакомый земной жест. Остальные, похоже были солидарны, но как-то показать свое отношение к идиотской выходке постеснялись. Весь из себя смущенный и немного обиженный, я вылез из воды, содрал ласты и, постукивая зубами от холода, сообщил:

- В город пробраться можно. Завтра ночью - штурм.

Глава 19

Добравшись до шатра, принял полтора грамма местной чачи, исключительно для сугреву и, раздав ЦУ подчиненным, завалился спать. Проспал до полудня - сил все же с ночным заплывом потратил немало. Поел, совместив завтрак с обедом, и занялся делами. Пока я так бессовестно дрыхнул, Хегни подобрал с сотню хороших ныряльщиков, по совместительству являющихся прекрасными бойцами, а Велимир подготовил войско к ночному штурму. Великого князя в подробности предстоящей операции пришлось посвятить, предупредив предварительно, чтобы никому ни-ни. Тот пообещал. Хотелось верить, что сдержит слово.

Ближе к вечеру устроили сбор в моем шатре, чтобы отшлифовать детали. Собрались узким кругом: я, Велимир, Хегни, Туробой, ну и Валька, куда ж без нее! В ходе обсуждения решили, что в город со мной пойдет вся сотня, набранная Хегни. После проникновения за крепостную стену, отряд разделится на две группы, одну возглавлю я, вторую командир моей ближней дружины. Одна группа двинется к левобережным, другая к правобережным воротам. Далее - захват и удержание их до подхода штурмовых колонн. Штурм, соответственно, будет производиться сразу обеих частей города. Почему так? А потому, что захватив одну часть Лютеции, не факт, что получится захватить и другую: стены-мосты делились пополам мощными башнями, взять которые, даже забравшись наверх, было делом не простым. Мост внутри города, соединяющий обе его половинки, тоже имел мощные предмостные укрепления. В общем, надо было открыть ворота в правобережной и левобережной части и пустить в них наших, причем, сделать это желательно одновременно.

Сразу возникала проблема - как такая куча народа сумеет незаметно для стражи на стене-мосту пронырнуть под решеткой. Посоветовавшись с Хегни, решили пробираться в город по очереди группами человек по пять и где-нибудь внутри собраться в кучу. 'Где-нибудь', конечно напрягало, но тщательно расспросив одного из рабов, сбежавших из осажденной Лютеции, решили местом сбора определить маленький островок, на котором покоилась одна из опор внутригородского моста. Со слов раба, островок густо зарос кустарником, и потому спрятаться там даже сотне людей труда не составит. Правда, вначале нужно было незаметно доплыть до арки, а потом до моста внутри города. Запускать по реке дерево для прикрытия каждой группы диверсантов, пожалуй, будет подозрительно: многовато деревьев причалит к одной единственной арке. Придется плыть так, максимально осторожно. Правда, Хегни заверил, что в этом деле его ребята толк знают, опять же, погода стояла пасмурная и, соответственно, предстоящая ночь должна быть темной, как и предыдущая. Ну, будем надеяться.

Так в хлопотах незаметно наступил вечер. Стемнело быстро. Из низко стелющихся туч, начал накрапывать нудный мелкий дождик. Заметно похолодало. По ощущениям, градусов до пятнадцати. Вода, конечно, так быстро не остынет, но все равно, температура далека от комфортной. Ладно, я в гидрокостюме, а ребятам, плывущим со мной, придется совсем несладко. Особенно тем, которые попадут в первую партию: ждать остальных внутри города

на островке почти без движения.... Можно и переохлаждение заработать. Одна надежда - люди северные, к холоду должны быть привычные.

Ладно, пора выдвигаться. На выходе из шатра подхватил мешок с подводным снаряжением и вышел на улицу. У входа ко мне присоединился безмолвный Туробой, Хегни и Волеслава. Надеюсь, она с нами не поплывет? С нее станется. Прыгнули в седла и двинулись к берегу реки. Охрану, из соображений секретности, брать не стали. Сразу после начала движения, Валька, едущая позади, дала шпоры коню и поравнялась со мной. Так, похоже, моя жрица решила поговорить. И даже догадываюсь о чем. Угадал!

- Ты, все же, собираешься плыть в город? - покосившись на мешок с гидрокостюмом, стервозным голосом, поинтересовалась моя жрица.

Я, молча, кивнул.

- Не надо этого делать, - безапелляционно заявила она.

- Мы уже разговаривали на эту тему.

Ответил довольно резко, чувствуя, что начинаю заводиться. Решив чуть сбавить обороты, продолжил:

- Я сам буду решать, когда и что именно мне делать. Ты можешь советовать, но решать всегда буду я. Попрошу это запомнить.

Валька открыла, было, рот, чтобы возмутиться, но, видимо, передумала, как-то поникла, опустила голову и, натянув поводья, отстала. М-да, резковато получилось. Но, с другой стороны, если девчонка иначе не понимает! Ладно, потом помиримся. Тем более, деваться друг от друга все рано некуда, если, конечно, останусь жив после этой ночи.

За всеми этими разговорами не заметил как добрались до нужного места на берегу. Здесь, под невысоким обрывом стояли, воткнувшись в песок носами, два небольших драккара. Рядом с ними в ночной тьме было заметно некое движение и гул приглушенных голосов. Откинувшись спинами на крупы лошадей, спустились по крутому склону вниз к кораблям. Теперь, вблизи стало можно рассмотреть толпу голых мужиков, мажущих себя какой-то черной мазью, которую они черпали, из стоящих на земле, глиняных горшков. Так, понятно, это мои диверсанты готовятся к заплыву. А мазь - смесь топленого сала с сажей. Сало для теплоизоляции, а сажа для маскировки. Мой гидрокостюм и так черный, а вот физиономию нужно намазать.

Спешились. Хегни и Туробой сразу начали деловито разоблачаться. Я последовал их примеру. Валька деликатно отошла куда-то в сторонку. Вообще-то, в такой темноте и с пары метров никаких интимных деталей все равно не разглядеть. Могла держаться и поближе. Натянул гидрокостюм, надел на голову маску с трубкой, вынул из ножен меч и заткнул его за пояс за спину. Пару раз подпрыгнул, вроде держится. Мой воевода и телохранитель, тем временем, заканчивали мазать себя черным жиром, став похожими на выходцев из преисподней. Я тоже подошел к горшку с адской смесью и щедро намазал лицо. Подошел Туробой и с видом вдохновенного художника нанес на мою физиономию еще пару мазков. Я, увидев под его правым глазом плохо покрашенное светлое пятно, ответил тем же. Потом, уже вдвоем, довели до совершенства физиономию Хегни. М-да, бороды после такого макияжа отмывать придется долго. Хотя, до этого нужно, вначале, дожить. Телохранитель и воевода затянули на голых животах пояса и заткнули за них обнаженные мечи. Так же, как и я - за спину и наискось, чтобы не мешали работе ног. Остальные участники операции завершили подготовку раньше и ожидали нас, собравшись компактной группой у кораблей.

Хегни подошел к ним и начал инструктаж - парни до сих пор не знали толком, что же, собственно, им предстоит. В процесс решил не вмешиваться - воевода лучше разбирался в психологии северян и знал, что и как им сказать. Мы с Туробоем отошли в сторонку. Я слушал, что говорит Хегни, а мой телохранитель бдил. Откуда-то из сырой темноты, бледная, как приведение, вынырнула Волеслава. Молча, подошла почти вплотную и уставилась своими огромными глазищами снизу вверх. Первым игры в гляделки не выдержал я. Отвел глаза и невнятно пробубнил:

- Ну, все, Волеслава, давай прощаться.

Та продолжала молча смотреть на меня. Совсем уж глупо хмыкнув, сказал:

- Пожелай нам удачи, что ли.

Валька еще немного помолчала и, не отводя глаз, тихо произнесла:

- Удачи вам, Витенька.

Вначале до меня не дошло. Я даже бормотнул что-то в смысле благодарности. А потом понял неправильность. 'Витенька'? Откуда.... В смысле, откуда она узнала о такой интерпретации моего имени? Виктором я ей в самом начале нашего знакомства, помню, представился. Она еще тогда прошла насчет румийского происхождения моего имени. Но - Витенька! Так называли меня только в том мире! Ухватил ее за руку и сдавленно просипел:

- Почему Витенька!?

Валька поморщилась, вырвала руку из моей пятерни и непонимающе-обиженно спросила:

- О чем ты?

- Почему ты так меня назвала?

Она недоуменно пожала плечами.

- Не знаю. Виктор, Витя, Витенька.... Почему-то так получилось.

Волеслава растерянно улыбнулась.

- Я сделала что-то не так? У вас в Ирии тоже нельзя коверкать имен?

- Да нет ничего страшного, - пробормотал я. - Просто вспомнилось....

Валька, отпрянувшая было, сделала маленький шаг ко мне и опять уставилась глазами в глаза. Насколько я понимаю в женщинах, девчонка явно ждет поцелуя. Вот вам и суровая жрица. Вот только морда у меня вся в сале и саже. Как-то не комильфо для первого поцелуя. Волеслава, тем временем, поняв, что от меня активных действий не дожидаться, приподнялась на цыпочки и прижалась на мгновение щекой к моей перемазанной щеке. Сразу же отстранилась. На правой стороне ее лица осталось жирное черное пятно. Я протянул руку и попытался его стереть. Только больше размазал. Жрица мазнула пальцем по испачканной щеке, посмотрела и, как-то совсем не солидно, по девчачьи хихикнула.

- Господин, все готово. Можно грузиться на корабли, - раздался из темноты голос моего воеводы.

Валька резко, без перехода посерьезнела, погладила меня по резине гидрокостюма на груди и прошептала:

- Иди. И... береги себя.

Стандартная, вроде, фраза. Слышанная многократно в кино и читанная в книжках, но на душе сразу потеплело. Даже ветер и дождь, кажется, стали менее холодными. Ох! Так бы и остался! Но.... Труба зовет. Взял в руку холодную, мокрую от дождя кисть Волеславы, прижал к губам, аккуратно опустил, развернулся и зашагал в темноту, к смутно маячившим в пасмурной тьме, корабельным мачтам.

Воины уже были на борту. Рядом с кораблями оставались Хегни с Туробоем и человек двадцать из экипажа драккаров.

- Пошли, - бросил, ожидающим меня мужикам и, не задерживаясь, запрыгнул на борт судна, стоящего слева.

Туробой последовал за мной, Хегни забрался в правый драккар. Варанги из экипажей уперлись в борта и столкнули корабли на воду. Стараясь не сильно плескать водой, запрыгнули внутрь, расселись по банкам, разобрали весла и, опять же, стараясь не плеснуть, сделали первый гребок веслами правого борта. Драккары нехотя развернули носы в сторону крепости и, влекомые течением, двинулись вниз по реке.

Плыли не долго. Хоть ночь стояла и темная, особо близко к стенам лучше было не подходить. Драккары бросили якоря, вернее, аккуратно их опустили, как только в царящем мраке глаза начали чуть различать крепостные зубцы. Ну, что, с Богом! Надвинул на лицо маску и беззвучно соскользнул в воду. Расположился в ее толще вертикально, держа голову над поверхностью и наблюдая, как десантируются варанги из первой пятерки. Те покинули судно так же беззвучно и скучковались вокруг меня. Махнул рукой в направлении крепости, лег на воду и, легонько подбавывая ластами, двинулся по течению, периодически поднимая голову, чтобы корректировать направление.

Минут пять-семь и мы уцепились за решетку, перегораживающую проем. Гибкий ивовый прут, заплетенный мной вчера, оказался на месте, но нужно было, все же, вначале нырнуть, убедиться, что вымоина на месте - придонные течения вещь капризная, сегодня вымывают дно в одном месте, завтра в другом. Нырнул. Ход под решеткой никуда не делся.

Слава богам! Вынырнул, отдышался, стараясь не сопеть, и объяснил варангам, куда нырять. Сложностей никаких не предвиделось. Воинам нужно было, держась за прут решетки, помеченный мной, опуститься до дна. Прямо под ним находилась вымоина. Пролезть через нее, всплыть, дожидаться оставшихся из пятерки, и потихоньку, чтобы не побеспокоить стражу, сплавляться к острову, назначенным местом randevu.

- Давай, - шепотом скомандовал первому.

Тот кивнул, провентилировал легкие и нырнул. С полминуты напряженного ожидания и варанг почти беззвучно вынырнул с противоположной стороны решетки. Молодец! Похоже, Хегни подобрал, действительно, лучших из лучших. Второй варанг, не ожидая команды, последовал за первым. Этот пробыл под водой чуть дольше, но так же благополучно преодолел препятствие. Три-четыре минуты и вся пятерка оказалась внутри города. Старший махнул мне рукой, и первая партия диверсантов исчезла в темноте ночи, отправившись к острову. Прислушался, что происходит наверху на стене. Вроде, все тихо. Стража ничего не слышала.

Я остался ждать следующую пятерку. А что делать, на пальцах куда нырять не объяснишь, надо показывать. Гидрокостюм тепло пока держал. Посмотрим, что будет дальше. Следующая пятерка, к счастью, ждать себя не заставила. Пять минут, и они тоже оказались внутри крепости. Без эксцессов. И пошло - партия пять минут. К последней пятерке из моих пяти десятков присоединился Туробой. Внутри города он не полез, остался рядом со мной у решетки. К этому времени прошло около часа. Холод уже пробирал меня вполне ощутимо. Гидрокостюм, конечно, помогал, но не слишком. Стиснул зубы, чтобы не стучали, и занялся переправой через арку пятерки, из команды Хегни. Мой воевода шел с первой партией. Здесь, так же все проходило четко, без эксцессов.

Для переправы следующих пяти десятков понадобилось еще пятьдесят минут. К этому времени меня уже начало конкретно поколачивать. Туробой, который уперто не желал меня покидать, приходилось, должно быть, еще хуже. Но он держался. Глядя на него, крепился и я. Наконец, в дождливой тьме за крепостной решеткой скрылась последняя пятерка. Похлопал Туробоя по плечу: давай теперь ты. Объяснять мужику ничего не стал - объяснений он наслушался достаточно. Тот кивнул и, сделав пару мощных вдохов, погрузился в воду. С некоторым волнением - я ведь не знал уровня подготовки моего телохранителя в искусстве ныряния - ждал его появления по ту сторону стены. Подводное путешествие Туробоя заняло несколько больше времени, чем у привычных варангов, но закончилось вполне благополучно. Как только он показался на поверхности, нырнул сам. Для интереса, засек по часам, сколько пробуду под водой. С чувством некоторой гордости констатировал, что преодолел препятствие за двадцать с небольшим секунд. Быстрее варангов. Хотя, я-то был в ластах. Условия не равные.

Вынырнув по ту сторону стены, снова прислушался. Стража наверху пребывала в полной безмятежности. Ну-ну, злобно усмехнулся я и, махнув рукой Туробой, поплыл в глубину города, высматривая очертания моста.

Путь занял минут пять-семь. Остров, действительно, густо зарос тальником. Варанги хорошо замаскировались. Пока Хегни не поднялся из-за кустов и не помахал мне рукой, я не увидел никаких признаков их присутствия, хотя мы с Туробоем добрались уже почти до самой опоры моста. Мой воевода быстренько изложил информацию, которую успел собрать за час своего пребывания на острове.

- На самом мосту стража не ходит. Все сидят в предмостных укреплениях. Сколько их там - не понять. Часовых по двое с каждой стороны. Пока здесь сидим, прошла смена. Совсем недавно.

- Ну, что, как договаривались, - постукивая зубами, произнес я, - ты со своими направо, я налево. Начинаем по сигналу рога.

Хегни кивнул, взмахнул обеими руками, поднимая свою полусотню, беззвучно вошел в воду, так же беззвучно нырнул и поплыл к правому берегу, держась под мостом. Его люди так же неслышно последовали за ним. Следуя примеру Хегни, тоже взмахнул руками, давая команду следовать за собой, и поплыл налево.

Предмостное укрепление, стена которого поднималась прямо из воды, и на гребне которой горело несколько довольно мощных масляных фонарей, оплыли по широкой дуге.

Найдя на берегу, местечко поукромнее, выбрался на сушу, содрал лапы и аккуратненько сложил их под одиночным кустом - чтобы найти потом, вдруг еще понадобятся. Да и дороги, как память. Варанги бесшумно выбирались из воды, скапливаясь под невысоким береговым обрывом. Туробой вылез одним из первых и как тень пристроился рядом со мной, вытащив меч из-за спины.

Вчера мы с Хегни тщательно изучили схему улиц города, нарисованную исходя из рассказов перебежчиков. Сейчас я воспроизвел ее в голове и выглянул над обрывом, пытаюсь сориентироваться и сообразить, куда же нам двигаться дальше. Так, вот эта невысокая мраморная стенка, начинающаяся в паре-тройке метров, это набережная, по которой любят гулять горожане. Надо забраться на нее - всю видимость закрывает. Добрался до стенки и выглянул теперь уже из-за нее. Ага, это мы удачно приплыли. Почти прямо напротив моего наблюдательного пункта перпендикулярно от набережной начиналась широкая улица с двух и трехэтажными домами, ведущая, со слов перебежчиков, прямо к воротам. Узнал я эту 'виа гранде' по двум статуям богов-близнецов из румийского пантеона, стоявшим лицом друг к другу на ее углах. Эти статуи рабы описали весьма подробно. Перекресток оказался довольно неплохо освещен все теми же масляными фонарями, представляющими из себя большие стеклянные пузыри со срезанными макушками, прикрытые маленькими жестяными крышками и залитые до половины каким-то маслом, в котором плавал горящий фитиль. Стояли они на высоких деревянных столбах. Вся набережная была уставлена этими фонарями. Не часто, но света для любителей ночного гуляния хватало. Нам этот свет только мешал. Но делать нечего, не бить же их - этак внимание патрулей, которых здесь должно хватать, привлечем гораздо быстрее.

На улице, ведущей к воротам, фонарей было поменьше. Между ними оставались участки, где царила ночная тьма. Вот к ближайшему такому темному участку и решил сделать первый бросок. Пояснил свою мысль варангам. Те понятливо закивали, подобрались и по моей команде, стараясь несильно топать, благо ноги были босые, понеслись к намеченному месту. Добежали быстро. Забились всей толпой в какую-то подворотню. Отдышались. Прислушались. Все тихо. Следующий бросок. Здесь затаились в широкой и глубокой, как раз всем удалось убраться, нише ворот, прорезанных в высоком каменном заборе. Опять прислушались. Тишина. Хорошо, что румийцы выселили почти всех жителей этой части города. Дома, мимо которых мы двигались, похоже, пустовали - ни огня, ни шума. Это нам на руку. А вот Хегни на правом берегу приходится хуже - там румийское население живет в своих домах, соответственно, засветиться ему гораздо легче. Одна надежда - глухая ночь, нормальные люди спать должны без задних ног.

Ну да, если бы Хегни влип, было бы слышно. А пока все тихо. Тихо? Да нет. Не совсем. Со стороны, ворот, куда мы двигались, послышались шаги нескольких человек. Пока не близко, по ощущениям больше сотни метров. Шаги тяжелые и неторопливые. Почти наверняка патруль. Аккуратно выглянул из ниши. Действительно - патруль. Пять человек, они как раз входили в световое пятно фонаря. Легионеры. В полном вооружении. Со щитами и пилумами. Нырнул обратно в нишу, шепотом объяснил обстановку своим людям. Те быстренько пошептались. В плотно сгрудившейся толпе произошло какое-то движение. Потом все замерло. Я решил не вмешиваться - ребята должны были лучше меня знать, что делать.

Шаги приближались. Десяток секунд и патруль поравнялся с местом нашего убежища. Я перестал дышать. Легионеры уже почти прошли мимо, как вдруг, идущий последним, приостановился и стал вглядываться в сторону ниши. Видно, что-то почуял. Бдительный, зараза. Ждать дальше было нельзя. Я уже открыл, было, рот, чтобы отдать соответствующую команду, но варанги, действительно, свое дело знали. Из ниши выметнулось с десяток черных теней. В темноте в отсветах ближних фонарей блеснули мечи. Легионеры, должно быть, опешили от вида чернокожих, непонятно откуда взявшихся, демонов и были заколоты быстро и почти беззвучно: точные, почти хирургические уколы остриями мечей в горло. Оседающие тела подхвачены на руки, чтобы не загремели оружием и доспехами при падении и затащены к нам, в нишу. На мостовой остались пять кровавых дорожек. Но тут уж ничего не поделаешь - затирать следы некогда.

- Вперед, - махнул рукой и рванул к следующему островку темноты.

Воротная башня замаячила после четвертой перебежки. На ее стене и на гребне между зубцов горели фонари. У массивных, обитых железом, внутренних ворот башни кучковалась охрана из пяти легионеров. Последнее неосвещенное место, где нам можно было остановиться, находилось метрах в семидесяти-восемидесяти. Здесь, в очередной подворотне и устроились, чтобы отдышаться, осмотреться и решить, как действовать дальше. Лютеция все еще была погружена в тишину. Это радовало - Хегни с его группой не обнаружили. И патруль, уничтоженный нами, тоже.

Часовые нашу последнюю перебежку, к счастью, не заметили. Они стояли в кружок и о чем-то трепались. Наверху, на боевой площадке башни тоже маячили силуэты нескольких человек. Так, незаметно приблизиться нам по любому не удастся. Остается прямая атака. Эту пятерку у ворот перебьем влегкую - фактор неожиданности и численное преимущество. Да и индивидуальное боевое мастерство у варангов, пожалуй, повыше. Дальше - отодвигаем воротный засов и открываем внутренние ворота. За ними кованая решетка, находящаяся примерно посредине прохода внутри башни и сейчас, наверняка опущенная. А поднять ее можно только изнутри башни, при помощи специального подъемного устройства. Дальше - наружные ворота, закрытые на такой же засов, как и внутренние. Но, чтобы добраться до них, нужно как-то поднять решетку. А для этого проникнуть в башню. Вопрос, открыта вон та небольшая дверца сбоку от ворот, ведущая внутрь нее? Можно, конечно, подождать смены караула и в это время напасть. Но сколько ее ждать? Обнаружить нас, или группу Хегни могут в любой момент. Нет, ждать нельзя. Бросаться в атаку, надеясь на 'авось' - может быть дверца окажется открытой? Если румийцы правильно несут службу, то рассчитывать на это не стоит. Вышибить дверцу будет непросто - массивная и тоже обита железом. Бревен, которые можно использовать в качестве тарана, поблизости не наблюдается. Никаких окон, или бойниц в стене башни до самой боевой площадки нет. Так, ждать больше нельзя. Будем действовать нагло.

- Оставайтесь на месте, - скомандовал варангам. - Атакуйте, как только откроется дверь. И сигнал Хегни подать не забудьте.

Потом мысленно перекрестился и, вытащив меч, двинулся к башне. Мой расчет был прост. Если на ворота нападет целый отряд, то гарнизон башни закроется изнутри, поднимет тревогу и дождется помощи, следя за тем, чтобы мы ничего не сделали с решеткой, не преодолев которую, никогда не сможем открыть ворота внешние. А вот если на караул нападет одиночка, или двое врагов, поправился я, оглянувшись и увидев, что позади меня решительно шагает Туробой, то, пожалуй, из башни вылезут ее обитатели - полюбопытствовать, что за безумные самоубийцы вдруг объявились внутри крепости. А, может, не вылезут. Ну да, будем надеяться на лучшее.

Нас, тем временем, заметили. Пятеро легионеров у ворот прекратили болтовню, развернулись в нашу сторону и с любопытством, и некоторой растерянностью, наблюдали за нашим приближением. Растерянность, однако, продолжалась не долго. Ребята, все же, оказались профессионалами. Секунда и они выстроились в шеренгу, закрылись щитами и вытащили из ножен мечи. Пилумов, на наше с Туробоем счастье, у них не оказалось.

- Сразу не убивай, - негромко бросил Туробой. - Дай вылезти тем, в башне.

Телохранитель кивнул, мол, понял. До румийцев оставалось метров пять. Ну, с Богом! Прыжок к правому флангу шеренги, попытка достать мечом в бок крайнего легионера. Тот легко отбил удар небрежным движением щита и сразу контратаковал. Я быстро разорвал дистанцию, памятуя, что тушка моя нынче лишена доспехов. Легионер строй не покинул, видимо, не решаясь на поединок с отмороженным самоубийцей. Туробой, тем временем, атаковал левый фланг шеренги. Голый чернокожий гигант, видимо, впечатлил румийцев больше, чем я. Трое из них развернулись к нему. Двое продолжали следить за мной. Туробой нанес несколько мощных, молниеносных ударов по щитам легионеров и, так же, как я, отскочил назад.

Сверху с боевой площадки слышались восклицания. Видимо тамошняя стража заметила, что внизу происходит что-то неладное. Ну, давайте, ребята, будите начальство. Или без него слезайте, полюбуйте на бесплатный цирк. Только тревогу не поднимайте: зачем беспокоить людей из-за двух придураков.

Пятеро румийцев, с которыми мы сцепились, тем временем, разделились. Трое

атаковали Туробоя, двое занялись моей скромной персоной. Индивидуальное боевое мастерство легионеров, действительно, оставляло желать лучшего. Во всяком случае, я отбивался от них без особого труда. Даже успевал следить, как идут дела у Туробоя. Тот, вроде бы, тоже пока держался. Глянул на заветную дверцу. Та оставалась закрытой. Гарнизон башни посмотреть на представление не спешил. Или они решили, что пятеро с двоими справятся без их помощи. Что ж, попробуем убедить их в обратном.

- Туробой, убей одного! - крикнул я, отбив очередную атаку своих противников.

Сам тоже контратаковал и чрез пару секунд достал одного из румийцев, в неосторожно открытое им правое колено. Достал хорошо - почувствовал, как под лезвием влажно хрустнула кость. Румиец взвыл, отшагнул за спину своего товарища и завалился на левый бок, неестественно вывернув раненую ногу. Мгновение спустя, покончил с одним из своих визави и Туробой, мощным вертикальным ударом, разрубив ему голову вместе со шлемом. Этот румиец упал, молча, видимо, умерев мгновенно. Оставшиеся легионеры прекратили атаку, отступили и сбились в треугольник, в готовности отразить атаку с любой стороны. Зауважали, однако. Раненый румиец попытался ползти к своим, волоча полуотрубленную ногу. Туробой, сделав пару громадных шагов, догнал страдальца и рубящим ударом в шею между назатыльником и оплечьем добил его. Трое легионеров дернулись, было, на помощь, но увидев, что опоздали с этим, остались на месте. Вот так, без сантиментов. Ничего личного - просто целесообразность: разозлить, наблюдающих за всем этим безобразием из башни, румийцев, и обезопасить себя от неожиданной атаки снизу. Схватка-то еще не кончилась, а пырнуть в ногу, или, не дай Бог, в пах такой подранок вполне способен. У нас, на войне такая зачистка называлось контролем. Но я бы так не смог. И там, на Земле такого делать не доводилось. Только наблюдать. Один раз.

Ага! Дверца открылась! Наконец-то! Из ее проема один за другим выбежали с десятков румийцев в полном вооружении и с пилумами. А вот это не есть хорошо. Где там мои варанги! А вот и они. Северяне появились из темноты беззвучно, словно тени и, молча, обрушились на легионеров, сея смерть. Секунду спустя, кто-то из них протрубил в рог, подавая сигнал группе Хегни. Человек пять сразу кинулись к дверце, не давая обитателям башни запереть ее. Короткая возня у входа, предсмертный вопль и пятерка скрылась внутри проема. За ними туда же проскочило еще пара десятков варангов. Остальные прижали, неосторожно выбравшихся из укрытия румийцев к стене, и довольно быстро перебили. Потеряли при этом четверых. Мы с Туробоем атаковали троих из недобитой пятерки. Те тоже прижались к стене и достаточно успешно отбивались, пока к нам не подоспела помощь. После этого румийцы продержались не больше минуты. Правда, одного нашего легионеры достали. В живот. Скорчившись, он упал возле стены. Смерть парню предстояла мучительная. Может смогу помочь? Варанги, разобравшись с выскочившими наружу румийцами, скрылись внутри башни. Я же остался рядом с раненым и попытался войти в лечебный транс. Туробой, поняв, что я собираюсь делать, отошел на пару метров и наблюдал за пока пустой улицей.

У меня получилось! Не смотря на бушующий в крови адреналин, удалось ввести себя в нужное состояние. Радужный поток накрыл всех павших в только что закончившейся схватке. Раненый в живот варанг, выпрямился, неверяще погладил измазанный кровью живот, вскочил на ноги, бросился ко мне и рухнул на колени.

- Все-все, - похлопал его по голой спине. - Давай, помогай товарищам.

Парень радостно кивнул, вскочил, еще раз потер живот и исчез в проходе, ведущем внутрь башни. Я глянул вокруг. Так. Зашевелился один из четверых павших варангов. Живой, оказывается. Приняли сидячее положение и двое румийцев. Эти ошалело хлопали глазами, не понимая, что с ними случилось. Я помог подняться исцеленному северянину. Крови он успел потерять изрядно, потому на ногах держался не слишком уверенно. Пока возился с варангом, Туробой, увидев реанимированных легионеров, добил их. Черт! Меня аж передернуло. Наверное, никогда к этому не привыкну. Опять же, к исцеленным у меня возникало какое-то родственное чувство. Такой побочный эффект лечения, что ли? Потому смерть этих двоих воспринял особенно болезненно. Даже открыл, было, рот, чтобы сказать, что-то резкое своему другу-телохранителю. Но промолчал. Мужик просто делает свое дело, а мои рефлексии по этому поводу, моя личная трагедия.

- Иди в башню и посиди там где-нибудь в безопасном месте, - загнав переживания в

дальний угол, посоветовал исцеленному варангу. - В драку не лезь - слаб еще.

Тот кивнул и, пошатываясь, исчез в темнеющем проеме двери. Глянул в глубину улицы. Пока все тихо, но вряд ли так продлится долго: шума мы наделали изрядно и на соседних башнях наверняка уже подняли тревогу. Надо быстро поднимать решетку и открывать наружные ворота. Изнутри башни доносились крики и лязг стали. Я уже собрался бежать на помощь внутрь башни, но тут раздался скрежет, кованая решетка, перегораживающая башенный ход, дернулась и начала подниматься. Слава Богам!

Я и Туробой бросились в арку башни и, как только между вымосткой и нижним краем неторопливо поднимающейся железной преграды образовалась достаточно широкая щель, протиснулись в нее, с трудом отодвинули массивный засов наружных ворот и навалились на створки, толкая их наружу. Те чуть подались и встали.

- Навались! - просипел я и, чувствуя, что от напряжения вылезают глаза, вновь нажал на упрямую створку.

Туробой пыхтел рядом, пытаясь открыть свою половинку ворот. Нет. Не получалось. С моего друга можно было лепить скульптуру: мускулы вздулись рельефными буграми, опять же, пластическая поза. То ли Сизиф, толкающий камень в гору, то ли Атлант, держащий небо. Перекошенный, правда, Атлант. Хм. Надо же - я, оказывается, еще могу иронизировать. Очень к месту! А ну, навалимся еще! Бесполезно...

Позади послышался топот босых ног. Даже не стал оглядываться: наши! Румийцы вряд ли будут бегать по своему городу босиком. Секунда и в створки уперлись десятки рук. Еще секунда и чертовы ворота с жутким скрежетом начали открываться. Еще напор! Створки пошли быстрее. Еще быстрее и с грохотом ударили во вкопанные по бокам башни надолбы, служащие стопорами. Наши, готовые к штурму, должны были этот грохот услышать, но я приказал варангу, на груди которого болтался рог, протрубить дважды, как условились.

Все. Теперь главное удержать ворота до подхода основных сил. Они, где-то в полукилометре. Впереди поставлена конница. Сколько ей понадобится времени домчаться сюда? Минута, две? Максимум пять. Продержимся. Тем более, румийцы, похоже, все еще не прочухались - никто не торопится на помощь атакованным воротам.

Ну вот - сглазил: в глубине улицы послышался мерный топот калиг легионеров. Надо идти встречать гостей. С гарнизоном башни к этому времени было покончено. Двери, ведущие на стену, закрыты и забаррикадированы: атаковать могли по стене из соседних башен. Оставшиеся в живых варанги, выбегали из недр башни и выстраивались у внутренних ворот, готовясь встретить врага. Почти все обзавелись румийскими щитами, кое-кто шлемами и пилумами. Собралось десятка три с небольшим.

Мы с Туробоем тоже подобрали щиты, валяющихся у ворот легионеров, и встали в общий строй. Строй получился из двух шеренг и полтора-два десятка человек по фронту. Последний варанг, выбежавший из башни, вынес охапку пилумов. Строй рассыпался. Северяне быстренько разобрали метательные копья и опять построились. Еще секунд десять ожидания и из темноты показался плотная колонна румийцев. Центурион, бегущий в голове колонны, быстро оценил обстановку и отдал команду. Легионеры мгновенно перестроились во что-то вроде фаланги, перегородившей всю улицу, и, не мешкая, двинулись на нас. Когда строй врагов сблизился с нашим метров до двадцати, варанг, стоящий на правом фланге в первой шеренге, скомандовал 'залп'. Северяне и мы с Туробоем метнули пилумы и тут же закрылись щитами. Вовремя: ответ не заставил себя ждать. Железный дождь забарабанил по выставленным щитам. Вскрики раненых, шум от падения тел убитых. Осторожно, стараясь не сильно высовываться, осмотрелся. Наш маленький отряд уменьшился еще на пять человек - троих раненых, отползающих к воротам, и двоих убитых. В следующий миг румийцы издали боевой клич и ринулись на нас.

Удар сомкнутого, глубокого строя был страшен. Первая шеренга полегла меньше чем за минуту. Мы оставшиеся были вдавлены в проем ворот и здесь уперлись - отступить дальше было нельзя, иначе все, что мы сделали этой ночью, станет напрасным. И мы продержались. Минуты две, или три. Этого хватило нашей коннице, чтобы успеть доскакать до ворот, ворваться в них и врубиться в строй легионеров. Меня варанги во время этой скоротечной схватки вытолкали в задний ряд. Может и к лучшему: я услышал грохот копыт и вовремя скомандовал своим прижаться к стене внутри башенного хода. Потому от удара кавалерии

наши, оставшиеся в живых, не пострадали.

Поток, закованных в сталь всадников, заставил легионеров попятиться. Количество их все прибывало, а у румийцев не оказалось с собой копий, которыми можно было бы удержать атакующую конницу, потому пятились они все быстрее, а когда кавалеристы раскололи строй легионеров, отступление переросло в бегство. С ликующими воплями наши начали их преследовать и вскоре бегущие и преследователи скрылись во тьме улицы.

Перевел дух и осмотрелся. От всего моего отряда осталось не больше десятка человек. Туробой, которого в этой неразберихе я потерял, к счастью, уцелел. Немного прихрамывая, друг-телохранитель занял привычное место справа и чуть позади от меня. По щеке его стекала струйка крови. Протестировал свой организм. Как ни странно, вроде все цело. Все в порядке, если не считать жуткой усталости, навалившейся внезапно. Сделал несколько шагов, выходя из башенного хода снова внутрь города, и уже здесь облокотился спиной о стену башни. Туробой обеспокоенно подался ко мне.

- Все нормально, друг, - похлопал его по плечу. - Все просто замечательно.

С наружной стороны стены послышался приближающийся топот нашей бегущей пехоты.

Глава 20

Посредине площади располагался фонтан. Чаша метров десяти в диаметре со скульптурой какой-то обнаженной девицы в центре, держащей в поднятой руке огромную раковину. Из раковины, надо полагать, в лучшие времена изливался поток воды. Сейчас остатки этой воды стояли в чаше фонтана, мутной и затхлой. Площадь, на которой располагался фонтан, представляла собой правильный квадрат, со стороной метров двести. Центральная площадь лютении. Правобережной румийской части. Три стороны ее образовывали кварталы города, разделенные тремя широкими прямыми улицами. С четвертой стороны площадь замыкало громадное здание форума. Здесь проводились городские религиозные и политические мероприятия. Фасад форума был обращен к площади и представлял собой колоннаду из розоватых гранитных колонн. К колоннаде вела высокая лестница во всю ширину фасада со ступенями из того же розового гранита. Потом шла площадка, метров в тридцать шириной. Над колоннадой нависал карниз, или как это правильно называется? Покрытый барельефами. Выше шла двускатная крыша из красной черепицы. Высоту здания я оценил метров в пятнадцать. Небоскреб, по здешним масштабам. Торцевые и задняя стены были глухими, сложенными из тесаного гранита, так что попасть в этот храм-форум можно было только с фасада. Ко всему, сразу за задней стеной здания находился крутой обрыв высотой метров двадцать. Естественного происхождения. В общем, подступиться к форуму можно было только с фасада по необъятной лестнице.

Зачем я так подробно все описываю? Все просто: это здание стало последним оплотом защитников города. Сюда сбежались еще в начале штурма женщины и дети, а потом отступили, оставшиеся в живых воины. Сейчас легионеры, выстроившись по верхнему краю лестницы, на площадке перед зданием, отбивали очередную атаку варанго-славов, плотной массой поднимающихся по гранитным ступеням. Атака была седьмая по счету. Это из тех, что организовал уже я, прибыв больше трех часов назад на площадь. Но до того атаки тоже имели место быть, правда малыми силами и плохо организованные. Соответственно у подножия лестницы на всем ее протяжении громоздилась гора трупов, подплывающая громадной лужей крови, не желающей впитываться в щели, между плотно подогнанными плитами мостовой, и застывающая багрово-черным студнем. Трупы, по большей части, принадлежали нашим. Своих павших румийцы старались оттащить в тыл строя. Раненых уносили в здание форума. Наши своих раненых прихватывали с собой при отходе. Если, конечно отход не сопровождался излишней паникой - пару раз случалось такое. Тогда подранков просто затапывали. Когда-то розовые ступени лестницы стали грязно-бурыми от крови, перемешанной с пылью. Атакующие оскальзывались, падали, скатывались вниз под ноги своим товарищам, сбивая темп атаки и ломая и так не слишком стройные ряды.

Еще и солнце грело по-летнему. Дождь, ливший всю ночь, прекратился еще на рассвете. Тучи окончательно разогнало к полудню и сейчас, когда мои, вновь обретенные

часы, показывали четвертый час дня, жарило вовсю. И это в конце сентября! Может тут климат теплее? Возможно. В общем, было по-настоящему жарко. Градусов двадцать пять на солнце. В тени, конечно, меньше - осень все же. Легкий ветерок облегчения не приносил, поскольку дул со стороны форума, донося тошнотворный запах бойни.

Ко всему на меня навалилась жуткая усталость. Не мудрено - бессонная ночь, переохлаждение, бой, пусть и скоротечный, а потом полдня метаний по городу, на улицах которого разворачивались ожесточенные схватки. Еще пытался предотвратить убийства и насилие по отношению к женщинам и детям. Мужчины, вплоть до совсем уж дряхлых стариков, сражались до последнего - мужества румийцам было не занимать. Спасать гражданских получалось плохо - элементарно не успевал. Нужно было принимать личное участие в подавлении очагов особо упорного сопротивления. А славы, варанги и прочая, примкнувшая к нам публика, тем временем, творили в городе, что хотели. Я проникся понятием, что такое средневековое зверство. Такого не оправдывали, на мой взгляд, никакие нанесенные за время оккупации обиды. Хотя, откуда мне знать, что творили румийцы. Может, вели себя во время карательных акций и похуже? Вполне возможно - времена в этом мире царят жестокие, и на зверства народ привык отвечать зверством. Идеи гуманизма здесь пока не проросли. Тем более, христианства с его всепрощенчеством не изобрели. Может восполнить пробел? Ага! Еще позволь себя распять! Нет уж! Нафиг, нафиг!

Где мог, тем не менее, вмешивался. Меня не понимали. Ни моя свита, состоящая из Туробоя с Хегни, одевшихся и облачившихся в доспехи (мне, кстати, тоже мою одежду и броню доставили), ни, тем более, воины ближней дружины, присоединившиеся к нам здесь в Лютеции. Об озверевших бойцах, распаленных боем, которых я пытался стащить с насилованных румиек, нечего и говорить. Несколько раз меня даже пытались заколоть, не разобравшись, что за пижон мешает заниматься честным воинам законным делом. В конце концов, отчаялся и, как уже сказал, навалилась усталость. Опять же, дошли сведения о румийцах, засевших в здании форума. Отправил вырванных из рук насильников румийских женщин и детей в лагерь под охраной десятка воинов и двинулся с остальными к центральной площади.

Добрались до нее не сразу. Пару раз пришлось вступать в схватки с небольшими отрядами защитников города. Победа досталась относительно легко - двое убитых и пятеро раненых с нашей стороны. Румийцев истребили полностью - два отряда десятка по полтора человек в каждом. Правда были это, в основном, пацаны и старики. Этаким местный фольксштурм. Тем не менее, никто из них не сдался.

Плутали и дрались в узких улочках с полчаса. Ближе к центру правобережной части города следы ожесточенных схваток встречались чаще: кучи трупов и наших и румийцев, трупы женщин, детей. Особенно тягостное впечатление оставили женские трупы со вспоротыми животами. Как объяснил Хегни, это резвились соотечественники Хулагу. По их представлениям, таким образом должен был поступить любой воин-тавр после совокупления с женщиной враждебного племени. Ну, а как иначе: вдруг от этого родится сын, который, сойдется, когда подрастет, с отцом в сражении. А, оказывается, умереть от руки сына для кочевника - хуже смерти не бывает. Опять зверство оправданное обычаями предков. Вроде, чего проще - не трогай ты вражеских женщин и убивать не придется. Но такая простая мысль, видимо, в голову кочевникам не приходила.

Одна совсем молоденькая девчонка оказалось еще живой. Отползла к стене дома и, прижавшись к ней спиной, пыталась окровавленными трясущимися руками, запихнуть вывалившиеся внутренности обратно во вспоротую брюшную полость. Мимо такого я пройти, естественно, не смог. Вызвал радужный поток. Живот у девчонки зарос. Она встала на колени, уставилась невидящими глазами, прямо на ярко светившее солнце, и издала жуткий вой. Безумие мой дар лечить был не в состоянии - проверял. Потому, резко развернувшись, зашагал дальше к центру города. Вой преследовал нас еще минуты две. Потом резко оборвался, перейдя в предсмертный хрип. Похоже, кто-то 'сердобольный' избавил румийку от мучений.

Наконец выбрались на площадь. Осмотрелись. Над крышами домов в нескольких местах поднимался дым начинающихся пожаров. Ничего, дома каменные, массовых пожаров, как в деревянных городах возникнуть не должно. На площади к моменту нашего появления

собралось тысячи полторы-две воинов. Здесь толпились и славяне, составляющие большинство, и варанги и еще кто-то: ливы, эсты, готы? Толком так и не научился различать наших союзников. У дальнего от здания форума края площади гарцевало даже с сотню всадников-тавров, изредка постреливающих из луков, по выстроившимся на верхнем краю лестницы, румийцам. По лежащим у подножия лестницы трупам, заключил, что попытки штурма уже предпринимались.

Пробившись сквозь толпу, к нам подошел Лотар. Оказывается, варанг пытался рулить этим сборищем. Спросил, как он оценивает численность укрывшихся в здании румийских воинов. Тот пожал плечами.

- На парাপете стоит тысяча с небольшим. Сколько-то внутри здания. Но не слишком много.

Чувствовалось, что Лотар тоже подустал. Лицо серое от пыли, забрызгано, успевшей засохнуть, кровью. Длинный прямой меч залит ею по рукоять. Доспехи тоже рябят красными брызгами. Надеюсь, это кровь легионеров, а не женщин и детей.

- С теми, что здесь собрались, нам их не взять, - продолжал Лотар анализ ситуации. - Надо собирать по городу варангов, новуградцев и твоих, которые побоевитее.

- Ладно, - кивнул в ответ. - Еще соберу лучников и тавров Хулагу, хватит им женщин резать.

Лотар поморщился и кивнул: видно насмотрелся на творимые кочевниками безобразия и тоже оказался от них не в восторге. В этот момент к чаше фонтана подъехал сам вождь сынов степей. Спрыгнул с коня и почти бегом приблизился к нам. Хулагу был весел, возбужден и так же, как и Лотар, забрызган кровью. Вот только чьей? Он отдал мне легкий поклон и застрочил со скоростью сто слов в минуту. Поздравления с успешным взятием оплота румийской власти в здешних землях сменялись восхвалениями моей силы, отваги и хитрости. Потом пошли дифирамбы храбрости и мужеству степных воинов, ну и своей силе и храбрости, как же без этого. Вообще, заметил, что здешний народ излишней скромностью не страдал. Ну да, все по пословице: сам себя не похвалишь, никто не похвалит.

Хотелось высказать Хулагу все, что накипело о поведении его воинов в городе, но решил сдержаться - политик, черт бы его побрал! Да и вспомнилась их жертвенная атака тогда на берегу у Святого. Прервал словоизвержение доблестного сына степей, предложив ему собрать по городу своих резвящихся воинов и организовать 'огневую' поддержку штурма здания форума. Вождь кочевников отнесся к задаче с энтузиазмом. Вскочил в седло, пронзительным свистом подозвал к себе, гарцующих по площади тавров, и быстро объяснил им задачу. Всадники разделились на группы, по три-пять человек и, прищипорив коней, скрылись между домов, окружающих площадь.

- Попробую покликать своих, - сказал Лотар, подозвал с полсотни северян из своей свиты, и отправил их собирать по городу, занятых грабежом и другими увлекательными делами, варангов.

Я обернулся к Хегни.

- Понял, господин, - не дожидаясь приказа, отозвался мой проницательный воевода. - Найду Велимира и передам ему твою просьбу.

Воевода развернулся и, взяв с собой пару воинов, исчез в толпе.

Я присел на край чаши фонтана и перевел дыхание. Ноги гудели, голова тупо ныла, броня давила на плечи, тело под поддоспешником нестерпимо зудело. Расстегнул подбородочный ремень и стянул с головы шлем с подшлемником, подставляя взмокшие волосы, под пахнущий кровью и прочими малоаппетитными запахами, ветерок. Уткнул меч острием в плиты мостовой у себя под ногами. Опустил голову на скрещенные на рукояти меча, руки. Прикрыл глаза и попытался расслабиться, используя навыки аутотренинга, освоенные в пору молодости.

Толком расслабиться не дали. Кто-то положил руку мне на плечо. Рука была тяжелой - почувствовал прикосновение даже через оплечье. Поднял голову. Ну конечно, Туробой! Смотрит с тревогой. Заботливый, блин! Погасил, вспыхнувшее, было, раздражение и успокаивающе похлопал друга по предплечью.

- Все нормально, Туробой. Все нормально. Просто устал.

Расслабление, пусть и короткое, тем не менее, слегка взбодрило. Надо доделывать

дело. Пусть и не приятное. Представил себе, что наши воины сотворят с укрывшимися в форуме женщинами и детьми, после того, как перебьют их защитников и поежился. Решил, что постараюсь не допустить резни. Любой ценой. Употребив для этого, весь свой божественный авторитет. Однако добивать румийцев надо. Никуда от этого не денешься. Разве, предложить почетную капитуляцию? Свои же не поймут: отпускать с оружием заклятых, ненавистных врагов, проливавших на протяжении десятков лет кровь их сородичей.... Нет, не поймут. А сдаться на милость победителей не захотят сами румийцы. Не так воспитаны, да и не приучили их сдаваться местные с их жертвоприношениями. Тем не менее, попробовать надо. Хотя бы для очистки совести.

Поднялся на ноги, хлопнул по спине Туробоя.

- Пойдем поближе к Румийцам. Поговорим.

Тот кивнул, махнул рукой, стоящим неподалеку воинам ближней дружины. Те быстренько подтянулись поближе, сбились в плотную кучку.

- Пошли, - кивнул я в сторону форума. - Приготовьте щиты. Будете прикрывать от всякого летающего мусора.

Все оказались при щитах, потому сразу двинулись к цели, раздвигая бестолково топчущиеся на площади толпы вооруженного люда. Добрались до лестницы довольно быстро. Остановились метрах в пяти от нижних ступенек, перед небольшим валом трупов, образовавшимся в результате предыдущих попыток штурма.

- Хочу говорить с вашим начальником! - крикнул, в застывшую по верхнему краю лестницы стену щитов.

Довольно долго никакой реакции не наблюдалось. Хорошо, хоть, острыми железяками швыряться не начали. Последние, впрочем, видимо, уже закончились. Вряд ли здесь имелся большой запас пилумов. Могли, правда, запустить свинцовую пулю из пращи, но пока тоже воздержались. Наконец в рядах легионеров возникло какое-то движение и, спустя десяток секунд щиты напротив нас разомкнулись, пропуская воина в богатых доспехах и шлеме с пышным красным плюмажем. Похоже, очередной легат снизошел до переговоров с вожаком диких унтерменшей. Это я про себя.

Легат, не спеша, спустился и остановился на нижней ступеньке лестницы. С противоположной стороны вала трупов. Один. Без сопровождающих. Да и чего ему было терять. Расставил ноги на ширину плеч и заложил руки за спину. Чем-то он неуловимо походил на Гая Луция Флавия, того, с которым я имел честь общаться у Лешачьего болота. Про 'честь общаться' говорю безо всякой иронии. Сходство было не внешним. Внешне как раз этот парламентар от Гая Луция отличался весьма ощутимо. Коренастый, круглолицый, хорошо за пятьдесят. Сходство было внутренним. Та же несгибаемая воля и уверенность в своем превосходстве, не смотря на критическую ситуацию, в которой оказались румийцы. Юберменши-культуртрегеры, черт бы их взял! Только что не блондины, а то добавил бы к этим эпитетам 'белокурых бестий'. Хотя, блондины среди румийцев тоже встречались. Была виной тому кровь представителей покоренных племен, разбавившая кровь пришельцев, или попадались таковые и изначально? Бог весть.

- Что ты хотел мне сказать? - процедил, тем временем, румийский легат.

Ну, вот опять: ни 'здрасьте', ни представится. Грубияны какие. Впрочем, по зрелому размышлению решил тоже сохранить инкогнито - ни к чему искушать отчаявшихся, готовых на все, людей близостью заклятого врага.

- Предлагаю сдаться, гарантирую всем жизнь, - уже понимая, каков будет ответ, произнес я.

- Ответ - нет, - без всякой паузы отозвался румиец. - Что-то еще?

Что еще? Черт его знает!

- Если вы хотите умереть с честью - ваше право, но причем тут женщины и дети? - родил, наконец, следующую фразу. - Пусть они выходят. Им не причинят никакого вреда. Если же мои воины ворвутся в форум по вашим трупам и трупам своих товарищей мне будет очень трудно их остановить. Надеюсь, ты это понимаешь?

- Понимаю... - протянул мой собеседник. - Интонации его неуловимо изменились. В голосе послышался интерес. - Как я понял, нас удостоил разговора сам Посланник богов?

Вот так - сразу и раскусили. Понтов надо поменьше. А то, сразу - 'гарантирую', 'мои

воины', скромнее, надо быть. Ну да чего уж теперь. Согласно кивнул.

- Ты не ошибся. Может быть, тоже представишься?

- К чему, - пожал плечами румиец. - Слишком коротким окажется знакомство.

Он глянул на солнце.

- Думаю, скоро подтянутся нормальные бойцы, а не этот сброд, - кивнул легат в сторону площади, - и к вечеру все будет кончено. Но мы постараемся взять в Ирий с собой побольше ваших.

- Так что с женщинами и детьми? - помолчав, счел нужным переспросить я.

Лицо румийца перекосила жутковатая усмешка.

- Наши женщины и дети разделят нашу судьбу. У тебя что-то еще?

Я молчал, не зная, что добавить.

- Тогда иди к своим воинам, Посланник, - продолжил безымянный легат, - не искушай меня. Эх, не будь ты парламентаром...

- Не так уж это просто, - с какой-то мальчишеской запальчивостью, прицепился я к последней фразе.

- Возможно, - кивнул румиец, - но я, все же, попробовал бы.

Понты продолжали переть через край, не желая прислушиваться к голосу разума и я продолжил:

- У тебя будет такая возможность, легат, пожелавший остаться неизвестным. Первую атаку я возглавлю лично.

Вот теперь все. Последнее слово осталось за мной. Повернулся кругом и быстро, чтобы румиец не успел сказать ничего в спину, двинулся к центру площади. Когда добрался до фонтана и обернулся, легата уже не было. Встал он в общий строй, или скрылся в здании? Не знаю. Но почему-то был уверен, что, как только мы начнем атаку, он появится в первых рядах - ведь я же обещал быть среди атакующих.

Еще через полчаса на площадь начали прибывать отборные воины, оттесняя в боковые улочки толкавшихся здесь до сих пор представителей не самых сильных союзных отрядов. Велимир со свитой явился в первых рядах. С ним прибыла Волеслава, до сих пор пропадавшая неизвестно где. Мне даже начало ее не хватать в последние пару часов. Довольный, как удав, только что сожравший кролика, Великий князь сразу начал поздравлять с взятием Лютеции.

- Лютеция еще не взята, - довольно резко прервал его словоизлияние и кивнул в сторону форума.

Велимир обиженно умолк, глянул на блестящий доспехами строй легионеров, застывший на площадке перед зданием, зловеще усмехнулся и процедил:

- Ты про этих покойников? Мои воины сметут их в мгновение ока.

- Не думаю, что это будет так просто, - бросил в ответ. - Готовь воинов к штурму.

Велимир кивнул и начал раздавать приказы, окружавшим его подчиненным. На площади стало весьма оживленно. Сотники скликали воинов и строили их в стену-фалангу. В первые ряды ставили копейщиков. Это правильно: у румийцев копий не наблюдалось, потому у наших тут будет преимущество.

Чтобы не мешать отошел к фонтану и опять уселся на край чаши. Тут же рядом оказалась Валька, присела рядом на корточки, взяла мою левую кисть в теплые, маленькие, шершавые от мозолей ладони (ну да, ежедневные упражнения с мечом гладкости коже не прибавляют) и с тревогой заглянула в глаза.

- Ты в порядке, посланник?

- Все хорошо, Волеслава. Устал немного, - улыбнулся ей.

Не скрою, такое проявление заботы оказалось приятным. На сердце потеплело. Отодвинулись куда-то в глубину сознания картины виденных сегодня жестокостей и мерзостей. Даже предстоящая атака со всеми вытекающими стала меньше беспокоить. Жрица как-то несмело улыбнулась в ответ. Пожалуй, впервые за все время нашего с ней знакомства. Надо сказать, улыбка ей шла. Суровое, обычно, лицо смягчилось, на щеках появились очаровательные ямочки, темные глаза заискрились внутренним светом. Не сдержавшись, прижал ее правую ладонь к своей щеке.левой Волеслава в это время гладила мои, слипшиеся от пота, волосы. Голова закружилась. Захотелось бросить все, подхватить девушку на руки,

унести куда-нибудь подальше ото всего происходящего здесь ужаса и там наедине забыться в ее объятиях.

Идиллию нарушил рев, приготовившихся к атаке славских воинов. Руки Вальки вздрогнули. Она мягко освободила их из моих, пытающихся удержать, ладоней и сказала:

- Тебе нужно сказать что-то воинам. Тяжело идти в атаку на тех, кто решил умереть.

- Ну да, - поднялся я на ноги. - Надо что-то сказать. А потом идти с ними вместе.

- А вот это совсем не обязательно, - сразу же вскинулась жрица.

Лицо ее мгновенно преобразилось, вновь обретя былую надменную суровость. Ну, что ты будешь делать - испорченный властью ребенок. Работать с ней еще и работать.

- Я сам решу, что обязательно, а что нет, - добавив металла в голос, отвечал строптивой девице.

Валька дернула уголком рта, но сдержалась. Встала, поклонилась и ледяным голосом произнесла:

- Да, конечно, господин.

То-то! Тоже поднялся на ноги и осмотрелся. Туробой стоял, метрах в трех, деликатно отвернувшись. Воины ближней дружины, образовавшие вокруг нас кольцо диаметром метров семь-восемь, так же стояли к нам спинами. Чуткие все какие.

- Пошли, - хлопнул по плечу своего телохранителя.

Тот кивнул, махнул рукой, стоящим в оцеплении воинам, и мы двинулись к выстроившимся к бою славам. Велимир встретил нас у заднего ряда строя.

- Разрешить начать атаку, посланник? - с показной, как показалось, деловитостью спросил он.

- Разрешаю, - кивнул в ответ. - Только возглавлять ее буду я. Распорядись поставить меня с моими воинами в первый ряд.

- Да простит посланник мою дерзость, но это совершенно лишнее, - помрачнел Великий князь. - Мои воины справятся и без твоей помощи.

- Не факт, - протянул в ответ. - К тому же я обещал это их легату.

- Обещания, конечно, надо выполнять, - покачал головой Велимир.

Помолчал немного. Потом сказал:

- Тогда позволь мне прикрывать в бою твой правый бок. Левый есть кому. - Он кивнул на Туробоя.

Почему нет?

- Согласен. И давайте зайдем место в строю - воины заждались, еще перегорят.

После неизбежной сутолоки я, Велимир, Туробой и воины ближней дружины встали в центре фаланги, в первом ряду. Вывернулись. Сомкнули щиты. Мне всучили короткое копьё с толстым древком и массивным наконечником. Судя по всему какую-то разновидность рогатины. Рука сжала древко уверенно. На автомате поднял копьё на согнутой руке над правым плечом и положил на край щита. Похоже, боги наделили меня и умениям копейного боя. Напрягая связки, заорал:

- Вперед доблестные славы! Растопчем румийских ублюдков! Я с вами!

Ответный рев буквально оглушил. В следующее мгновение стена воинов двинулась вперед. Не быстро, сохраняя равнение в шеренгах. Добравшись до вала трупов и перебравшись через них, ряды фаланги несколько расстроились. Насколько мне было видно. Начали подниматься по лестнице. Здесь держать равнение стало еще сложнее - сказывалась недостаточная выучка. Из-за строя румийцев сверху полетели свинцовые шарики, выпущенные пращниками и редкие пилумы - не совсем еще закончились, оказывается. Большого урона ни те, ни другие не нанесли, опять же, насколько я заметил. Несколько метательных шариков-пуль ударили в мой щит. Потом в него воткнулся пилум. Вот это было неприятно. Длинный металлический стержень, соединяющий наконечник с древком, согнулся, и нижний конец этого древка упирался в ступеньки, мешая не только действовать щитом, но и вообще двигаться вперед. Ударил мечом по стержню, пытаюсь перерубить. Не вышло. Черт!

Потом я почувствовал довольно непочтительный толчок в спину. Оглянулся. Воин из задней шеренги протягивал щит. Бросил свой. Туробой и Велимир, рискуя получить от румийцев летающий гостинец, прикрыли меня своими щитами. Подхватил оружие защиты,

вздел его на левую руку и двинул дальше по лестнице, подравниваясь под бойцов в первой шеренге. Заняла вся эта процедура буквально три-четыре секунды. Ни телохранитель, ни князь, вроде, при этом не пострадали.

Когда, до стоящей на верхнем краю лестницы фаланги румийцев осталось с десяток ступеней, сотники, идущие в первой шеренге, издали вопль - сигнал к атаке. Воины взревели в ответ и бросились вперед и вверх. Я тоже заорал и рванул вместе со всеми, стараясь держать равнение. Румийцы ждать нашего удара не стали и бросились навстречу. У них имелось преимущество - двигались сверху, а глубина строя и, соответственно, масса удара оказалась не меньше нашей. Я все же успел ткнуть своим копьем, целясь выше щита, прущего на меня legionера. Попал удачно - голова румийца дернулась назад, он завалился в бок, под ноги своим соратникам. Потом последовало столкновение щитов в щиты. Копье, которым пытался пырнуть следующего противника, вылетело из рук. От мощного удара я пошатнулся и если бы сзади меня не подпер своим щитом, стоящий во второй шеренге воин, лететь бы мне вниз по лестнице, гремя доспехами. Но - задний воин удержал, подпертый, в свою очередь щитами соратников из всей глубины своего ряда. Тем не менее, наша фаланга попятилась. Ступеньки на три четыре. И началась резня. Грудь в грудь.

Сразу достать меч не получилось и первые несколько десятков секунд пришлось действовать исключительно щитом, парируя уколы гладиуса моего противника. Мужичок попался шустрый - меч в его руке мелькал со скоростью иглы в швейной машинке, постоянно меняя направление ударов, в поисках слабого места в моей обороне. Хорошо еще славский воин из второй шеренги, стоящий за моей спиной и своего копья не потерявший, немного отвлекал legionера, пытаюсь достать того в лицо. Румийцы продолжали давить, и наш строй медленно пятился вниз по лестнице. Улучив момент, скосил глаза влево и вправо. Туробой и Велимир свои копья тоже потеряли, но сумели достать мечи и, тоже колющими ударами, пытались достать, противостоящих им румийцев. Потом мой друг-телохранитель надавил на щит противника, сражающегося с ним, оттеснил его чуть влево, подшагнул вперед, открывая свой правый бок, и, изловчившись, уколом слева на право, на верхнем уровне, поразил legionера, атакующего меня и оставшегося без прикрытия, в шею. И сразу же вернулся в исходное положение. 'Мой' румиец вскрикнул, пошатнулся и отступил назад, вглубь своего строя. На его место тут же выдвинулся следующий в ряду боец. Но за это время я успел вытащить меч из ножен и теперь мог не только обороняться, но и атаковать.

Вот тут сказались, полученные мной от местных богов умения. Меч мой, как я уже говорил, был приспособлен и для колющих ударов, рубящие в такой тесноте наносить было проблематично - давка все увеличивалась. Я довольно быстро достал, противостоящего мне врага, сумев отжать его щит чуть в сторону, и воткнув меч в открытый участок шеи. Тот завалился назад, не позволив стоящему за ним воину, быстро заполнить образовавшуюся в строю, брешь. Воспользовавшись этим, сделал быстрый шаг вперед, сильно толкнул щитом legionера слева, одновременно пытаюсь уколоть мечом вражеского воина справа. Legionер, которого толкнул, пошатнулся и немного открылся, чем не преминул воспользоваться Туробой, вонзивший свой меч в его глазницу. Издав вопль, тот отшатнулся. Сильным толчком щита в щит мой телохранитель опрокинул подранка и, шагнув вверх по лестнице, поравнялся со мной. Отвлекийся на мою атаку legionер справа, был сражен Влимиром мощным колющим ударом в грудь, пробившим пластинчатую кирасу. Секунда и Великий князь уже прикрывает мой, наиболее уязвимый в фаланговом бою, правый бок. Я, к тому времени, уже успел подловить следующего противника на неосторожном выпад, хорошо пропоров тому плечо. Воспользовавшись его замешательством, втиснулся между раненым и противником Туробоя, растолкал немного растерявшихся legionеров, расширил пространство для боя и начал щедро раздавать удары. Телохранитель, рыча, пытался пробиться поближе ко мне. Пока безуспешно. Велимир тоже приотстал, потому заботиться о защите приходилось самому. Но я справлялся, слава местным Богам! Мне удалось сразить нескольких legionеров, еще расширив жизненное пространство. Туробой удалось пробиться ко мне, а вот князя оттеснили, несмотря на все его усилия. Оттеснили вместе со всем нашим строем, так, что мы с моим телохранителем оказались окруженными врагами со всех сторон.

Теперь стало не до наступления. Мы встали спина к спине, едва успевая отражать град, сыплющихся на нас ударов. Продолжалось это довольно долго, не меньше минуты. Потом

раздался окрик-команда и удары внезапно прекратились. Стало возможно немного осмотреться. наших оттеснили почти к самому подножию лестницы, так, что мы оказались в самой середке румийской фаланги.

Сквозь, окруживших нас легионеров, продрался знакомый легат, не пожелавший назвать своего имени во время переговоров.

- Ты держишь слово, посланец, - одобрительно усмехнулся он. - Что ж, я приму на себя честь убить тебя.

- Это не так просто, - пытаюсь отдышаться, усмехнулся я.

- Я помню, - серьезно кивнул легат.

В следующую секунду он атаковал.

- Держи спину! - успел крикнуть Туробоем.

Потом отвлекаться на что-то кроме поединка стало некогда. Румийский командир оказался великолепным фехтовальщиком. Пожалуй, лучше меня. По крайней мере, вначале поединка я только защищался. И то с трудом. Как-то изловчившись, контратаковал, почти достав его незащищенную доспехами, подмышку. Почти. Румиец каким-то чудом увернулся, отступил и, переводя дыхание, произнес:

- Неплохо для варвара. Пусть и посланника Богов. Где тебя учили владеть мечом?

- В Ирии, - ответил на выдохе.

- Ну-ну. Защищайся!

Снова посыпались удары. Правда, стало чуть легче. То ли я приспособился к стилю боя своего противника, то ли умение владеть мечом оказалась функцией самонастраивающейся, которая, столкнувшись с более высоким уровнем, начала совершенствоваться. Почему-то последнее объяснение показалось более вероятным. Легат, похоже, почувствовал рост моего мастерства и снова, разорвав дистанцию, прекратил бой. На правой его руке, выше локтя, кровоточил изрядный порез - все же удалось достать этого живчика.

Румиец глянул на рану, потом на меня. В глазах его мелькнула тень страха.

- Неужели тебе действительно помогают боги? - пробормотал он негромко, так, что услышал только я.

- Надо полагать, - пожал плечами.

Продолжить этот содержательный диалог нам не дали. Снизу, со стороны славского строя, оттесненного к самому подножию лестницы, раздался дикий рев. Похоже, до доблестных славов дошло, что их надежда и знамя - посланник богов где-то потерялся. Где - было прекрасно видно: обзор снизу на то место, где мы оказались с Туробоем открывался превосходный. В следующий миг фаланга славов выбросила гигантский язык из своего центра. Воины бросились вперед плотной толпой, не соблюдая строя, но порыв оказался таким стремительным и всепоглощающим, что легионеры не выдержали и попятились. Славы усилили напор и румийцы, не выдержав, откатились, обтекая нас с Туробоем и увлекая за собой безымянного легата. Еще миг и нас окружили ликующие воины, подняли меня на руки и стащили вниз по лестнице. Там бережно опустили на плиты площади и вытолкали подальше от форума, поближе к центру площади. Румийцы, выровняв строй, отступили наверх и снова застыли на краю лестницы. Наши их не преследовали.

Больше в атаку меня не пускали. Да я и не очень настаивал - устал. В течение следующего получаса на площади собралось достаточное количество варангов и новуградцев, чтобы составить из них фалангу для следующей попытки штурма. Еще минут десять ушло на построение. Потом стена воинов двинулась вверх по лестнице. Дальше события разворачивались по точно такому же сценарию. Не дав добраться варанго-славам до верха лестницы, румийцы ударили всей своей массой сверху вниз. С минуту наши держались на месте, потом начали медленно пятиться. Легионеры преследовали отступающих до самого низа. На последних ступеньках остановились и, сохраняя равнение, возвратились на исходную позицию.

И что делать? Похоже, безымянный легат, предсказавший к вечеру нашу победу, был излишне оптимистичен, или пессимистичен, это с какой стороны посмотреть. Гробить отборных воинов - жалко. Пусть потрудятся дармоеды-союзники, которых набежало в лагерь

немереное количество. Отдал соответствующий приказ. Велимир отрядил для этого дела наших тяжелых конников, которые растеклись по улицам и начали сгонять на площадь разношерстные отряды, занятые грабежом и насилием. Заодно прихватывали казачков и, попавшихся на пути, степняков Хулагу. Сам он, что-то подзадержался со сбором своих всадников. Собранных стрелков приводили в чувство и ставили у дальней от здания форума стороны площади. Тавров спешили. Лошадей табунщики отогнали в лагерь степняков. Из лагеря подвозили связки стрел, и вскоре небо над площадью зарябило от выпущенных в румийскую фалангу, пернатых носителей смерти. Обстрел продолжался около часа. Заметного ущерба, прикрывшимся щитами румийцам, он не нанес.

В течение этого часа, отцы-командиры отбирали и строили на площади союзников. Потом скомандовали атаку. Заорав что-то воинственное, те бросились вверх по лестнице, мгновенно расстроив тщательно выровненные ряды. Румийцы не баловали разнообразием тактических приемов. Снова встречный удар, столкновение. Десяток секунд наши союзники легионеров держали, а потом в панике посыпались вниз по лестнице, топча своих раненых и убитых. Румийцы опять остановились внизу лестницы. Потом отступили. Единственный плюс, который принесла эта атака - во время контрудара легионеры не были столь плотно прикрыты щитами и понесли кое-какие потери, от продолжающегося и во время боя обстрела.

Деморализованных вояк погнали с площади вон. Потом в течение минут строка слепили строй из следующей партии, собранных к этому времени, горе-солдат. В этот раз половину численности фаланги составляли готы. Этих я уже научился узнавать. Вооружение у них, как правило, было вполне приличным, да и воевать ребята умели, потому продержались на лестнице достаточно долго, минут десять. Медленно пятась, под напором румийцев. Последние опять понесли какие-то потери - от клинков штурмующих и стрел лучников, но не слишком большие.

Потом последовали еще две атаки силами союзников. С тем же успехом. Солнце пекло. Подсохшая кровь, перемолотая тысячами ног, превратилась в пыль, которая серо-бурым облаком висела над площадью, лезла в нос и рот, оставляя металлический привкус на языке. Все последние три часа лучники продолжали обстрел. Площадка перед форумом, на которой неколебимо продолжали стоять румийцы, покрылась сплошным слоем стрел. Стрелы съезжали вниз по лестнице, останавливаясь на ступеньках. Щиты, создававшие над строем легионеров практически непроницаемый панцирь, покрылись щетиной воткнувшихся стрел. Какие-то из них наверняка добирались до цели, но внешне это не было заметно - убитых и раненых без лишней ажитации эвакуировали в здание форума. А ведь наверняка румийцам еще хуже, чем нам. Наши хоть менялись и могли отойти отдохнуть, а этим приходилось, который уже час стоять под обстрелом и солнцепеком, еще и отбивая, периодически, атаки. Но легионеры стояли. И сражались. Причем, с неослабеваемым упорством. Им было за что - здание форума заполняли их женщины и дети. Теперь я начал понимать слова Волеславы о трудности сражения с людьми, решившими умереть.

В седьмую атаку снова решил послать отборных славов, уже пробовавших румийцев на прочность в самый первый раз. Строго говоря, они сами попросили об этом. Вернее, попросили посланные от них, делегаты. Пополнил, строящуюся фалангу варангами, тоже изъявившими желание поучаствовать в деле. И вот - седьмая атака. На этот раз легионерам не удалось заставить наших сразу начать пятиться. Видно подустали, да и потери, какие-никакие, понесли - масса фаланги уменьшилась. И наши в этот раз были злее и упорнее. Резня шла где-то на середине лестницы. Уже минут семь. Наши отступать не желали, румийцам отступать было просто некуда. Лязг железа, крики ярости и боли, хрип умирающих, все это слилось в жуткую, бьющую по ушам и отдающуюся в черепе тупой болью, какофонию. Добавляли сюда децибел вопли группы поддержки - собравшихся на площади воинов, не участвующих в штурме. Этих охватил дикий азарт, куда там футбольным болельщикам. Стоящие неподалеку от меня, швыряли щиты на землю, топали ногами, вздымали к небу сжатые кулаки и Орала. Именно так - большой буквы. Невольно и я стал поддаваться, охватившему толпу, азарту. Вскочил на край чаши фонтана, тоже закричал, что-то ободряюще-воинственное, замахал снятым шлемом. И, похоже, эта поддержка начала помогать: наши поднялись на одну ступеньку. Минуту спустя, еще на одну. Потом сразу на две. Ликованию публики не было предела. Меня тоже душил восторг.

В итоге болельщики все и испортили. Наиболее активные из них, пожелавшие лично поучаствовать в добивании ненавистных румийцев. Из орущей толпы начали выскакивать и устремляться к сражающимся воины, намеревавшиеся вмешаться в драку. Расталкивая монолитный строй варанго-славов, они пытались добраться до румийцев. Давившие своими щитами в спины впереди стоящих, и обеспечивая необходимый для наступления напор, воины задних рядов, сбитые со своих мест неожиданными помощниками, ослабили усилия, чем не преминули воспользоваться легионеры. Издав боевой клич, они нажали на наших. И те подались назад. 'Помощники' продолжали вносить неразбериху, нарушая монолитность строя. Отступление ускорилось. Шеренги начали ломаться, образуя прорехи. Румийцы нажали еще и наши побежали. Не отступили, а именно побежали. Видно, ребята настолько выложились, что стоило ситуации измениться не в их пользу, так все посыпалось. К счастью, бежали так стремительно, что румийцам во время короткого преследования не удалось нанести нашим слишком больших потерь. Тем не менее, потрясение было страшным. Вопль ярости и разочарования пронесся по толпе.

Я спрыгнул с чаши фонтана. Бегущие от лестницы воины, не в силах остановиться, расшвыряли, толпящихся в ближней к форуму части площади 'болельщиков', и остановились уже где-то за фонтаном, чудом не сбив с ног меня и мою свиту. Румийцы опять остановились внизу лестницы и, выровняв ряды и сомкнув щиты, вернулись наверх, на площадку перед зданием.

Меня душила ярость. На идиотов, сорвавших атаку, румийцев, не желающих умирать, этот чертов мир, куда меня забросило без всякого моего на то согласия. Но главным образом, все же, на румийцев. Ведь предложили же им капитуляцию! Нет, не захотели! А ведь могли все остаться живы! Ну, ладно! Не хотели по хорошему....

Как уже сказал, ярость ослепила меня и не давала мыслить адекватно. В более или менее спокойном состоянии я вряд ли решился бы на такое. А сейчас.... Охваченный темной злобой, ввел себя в состояние, хорошо запомнившееся тогда в рощице, несколько дней назад, когда пытался оживить павших воинов. Со страшноватым результатом. Войти в транс раз от раза становилось все легче. Вот и сейчас, окно в небесах открылось менее чем через минуту. Потом уже знакомый радужный поток, который усилием воли я, превратив из конуса во что-то вроде тонкой широкой завесы, направил на вал трупов у подножия лестницы, пожелав им оживления. Подержал поток с минуту. Потом убрал. Еще минуту ничего не происходило. Подумал, было, что ничего не вышло, и даже испытал короткое облегчение - ослепившая меня ярость начала остывать. Но вот в гряде мертвых тел началось шевеление. Один за другим мертвецы начали выбираться из общей кучи и подниматься на ноги. Вскоре все они стояли у подножия лестницы, по-крайней мере, те, кто имел нижние конечности. Лишенные таковых тоже пытались встать в этот безмолвный, бездыханный строй. Им никто не помогал, и они, извиваясь, пытались принять вертикальное положение, цепляясь за своих стоящих сотоварищей. Выглядело все это весьма неприятно и пугающе.

На площади воцарилась мертвая тишина. Лучники прекратили стрельбу. Замершие в ужасе наши, смотрели на оживших мертвецов, не в силах издать ни звука. Надеюсь, румийцы чувствовали то же самое. Даже мне, сотворившему все это и, теоретически, держащего ситуацию под контролем, было весьма не по себе. Послушная моему посланию толпа мертвецов двинулась вверх по лестнице, подбирая по пути брошенное оружие. Для вящего эффекта я заставил их двигаться одновременно и в ногу - сделали шаг левой, замерли. Потом правой и опять замерли. Получилось весьма эффектно - идеальная психическая атака. Грохот шагов гулким эхом разносился по безмолвной площади.

Так, похоже, румийцев проняло: по мере подъема мертвого войска по лестнице, легионеры начали пятиться, правда, сохраняя равнение в шеренгах - видимо, это вбили в них на уровне инстинкта. Мертвецы преодолели последние ступени и начали заполнять площадку перед зданием форума. Румийцы допятились до колоннады и остановились - отступить дальше, значит разрушить строй. Подталкиваемые мной мертвые воины, приближались. И тут, растолкав плотные ряды легионеров, вперед вышел уже знакомый мне легат. Повернувшись к румийской фаланге, он крикнул что-то ободряющее, вытащил меч из ножен и двинулся навстречу мертвецам. Да-а-а.... Пожалуй, я бы так не смог. Румийский начальник, тем временем, добрался до первого из наступающих и рубанул его по шее. Никакой попытки

защититься покойник не предпринял, только попытался ткнуть румийца мечом, причем, довольно неуклюже. Удар же легата удался на славу. Голова, почти отделенная от тела, слетела с плеч и повисла за спиной мертвого воина на тонком лоскуте кожи и мышц. Еще секунду он стоял на ногах, потом рухнул и застыл без малейших признаков движения. Прямо все, как в читаных ужастиках: голова долой - конец зомбяку.

Ближние к легату ожившие мертвецы попытались его атаковать, но вояки из них оказались никакие. Румиец легко рубил руки с тянущимися к нему мечами и прочими острыми железками. Потом добивал бестолково толкущихся противников ударами в шею, перерубающими позвоночник со спинным мозгом. Оказалось, что этого достаточно для обездвиживания мертвых воинов. Воодушевленные legionеры двинулись вслед за своим командиром. Мертвецы, не снижая скорость, шли им навстречу. Миг и два отряда живых и мертвых воинов сошлись. Дальше началось избиение, если это слово уместно в отношении уже убитых. Плотный сомкнутый строй румийцев сминал и дробил рыхлую толпу моих подопечных. Было понятно, что полное их уничтожение займет не более пяти минут, а потом legionеры снова непреодолимой стеной встанут по верху лестницы.

Надо срочно пользоваться моментом - бежать наверх. Наверху драться будет немного легче. Оглядел своих воинов. Да, двинуть их в атаку, вслед за восставшими из мертвых товарищами, непросто. Разве только личным примером. Я перестал контролировать покойников, все равно им осталось недолго, продрался вперед, сопровождаемый, словно двумя тенями Туробоем и Хегни, обернулся к застывшим людям и проорал:

- Братья! Наши погибшие друзья открыли нам дорогу наверх! Не дадим им, умирающим во второй раз, принять эту муку напрасно! За мной! Вперед!

Потом развернулся лицом к лестнице и побежал наверх. Чуть позади справа и слева слышался топот ног моих спутников - телохранителя и воеводы. Мы успели добежать почти до середины лестницы, когда сзади раздался топот множества ног. Слава богам!

Пара секунд и наша троица оказалась на краю возделенной площадки. Здесь еще ковыляли в сторону румийцев одиночные мертвецы, у которых имелись нелады с опорно-двигательным аппаратом. Продвинувшись вперед еще метров на десять, я притормозил, решив подождать, догоняющих нас славов. Румийцы и добываемые ими зомби, находились от нас метрах в десяти-пятнадцати. Минута, другая и legionеры пошинковали последних наших мертвых бойцов. К этому времени вокруг нас сформировался не слишком плотный и не слишком ровный, но строй. Румийцам после безумной рубки с ожившими покойниками требовалась передышка. Скорее моральная, чем физическая. Потому их фаланга притормозила и замерла метрах в десяти от нашей. Нам, после пробежки по лестнице, тоже нужно было отдышаться, и создать хотя бы подобие строя, потому с атакой тоже не спешили.

Так простояли друг против друга довольно долго - минут пять-семь. Потом из-за строя румийцев прохрипела труба. Сигнал к атаке, как я понял. И блестящая сталью фаланга, двинулась на нас. Ухватил щит поудобнее, напрягся в ожидании удара. Грохот двух, столкнувшихся фаланг и одновременный удар щита в мой щит. Пошатнулся, но устоял, подпертый в спину щитом стоящего позади воина. Наш строй оставался все еще рыхловатым и потому мы попятились. На пять шагов. Я считал.

Лицо румийского воина, атакующего меня, было серым от пыли, в потеках пота. Лицо молодое, осунувшееся. Румиец устал. Устал смертельно. Но глаза его светились упорством и жаждой победы. Хотя, о какой победе в их ситуации могла идти речь? Но мой противник давил, толкаемый воинами всего своего ряда. И еще пытался достать меня своим гладиусом из-за щита. Ну, уж это - вряд ли!

Как было сказано, мы попятились на пять шагов. Потом остановились. Толпящиеся на площади воины, а их скопилось там тысячи три-четыре, преодолевали лестницу и давили нам в спины, увеличивая массу нашего строя и, соответственно, силу напора на противника. Минуту оба строя находились в неустойчивом равновесии, а потом мы двинулись вперед. Мой юный противник, не желающий отступать, чуть задержался с отходом, подставив не закрытый щитом соседа, правый бок. И тут же поплатился, получив укол в подмышку, от стоящего в строю слева от меня, Туробоя. Скорчился, упал на колено, обнажая шею. Добивать не стал - пожалел. Ударил щитом в голову. Румиец опрокинулся навзничь. Может, выживет, если не затопчут.

Как обычно, прореха в румийском строю была мгновенно заполнена. Следующий мой противник оказался опытным воином лет сорока. Уперевшись щитом в щит, он попытался достать меня мечом. Поняв, что здесь ничего не светит, молниеносно нанес удар нижним краем щита, целясь в мою, выставленную вперед, левую ступню. Этого приема я не знал, но знало мое подсознание, снабженное соответствующими умениями привнесенными в него местными богами, или кем там еще? В общем, ногу я успел отдернуть. И даже, успел нанести укол, в открывшееся над верхним краем щита, горло легионера. Еще один готов! Мной начал завладевать боевой азарт. Усилил нажим на щит следующего, вставшего на место поверженного соратника, румийца. Тот ощутимо подался. Похоже, ряд легионеров, стоящий напротив ряда, возглавляемого мной, изрядно истончился и уже не в силах был выдерживать наше давление. Однако вырваться вперед нельзя - быстро получишь железку в печень. Сдержал себя. Тем не менее, по всему фронту боя ситуация менялась в нашу пользу - румийцы пятились все быстрее. А когда мы прижали их колоннаде и им пришлось разорвать монолит строя, началась резня - в индивидуальном бою отборные славяне и варанги, все же, превосходили румийцев.

Бойня между колонн продолжалась около десяти минут. Меня из этой свалки выдернули почти силком Туробой и Хегни. Потому наблюдал все это со стороны. В итоге, большинство румийцев было перебито. Оставшиеся заняли все три входа в здание, успешно отражая все попытки выбить их оттуда.

После нескольких таких попыток наши откатились, от оцетинившихся сталью дверей, переводя дыхание. В сражении опять возникла пауза. Я глянул на небо. Солнце клонилось к земле. Жара ощутимо спала. Глянул на часы. Пять ноль семь. Надо бы до темноты закончить весь этот ужас. Огляделся по сторонам. Площадка перед форумом была завалена телами. Особенно много их лежало между колонн. Корчились и стонали раненые. Пользуясь паузой наши воины начали вытаскивать своих и добивать румийских. Вмешиваться во все это уже не было сил. Хотелось присесть - ноги держали плохо. Сесть было некуда. Разве на труп легионера, валяющийся прямо под ногами. Нет уж, лучше потерпеть.

И что дальше? Атаковать в лоб? Три входа шириной метра три-три с половиной каждый. Как раз плотно встать шести легионерам - щит к щиту, плечо к плечу. Которых сзади подпирают еще неизвестное количество воинов. Количество не маленькое, так просто не продавишь. Подтащить таран, сломать стену? Пролом тут же займут другие румийцы, их для этого осталось еще достаточно. Да и подтащить таран, установить его, пробить довольно толстую стену - на это уйдет немало времени. Пожалуй, до темноты не успеть. Залезть по лестницам на крышу, разобрать черепицу.... А дальше? Прыгать вниз будет высоковато - минимум двенадцать метров, а это четвертый этаж. Спускаться на веревках? Перебьют поодиночке.

Этот мой перебор вариантов дальнейших действий прервал все тот же легат, не удосужившийся в свое время представиться. Он вышел из центрального входа, раздвинув своих воинов и остановился метрах в десяти от первой шеренги славян как раз напротив того места, где стоял я за рядами своей фаланги.

- Посланник! - крикнул он. - Я хочу говорить с тобой!

Голос легата звучал устало и хрипловато. Лицо за те несколько часов, которые я его не видел, заметно осунулось. Глаза запали, вокруг них залегли темные круги. Раздвинув, в свою очередь, славян, вышел вперед, остановив жестом, дернувшегося, было, за мной Туробоя. Встал напротив румийца.

- Слушаю тебя, легат, пожелавший остаться неизвестным, - разлепив запекшиеся губы, произнес я.

- Предлагаю следующее, - сразу взял быка за рога румиец. - Мы завершаем начатый поединок, и если я побеждаю, вы выпускаете женщин, детей и, оставшихся живых воинов из города, и даете сопровождающих до самых стен империи.

- Ты уверен, что славяне после моей гибели выполнят эти условия, - усмехнувшись, спросил я.

- Постараюсь, чтобы ты остался жив, - пояснил легат.

- Спасибо, - кивнул в ответ совершенно серьезно. - А если свое слово не сдержу я?

- Это вряд ли, - усмехнулся теперь уже румиец. - Ты производишь впечатление

человека, который держит слово.

- Спасибо еще раз. А что будет, если одержу победу я?

Лицо моего собеседника едва заметно дрогнуло.

- Тогда я обещаю, что ни один твой воин от руки моих солдат больше не погибнет.

- Я правильно понял? В этом случае вы капитулируете?

- Ни один твой воин больше не погибнет сегодня, - повторил румиец. - Только дай им после моей гибели немного времени. Все нужные распоряжения я уже отдал.

- Ну, что ж. Я, в свою очередь, тоже постараюсь тебя не убивать.

- А вот это совсем необязательно, - живо возразил легат.

- Ладно, посмотрим. Подожди немного, мне нужно объяснить все своим людям.

Тот кивнул. Я пробрался в тыл нашей фаланги и проинструктировал, подтянувшихся Велимира сотоварищи. Меня пытались отговорить от сей авантюры, потому пришлось воспользоваться авторитетом посланца богов: мол, мне виднее, что делать. После чего замолчала даже Волеслава, возражавшая активнее всех.

Взяв легкий кавалерийский щит, и вытащив из ножен меч, опять продрался сквозь фалангу, к ожидающему меня легату. Усталость под влиянием впрыснутого в кровь адреналина, отступила. Румиец ждал в обманчиво расслабленной позе, опустив к левому колену такой же, как у меня круглый кавалерийский щит, а к правой ступне острие довольно длинного меча. Я остановился в полутора метрах.

- Ты готов? - спросил румиец.

Я кивнул, и мой противник тут же стремительно атаковал. По нижнему уровню. Тело успело среагировать, в прыжке пожимая ноги. Еще находясь в воздухе, контратаковал уколом в лицо поверх щита. Румиец отбил. Верхним краем. Тут же попытался достать рубящим в правый бок. Я отбил мечом и тут же разорвал дистанцию. Несколько секунд постояли, восстанавливая дыхание. Потом сошлись вновь. Атака, контратака, атака.... На этот раз рубились дольше - с минуту. Опять разошлись, отдыхая: все же вымотались за этот длинный день и я и он изрядно. Опять сошлись. Первым снова начал румиец. Он же первым и ошибся - слишком провалился, проводя колющий удар в мое преднамеренно приоткрытое горло. Развернулся, уходя от ожидаемого удара вправо, и контратаковал его колющим же ударом в открывшуюся правую подмышку.

Легат, зажимая правым плечом, брызнувшую кровью рану, попятился, прикрываясь щитом. Добивать его я не собирался, но он, выпрямившись, метнул мне в лицо щит. Ребром, как спортивный диск. С трудом, но сумел уклониться. А румиец уже летел на меня, целя острием меча в горло. Отбил его щитом и, чисто на автомате, рубанул слева по шее. Рубанул сильно, от души. Почувствовал, как под лезвием влажно хрустнул перерубленный позвоночник. Доблестный легат умер мгновенно, да упокоится с миром его душа!

Выбравшиеся из дверей форума румийцы, издали крик ярости и разочарования. Заглушенный, мгновение спустя, ликующим воплем славов и варангов. Румийцы замолчали и начали быстро втягиваться внутрь здания. Ушли все, никого не оставив в дверях. Я остановил, подавшихся было следом, бойцов нашей фаланги, помня просьбу покойного легата. Решил подождать десять минут. Засек время.

Интересно, что же, все-таки имел в виду румиец, говоря, что ни один мой воин не погибнет больше сегодня? Черт! Может из форума имеется тайный ход за пределы города и мирные жители давно его покинули, а теперь тем же путем уходят легионеры? А хоть бы и так. Пускай. Все они заслужили жизнь своей доблестью. Вот только добраться до Империи по враждебной территории им будет непросто. Пожалуй, нужно будет помочь.

Десять минут истекли, и я уверенно двинулся к центральному входу, практически уверенный, что в здании никого не осталось. Слева тут же пристроился Туробой, справа - Хегни. Позади слышался топот множества ног - двинулись следом и воины. Мы трое миновали что-то вроде вестибюля и оказались в громадном зале с колоннами по периметру. Здесь царил полумрак. Света, лившегося из узких световых окон, расположенных под потолком, для полноценного освещения явно не хватало. Глаза после яркого дневного света адаптировались к сумеркам не сразу. Рассмотреть в подробностях интерьер сразу не удалось. Но еще на пороге в нос ударил, ставший уже почти привычным, густой запах свежей крови.

Я зажмурился на несколько секунд, стараясь ускорить привыкание глаз к полумраку.

Открыл глаза, всмотрелся в пол зала. По спине побежали мурашки. Все громадное пространство было завалено трупами. В основном женщины и дети. Кое-где легионеры. Вот зачем нужны были румийцам эти десять минут! Чавкая подметками сапог в густеющих лужах крови, прошел до середины зала, пытаясь найти хоть кого-то живого. Тщетно. Румийские солдаты выполнили свою работу качественно. Удары нанесены в сердце, так, чтобы близкие не мучились и умерли наверняка. Женщины, похоже, сами подставляли грудь под мечи. Потом легионеры перебили друг друга. Вернее, поручили это нескольким своим товарищам, с хорошо поставленным ударом, к которым выстроились в очередь. Да, такой народ победить будет сложно. Если вообще возможно.

К горлу подступила тошнота, ноги затряслись. Не хватало еще посланцу богов грохнуться здесь в обморок. Туробой со своей эмпатией сразу просек, что со мной не все в порядке и подошел в плотную, предлагая поддержку. С облегчением ухватился за него, ощущая под пальцами, греющее даже через кольчугу плечо друга. Сразу стало легче. Потихоньку двинулись к выходу. Протиснулись, сквозь застывших в молчании по краю зала воинов, и вышли на улицу. Здешний воздух после смрада, царившего в форуме, показался невероятно чистым. Дошел до края площадки, к началу лестницы, окинул взглядом, открывшуюся панораму города, вздохнул с удовлетворенным облегчением, к которому, правда, примешалась изрядная доля горечи. Ну что ж, Лютеция пала. Славы и прочие народы, живущие за стенами империи, свободны. В ближайшем будущем румийцы вряд ли решаться на новый завоевательный поход - по данным разведки внутри империи тоже начались волнения. Кстати, нужно бы этим воспользоваться в будущем. А пока.... Пока будем считать, что первая треть моей здешней миссии завершена. Осталось повергнуть в прах империю и победить Черного Властелина. Но вначале нужно найти Андрюху и его жрицу, так похожую на мою потерянную любовь.

Конец первой части